

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

СВЕРДЛГИЗ
1 49 3 5

ПУТЕШЕСТВИЯ „УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА“ ПО СССР

Аэронавты в Голодной пустыне

Советские аэронавты Романов и Бабыкин вылетели из Москвы 3 сентября, в 8 часов 56 минут утра. Аэростат легко пошел вверх. Сперва шли на высоте 400 метров между слоями облаков. Над головой и внизу растилась сплошная белая пелена. Через полтора часа они решили немного снизиться, чтобы ориентироваться, где находятся, но сильно сгустившиеся облака прижимали их к земле.

Сбросив немного балласта, они поднялись на высоту около 2 тысяч метров и так шли до вечера, а затем снова опустились до 400 метров. На этой высоте летели они до утра 4 сентября.

Этот день прошел спокойно. В пути аэронавты по радио принимали сводки о погоде, слушали концерты, вели аэрологические наблюдения, изучали облачность, делали фотографические снимки и занимались аэронавигационными работами.

В ночь на 5 сентября поднялись до 3 тысяч метров, а к утру достигли 6800 метров. Так шли 4 часа. К вечеру, за недостатком балласта, постепенно начали опускаться. Под ними растилась голая волнистая степь. Кругом, куда ни взглянешь, никакого признака жилья или дороги. Только мелкий саксаул, а кое-где щетина ковыля.

В 17 часов 10 минут аэростат легко и спокойно сел на землю. Как только вылезли из гондолы, астрономически определили свое местонахождение. Оказалось, что сели на северной окраине Голодной степи, на 47-м градусе северной широты и 39-м градусе восточной долготы.

В пустыне, в поисках жилья, воздушные путешественники

провели 7 суток. Сильно страдали от жары. Днем температура доходила до 38 градусов по Цельсию, а ночью спускалась до 2 градусов. При ходьбе и жаре очень хотелось пить, но они располагали всего полутора литрами воды в сутки на двоих.

Уложив оболочку аэростата, отдохнули, а ночью пошли искать дорогу. Ходили во все стороны за 30 километров от места посадки. Так продолжалось 6 дней. На седьмые сутки пошли в одном направлении и к утру 12 сентября вышли на проезжую дорогу, чему очень обрадовались, так как у них уже почти не осталось воды.

Еще через полтора часа услышали собачий лай и вскоре увидели три жилых юрты, принадлежащих колхозной бригаде пятого аулсовета. Эта бригада находилась в 35 километров от аула.

Немного отдохнув, Романов сел на корову и отправился в аул, куда приехал через 8 часов. В ауле он достал лошадь и верблюда и вернулся на место посадки. Отсюда доставили аэростат и свои приборы в аул. Затем караваном на коровах проехали в четвертый аул, где перегрузили весь свой багаж на верблюдов.

Из четвертого аула добрались до рудников Джезказгана, а от туда уже на автомобиле доехали до районного центра — Карсакая.

Из Карсакая проехали 375 километров на автомобиле до станции Джусалы. Здесь 19 сентября сели на поезд в Москву.

Смелые аэронавты пролетели по прямой от Москвы — 2300 километров за 56 часов и 15 минут, делая в среднем около 42 километров в час.

Среди блуждающих огней

Среди бурят с давних пор существовало поверье, будто самая высокая вершина Саянского хребта, находящаяся на 3450 метров над уровнем моря, является „священной горой, не допускающей никого к своей вершине“.

Все попытки достигнуть вершины „священной горы“ оканчивались неудачей: мешали частые смены погоды, трудные подъемы, непроходимые тропы.

В конце сентября — в самые неблагоприятные для восхождения дни — 6 рабочих и специалистов завода им. Сталина атаковали вершину Мунку-Сардык.

Преодолевая туманы, грозы, снегопад, оползни и кручи, 6 молодых ударников благополучно достигли казавшейся „недоступной“ вершины „священной горы“.

На вершине молодые альпинисты встретились с интересным явлением здешних мест — шаровидными молниями или, как их иначе называют, „блуждающими огнями“, которые часто блуждают по вершинам и ущельям Мунку-Сардык.

Восхождение и спуск произошли благополучно.

Тайны океана

Только что окончилась восьмичасовая комплексная научная станция „Садко“. Первая в мире станция, проведенная в океанических глубинах центрального полярного бассейна. Человек впервые получил здесь возможность приподнять завесу над тайнами океана, о жизни которого до сих пор только строили различные предположения.

(Продолжение см. на 3 стр. обложки).

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОГО
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

По следам восточных караванов. *Рассказ* Н. Н. БОРТВИНА.—
Теремок под снегом. *Очерк и зарисовки* АНАТОЛИЯ КЛИ-
МОВА.— Летающий сундук. *Рассказ* ЛЕОНИДА МАРТЫНО-
ВА.— Необычайное состязание. *Рассказ* СЕРГЕЯ КАЧИОНИ.—
Золото и платина. *Очерк* А. БАРМИНА.— Золотой петушок.
Рассказ БОРИСА ДОЛИНОВА.— Крылатые вестники. *Очерк
и фото* Б. РЯБИНИНА.— К саранским „богатырям“. *Путе-
вой очерк* Ю. АРГЕНТОВСКОГО.— К причалу! *Очерк* МИХ.
ЗУЕВА-ОРДЫНЦА.— По четырем рекам. *Очерк*. ЕГО ЖЕ.—
Шахматное поле камчатского следопыта. П. КАЛИНЧЕНКО.—
Погоня за „вором“. ВЯЧ. ШИШКОВА.— Красные снайперы.—
Нет такой крепости...— Географическая викторина.

---

19 35

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
С В Е Р Д Л О В С К

Фото-обложка В. Рябинина

*

Технический редактор **Г. А. Иванов**
Корректор **О. Д. Березина**

*

Свердлгиз

*

Сдано в производство 13/X 1935 г.
Подписано к печати 16/XI 1935 г.
Уполномочен. Свердловобллита В—2107.
Огиз № 1268. Индекс V—П. Бум. Оку-
ловской ф.ки. Форм. бум. $72 \times 105^{1/16}$.
Бум. л. $2^{1/4}$. Печатных л. $4^{1/2}$. Печати.
знаков в бум. л. 150 000. Учетно-автор.
л. 7,88. Тираж 7000 экз. Заказ № 974.

*

Отпечатано в типогр. Огиза РСФСР
треста „Полиграфкнига“, г. Сверд-
ловск, Банковский пер., № 3.

Рассказ Н. Н. Бортвина

От редакции

Недавно в Ленинграде состоялся международный конгресс иранского искусства. Лучшие сокровища иранского искусства эпохи Сассанидов — эпохи высшего расцвета Ирана — найдены на Урале главным образом в Чердынском, Кунгурском и Кудымкарском районах. Это — блюда, светильники, чаши для фруктов и другие предметы домашнего обихода привилегированных сословий. На всех вещах прекрасно сохранились изображения царских охот, бытовых, религиозных и мифологических сцен.

Найденные на Урале вещи сейчас находятся в Эрмитаже в Ленинграде. Они говорят о том, что полторы тысячи лет назад существовали оживленные и длительные связи Урала с Ираном.

Последние чрезвычайно ценные находки, сделанные на Урале в 1927 году, привлекают внимание иранистов всего мира.

Клад, найденный около деревни Турушевой, в верховьях Камы, содержит замечательно ценные в художественно-историческом отношении вещи,

например, серебряное блюдо с изображением царя Шапура I на львиной охоте (III век), блюдо изображающее царя Бахрама Гура (V век) с невольницей Азадэ. Это романтический мотив, отображенный в поэзии великого иранского поэта Фирдоуси.

В том же году найдено около Кунгура еще одно ценное блюдо с изображением царя Хозроя (VI век), наблюдающего за охотой наследника.

Вопрос о том, какими путями и благодаря каким социально-экономическим факторам возникли и развивались связи Ирана с Уралом, неопровержимо засвидетельствованные интереснейшими находками, тесно связан с изучением истории народов нашей страны, обитавших в то время на территории Урала.

Уральский иранист Н. Н. Бортвин написал специально для „Уральского следопыта“ печатаемый здесь рассказ на тему о находках на Урале предметов иранского искусства и их происхождения.

Медвежий угол

В деревеньке Турушевой всего 20—25 дворов. Она совсем затерялась среди лесов, болот и увалов.

За избами, на западе, вьется узенькой полоской р. Кама. В этой речушке трудно узнать ту широкую и многоводную Каму, которую мы привыкли представлять покрытой медленно движущимися плотами, пароходами, тянущими наливные баржи с нефтью к заводам Урала, Каму с шумом ее городов и пристаней.

Этот контраст между Камой у деревушки Турушевой и Камой в нашем представлении усиливается еще и тем, что и течет-то она здесь необычно — с юга на север, а не с севера на юг.

Через речушку перекинут деревянный скрипучий и зыбкий мостик. Далее начинаются увалы — невысокие холмы с отло-

гими скатами, медленно понижающимися к северу, с поперечными балками, прорытыми весенними водами.

Увалы местами покрыты узкими полосками пашен, а большей частью — широкими пятнами лесов.

Ложбины на вершинах увалов заняты болотами, почти непроходимыми летом.

Таково все пространство между верховьями Камы и Вятки.

Если человеку в течение десятилетий удавалось отвоевывать у леса с помощью огня клочки для своих пашен, то болота оставались пока неприступными.

* * *

Деревенька проснулась с восходом солнца. Бабы доили коров, а наиболее расторопные уже выгоняли их за околицу.

цу, где старый пастух Андрей со своим внуком — подпаском Иванкой ожидали стадо.

Дед сидел на пне давно срубленной лиственницы и ковырял лапоть. Иванко насвистывал какой-то неопределенный мотив, навеянный летним розовым утром. Верхушки деревьев были подернуты легким румянцем.

Стадо собралось.

— Погнали! — сказал дед.

Иванко щелкнул кнутом. Глухой звон ботал, навешанных на шею коров, стал удаляться в глубь леса.

К полудню коровы наелись травы и напились из небольшой ямки у болота. Теперь стадо находилось на довольно обширной прогалине среди леса. Коровы мирно пережевывали жвачку, отмахиваясь хвостами от оводов.

Пастухи расположились под двумя стоящими на отшибе кедрами, позавтракали круто посоленным ржаным хлебом и печеным в золе картофелем.

Дед рассказывал что-то среднее между сказкой и бывальщиной. Внук лежал на брюхе, слушал и болтал ногами.

— Много лет прошло, как наши деды добрались до Камы, а раньше, говорят, здесь жили какие-то „чудаки“, — говорил дед. — Кланялись они дереву. Навешивали на него посуду серебряную. Несли меха соболя и беличьи. Одно слово — чудь! Своей пользы не понимали...

Любили они, видно, такие прогалины, на какой мы сидим, под свои мольбища приспособлять. Был я как-то в молодости у пермяков на мольбище. А жили они тоже чудно, не по-нашему. Кереметью мольбище называлось. Такая же вот прогалина. Народу собралось из разных деревень много. Старик один, что, видно, был среди них побогаче да посмышленнее, принес с собой бусов да ленточек. Хорошо на миру-то приторговывал. Он же у них как будто и за попа был. Корову на жертву колол, какие-то наговоры нашептывал. Ну, и опять же на пиршестве по праздничному случаю ему же лучшие кусочки попали.

Так путал дед живые воспоминания с преданиями. Иванко слушал, развесив уши, и в его воображении вставляли сказочные „чудаки“.

— Трифон Вятский сожег то дерево, которому язычники поклонялись, чтоб показать беспомощность богов их, — продолжал дед. — „Дурак ты, сказали ему кудесники, что бога сжечь хотел. Так

и будет он, бог-то, в стволе сидеть пока дерево горит? Нет. Не на того напоролся! Бог в корни ушел...“

Было у „чудаков“ сказание, что как вырастет среди елей да пихт березка — тут им и конец: придут белого царя люди. Пробудились это они как-то и смотрят, а белая березка стоит у опушки леса, уже выше роста человеческого. Видят, делать нечего: сбылось сказание. Собрали свое имущество, да вместе с ним в землю и закопались. А богатства у них были несметные. Часто в наших местах с давних пор то чудское серебро находят, — закончил дед свой рассказ, а Иванко и не заметил, как телка тетки Марьи от стада отбилась. Лишь слабый гул ботала указывал, в какую сторону ушла шальная телка. Интересно было Иванко послушать, что еще дед расскажет, да телку мог медведь задрать. Медведей полно в тамошних лесах, а с теткой Марьей весь век не разделаешься!

Вскочил Иванко и, перекинув кнут через плечо, побежал за телкой.

Бежит Иванко, а дедовы слова из ума не выходят. „Что это за „чудаки“ такие? Откуда это у них было серебра несметное количество, когда в нашей деревне серебряный рубль или даже полтинник не у всякого сыщешь? Бывает и так, что к весне хоть зубы на полку выкладывай — во рту от них не велика польза“.

За этими мыслями Иванко не заметил, как пробежал первые деревья на опушке. Вдруг его нога провалилась глубже иди-колотки, он повалился вперед носом и расцарапал лицо о сухой валежник. От неожиданности, тупой боли в ноге и ссадин на лице пастушонок долгое время не мог понять в чем дело.

Опомнившись, он заметил дыру в земле. Запустил руку в дыру. Рука наткнулась на что-то твердое и гладкое.

Мелькнула мысль: „Уж не чудской-ли клад?“

Стал рыть — то руками, то кнутовищем. Сердце стучало учащенно. Минут через пять работы из дыры что-то блеснуло. Еще мгновение — и на солнечный свет был извлечен предмет, похожий на обычное ведро с дужкой. На его боках кое-где виднелись комья сырой земли, а где земли не было, предмет отсвечивал серебристым блеском. Ведро было заполнено грязью, но уже чувствовалось, что внутри что-то есть, кроме нее. Быстро перевернув ведро, Иванко увидел, что из него вместе с грязью вывалилось

несколько предметов, но грязь плотно пристала к ним и хорошо рассмотреть, что это были за вещи, было невозможно.

— Дедушка! Я что-то нашел. Беги скорей сюда! — кричал Иванко, забыв про марьину телку. Но расстояние было велико, дед глуховат, а потому он не слышал иванкиных криков.

„Первым делом — зачерпнуть воды, обмыть и хорошенько рассмотреть, что это за находка“, — думал Иванко.

Путаясь ногами за кнут и сгибаясь от тяжести — ведро с вещами и остатками грязи весило много больше полупуда — Иванко торопливой рысцой бежал к ямке, где поили коров, а до нее было версты две.

Больше часа прошло, прежде чем внук возвратился к деду. Потный, усталый, но все еще торжествующий, опустился он около деда, начинавшего уже беспокоиться долгим отсутствием внука.

Дед был изумлен усталым видом Иванка, вернувшегося без телки, а еще больше странным предметом, который тот принес.

Иванко перевернул ведро, и из него выпали, теперь уже чистые, четыре серебряных тарелки, два серебряных предмета вроде чашек (или лампадок) и несколько обручей из серебряной витой проволоки толщиной чуть не в палец.

И дед и внук углубились в рассматривание удивительной находки.

На двух блюдах изображалась охота, на одном было крест, четвертое было открыто расходящимися из центра бороздками, как на поле после пахоты, с той лишь разницей, что поле пахут с края на край, а не с середины.

На блюдах с изображением охот люди стреляли из луков в львов и в диких коз.

Да, это были львы! Иванко видел их на картинке, которую соседний мальчишка приносил из школы. Фигура этого сильного зверя хорошо запомнилась ему.

Человек, стрелявший в львов, скакал на коне. Что касается второго охотника, то он сидел на каком-то чудовищном звере с длинной шеей, сзади него была нето женщина, нето ребенок — так мала ростом была она по сравнению с охотником. Как ни старался Иванко припомнить, не видал ли где он такого чудного зверя, но припомнить ничего не мог. Долго рассматривал это блюдо и дед и долго соображал над изображенным на нем заседанным чудовищем.

Вдруг лицо деда просияло, и он спросил:

— А знаешь, Иванко, на ком едет этот охотник с маленькой женщиной за спиной?

— Нет, — глухо ответил мальчик.

— Да это верблюд. Слышал я еще в молодости, как один солдат, ходивший на замирение азиатов со Скобелевым, про этих странных животных рассказывал: шея длинная, горбы на спине и целые дни могут идти по пескам без питья.

У чаш были припаяны ручки, а сверху они были украшены рисунками цветов и растений и, кроме того, на одной из них были изображены верблюд, лошадь, коза и олень, а на другой — слон.

Пастухи, конечно, не могли догадаться, что эти предметы служили когда-то светильниками.

Когда насмотрелись вдоволь, Иванко рассказал деду, как им была сделана находка.

Дело уже клонилось к вечеру. Надо было гнать стадо обратно. Марьина телка не вернулась, но искать ее теперь было поздно.

— Ну, авось и сама явится!

Разделив вещи, чтобы легче было нести, пастухи вместе со стадом возвращались домой. Целый рой мыслей бродил в голове Иванка, когда он плелся за стадом под гул ботал.

„Ну, и заправду чудаки когда-то здесь жили. Блюда да чашки делали из серебра, а в зверей, как деревенские мальчишки, из лука стреляли. Нет, чтобы купить ружье... С ним на льва половчее было бы охотиться... Да и на охоту ходили, видно, не ближе, чем солдат со Скобелевым. У нас белки да еще разве медведи, а тут тебе: львы, слоны, верблюды... Разве вот только этим „чудакам“ все это привозили откуда-нибудь, как привозят теперь всякие картинки в школу?“

А дед в это время размышлял о том, как он будет рассчитываться с Марьей, если ее телка сама не вернется.

Марьина телка действительно не вернулась, но Марье и ее мужу Ивану очень понравилась находка пастухов. Сошлись на том, что без шума Марья забудет про телку, а пастухи отдадут клад. К зиме Иван обещал выдать деду в придачу мешка два картошки, мешок ржаной муки, а Марья — крынку топленого сала.

Лето мужики пастухов кормят, а тут, глядишь, и зима обеспечена. И дед строго наказал Иванку никому не болтать

про находку. Парень был не из болтливых — в лесу рос, да и болтать было некогда.

Пельменный пир

Иван Ширяев рассчитал, что если серебряные обручи, найденные пастухами, рассечь на две-три части, то получатся гвозди по четверти и можно будет сбрую вешать.

Жена Ивана, Марья, думала о том, какое впечатление произведет, если соседей и кумовьев из ближних деревень в заговенье угостить из блестящего ведра пельменями...

Ведро было вместительное — как раз на три четверти казенного. Хорошо было бы наложить его до краев горячими пельменями и внести, взяв за дужку, на стол среди честной компании. Да и блюда были хороши — местами на них по серебру была позолота... Серебро местами от лежания в земле почернело, но это можно поправить.

Марья взяла блюда и направила с ними к Каме, старательно потерла песочком и промыла водой. Правда, серебро и позолота при этом поцарапались, а в сделанных в блюде надписях стало трудно различить руку делавшего их когда-то чеканщика от дела марьяных рук, но зато блюда блестели, как только что вышедшие от мастера!..

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

„Охота на газелей“. Блюдо эпохи Бахрам Гура (420—438). Найдено в дер. Турушевой, верховья р. Камы.

Подходила пора зимнего заговенья. Кумовьям было послано приглашение. Пельмени у Марьи были заготовлены и лежали на морозе. Иван на стенке у входной двери развешал на серебряных гвоздях хомуты и сбрую, крепко пахнувшие дегтем, припас четверть вина. В назначенный день собрались гости — свои деревенские и приезжие.

Через много веков вещи опять служили людям примерно так, как служили они своим первым владельцам. Только блюдо с крестом стояло на божнице. Серебряная чашечка, внутри которой был нарисован слон, была наполнена солью. Вторая чашка — та, на которой были изображены лошадь, верблюд, олень и коза — была почти до самого края наполнена салом, а во все четыре ее рожка вставлены светильни из кудели. При недостатке керосина этот светильник вполне мог заменить лампу. Конечно, никто и не подозревал, что этот сосуд выполнял как раз ту обязанность, для которой он предназначался с самого своего рождения.

Пока Марья доваривала последние пельмени, чтобы наполнить серебряное ведро, гости вертели во все стороны невиданные предметы и, пораженные их великолепием, больше молчали.

После первых стаканов вина и порций пельменей языки развязались.

Внезапно нахлынувшие от необычных вещей впечатления, путавшие мысль, теперь улеглись в их голове. У пирующих начали складываться несколько фантастические и наивные теории, касавшиеся появления этих вещей в родном крае.

Кто-то рассказывал легенду о захоронившейся с богатствами чуди, примерно ту, которую рассказывал своему внуку дед-пастух.

— Никакая тут чудь не при чем! — сказал бывший красноармеец. — Все это буржуи пооставляли, когда бежали, кто в Сибирь к Колчаку, кто к англичанам в Архангельск.

Хотя принадлежность вещей правящему классу действительно казалась несомненной — об этом свидетельствовало серебро и позолота — но зачем буржуям было украшать свою посуду такими нелепыми с современной точки зрения рисунками, как охота на льва из лука?

В это время на улице послышался звон колокольцев. Кто-то подъехал к дому. Хозяин вышел встретить нежданного

гостя и вскоре возвратился с человеком в одежде городского покроя.

Это был работник земельного отдела соседнего округа, ехавший в командировку. До станции, где можно было сменить лошадей и обогреться, оставалось еще километров десять, а на дворе стоял мороз. Завидев огонек в окне, он решил попросить разрешения обогреться и закусить.

Проезжий был поражен посудой хозяев. На днищах некоторых из вещей он заметил какие-то надписи на неизвестном ему языке.

— Товарищи!— обратился он к хозяевам. Перед нами вещи, видимо, необычной исторической ценности. По законам советской власти они подлежат сдаче в государственные музеи. Владельцы, конечно, будут вознаграждены в установленном размере. Я должен буду взять с хозяина обещание сохранить все эти предметы до приезда уполномоченных лиц. Предупреждаю, что если вещи сохранены не будут, виновные будут отвечать по закону.

После этого приезжий достал из портфеля несколько листов бумаги, положил бумагу на казавшиеся ему более интересными изображения и потер карандашом. Тоже сделал он и в отношении наиболее четких надписей. Карандаш, задевая за неровности рисунка, дал довольно удовлетворительные оттиски. Специалисты по ним могли судить, о характере предметов и их исторической ценности. Оттиски были аккуратно сложены в портфель, деревня и фамилия владельцев отмечены в свободном углу листа.

Вещи сохранились до приезда командированных за ними лиц.

Владельцы были вознаграждены по весу серебра.

Находка действительно оказалась очень ценной и вскоре поступила в Государственный Эрмитаж в Ленинграде, где сосредоточено богатейшее в мире собрание подобных предметов.

Здесь вещи из Турушетовой были разделены на две части. Блюда с изображениями креста и покрытое радиальными бороздками попали в византийский отдел, остальные вещи были размещены среди иранских изделий времен правления Сассанидов.

Многие из вновь прибывших предметов нашли здесь прямых сородичей, даже братьев и сестер, вышедших из одной семьи, почти одногодков. Но были и та-

кие, которые могли гордиться своей исключительностью.

Экскурсия по Эрмитажу

Чтобы разузнать историю клада, присоединимся к экскурсии студентов-востоковедов, состоявшуюся после водворения уральских находок на свои места в витринах Эрмитажа.

— Витрины, перед которыми мы собрались, вмещают богатейшее в мире собрание иранских вещей, которые были изготовлены в правление династии Сассанидов, то-есть с третьего по седьмой век нашей эры,— начал руководитель экскурсии профессор Гренер.— Статьи замечу, что по крайней мере четыре пятых из них были найдены в верховьях Камы и Вятки.

Но не сами по себе вещи должны интересовать нас. Ценность этих вещей не в серебре и золоте, а в том, что это — живые обрывки истории.

В них заключен труд рудокопа, копавшего руду, техника-металлурга, плавившего серебро, искусство мастера, придававшего им форму, и выражена идеология того класса, которому они служили.

Царство Сассанидов то расширялось до Средиземноморского побережья, то отступало к Тигру, то слегка

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □ □

„Испытание наследника“. Блюдо эпохи Хозроя I (531—579). Найдено в Приуралье, с. Усть-Кишертов.

переваливало через Кавказ, вбирая в себя Армению, то снова отходило в несколько к югу, но основной его территорией был Иран.

Иран — это плоскогорье до тысячи метров высоты, окруженное горами, расширяющееся к востоку, ограниченное с севера Каспийским морем, а с юга Персидским заливом. Горы круто обрываются к окружающим плоскогорье низменностям и постепенно сливаются с ним. Плоскогорье лишено стока, и немногочисленные реки теряются среди внутренних озер и болот.

Склоны гор покрыты плодородными почвами. Орошаясь горными потоками, они дают обильные урожаи. Здесь даже в диком состоянии встречаются многие злаки и фрукты. Но центр плоскогорья — это пустыня: климат сух и резок, леса отсутствуют, лишь некоторые участки покрыты степной солончаковой растительностью. Зато террасы, спускающиеся к Персидскому заливу, благодаря обилию тепла и достаточности влаги, изобилуют финиковыми пальмами и маслинами.

Пути сообщения, представляющие караванные тропы, сходятся к немногим проходам между горами. Здесь-то и располагались немногочисленные города-крепости. Они контролировали всякое движение через плоскогорье.

Такому положению во многом был обязан расцвет династии Сассанидов, как посредников между Западом и Востоком.

В горах было много полезных ископаемых; серебро, олово, железо и нефть. Серебряные рудники усиленно разрабатывались и к девятому веку были истощены. Выходы нефтяных газов использовались как неугасимые факелы на алтарях огнепоклонников. Возможно, что нефть применялась и для светильников, подобных найденным у деревни Турушевой на Каме.

Население Ирана по языку принадлежало к племенам иранской группы, родственной индусам. Если среди племен внутренней степной части страны с кочевым скотоводческим хозяйством еще не были изжиты черты родового строя, то в земледельческих окраинах господствовало военно-феодалное устройство. Таков Иран.

С портретами его правителей — Сассанидов мы познакомимся на примерах уральских находок.

Вот перед нами недавно прибывшее блюдо из деревни Турушевой, Кировского края. С него мы и начнем.

Изображение представляет лучника на львиной охоте. Конь распластался в галопе, вынося всадника из опасности быть растерзанным расщепившим львом. Второй, раненный лев под ногами у лошади, в бессильной ярости грызет свою лапу. Пышность убора коня и всадника свидетельствуют об их незаурядном общественном положении.

А вот монета с тем же портретным изображением, что и на блюде. Надпись свидетельствует, что это Шапур первый, — говорил профессор, доставая из футлярчика серебряную монету немного больше нашего полтинника и передавая ее слушателям.

— Шапур I (242—272 г.) был вторым из династии Сассанидов. Ему вместе с отцом принадлежала честь восстановления самостоятельности Ирана, на время утраченной под напором греков, устремившихся на восток со времен Александра Македонского. Шапуру пришлось первому выдержать ожесточенную борьбу с римлянами, тяжелой поступью легионов топтавших дорожку, проторенную греками. Шапур одержал блестящую победу — римский император Валериан попал к нему в плен. Антиохия была взята штурмом. Иран расширился от Средиземного моря до Индии и от Персидского залива до Каспия.

Победитель заказал высечь на скале громадный рельеф, изображающий коленапреклоненного перед ним римского императора. Этот рельеф и сейчас можно видеть у Накш-и-Рустема, около Персеполя, в Иране.

Пленением кесаря кончился бой.

Был кесарь жестоко обманут судьбой.

— пел примерно через 800 лет об этом событии персидский поэт Фирдоуси.

Теперь перейдем ко второму блюду из Турушевой — с изображением охоты на газелей.

Изображенное здесь событие с различными оттенками воспевалось поэтами в течение целого тысячелетия, как романтическое приключение царя Бахрам Гура и его невольницы — Азадэ.

Вот как описан этот эпизод в произведении „Рассказы о героях и всадниках“ писателя Ибн-Кутейбы (828—889 гг.).

„Читал я в „книге господ“, что выехал однажды Бахрам Гур вместе со своей рабыней на охоту. Показались газели. И он спросил: „В какое место хочешь ты, чтобы я попал своей стрелой?“— „Я хочу, чтобы ты сделал из них самцов, подобных самкам, и самок, подобных самцам“,— ответила избалованная невольница. Выстрелил Бахрам Гур в самца стрелой с концом в виде полумесяца и срезал оба его рога, а затем пустил в самку сразу две стрелы, которые воткнулись у нее вместо рогов. Тогда попросила его рабыня, чтобы царь соединил одной стрелой ухо газели с ее копытом. Пустил первую стрелу царь так, что она задела только кончик уха, а когда газель подняла ногу, чтобы почесать царапину, выстрелил другою стрелой и соединил ее ухо с копытом. „Зачем злоупотребляла ты своими требованиями ко мне? Не хотела ли ты, чтобы выказал я свое бессилие?“— сказал царь, поднял руку на певичку-невольницу и сбросил ее на землю“.

— Не правда ли, какое разительное совпадение между этим описанием и изображением на блюде эпизода, предшествовавшего моменту царского гнева?— спросил профессор.

Слушатели не возражали.

Самый выезд на охоту описан у Фирдоуси¹:

Однажды вдвоем, без окольных бойцов,

С гусяркой - румийкой ехал на лов.

Ее Азадэ он по имени звал;

Был цвет ее щек нежен, словно коралл.

Единой с ним воли и сердцу мила

Всегда на устах у Бахрама жила.

В тот день он верблюда велел оседлать,

Парчевый чепрак ему на спину дать...

В остальном рассказ Фирдоуса аналогичен предыдущему.

— А нельзя ли допустить, что мастер, делавший блюдо, дал только иллюстрацию к рассказу, подобному только что приведенному?— спросил один из слушателей.— Если такое допущение возможно, то блюдо изготовлено не ранее размолвки Бахрама и Азадэ и не позднее того, как оно оказалось за стеклами этой витрины?..

— Конечно, такое допущение вполне возможно,— ответил профессор.— По

поводу другого такого же блюда, найденного где-то в южном Приуралье, ученые указывали, что корона не соответствует той, которую носил Бахрам, судя по его монетам. Находились даже такие, которые утверждали, что это современная подделка, сфабрикованная на основе поэмы Фирдоуси. Если бы были правы последние, то следовало бы допустить, что в глуши Приуралья были такие, никому неизвестные знаменитости древнего Ирана, которые не только читали Фирдоуси, но умели писать с помощью путаной пехлевийской¹ азбуки, с трудом разбираемой немногими из мировых ученых. Тем не менее, блюдо изготовлено действительно позднее, чем жил Бахрам Гур, а именно в седьмом веке. Основанием к этому служит надпись на обороте. Надпись указывает, что блюдо принадлежало Митробозету и упоминает Хозроя. Заключающееся в надписи число остается пока еще недостаточно разгаданным. Имя Митробозета известно из эпохи завоевания Ирана арабами, а царь Хозрой II был современником византийского императора Ираклия. Оба эти лица жили в седьмом веке.

Но продолжим рассмотрение сасанидских портретов,— сказал профессор после этого отступления.

Бахрам Гур (420—438 г.) охотно прославлялся поэтами и изображался художниками, как идеал знатного феодала. Отец его, прозванный „Грешником“, пробовал вести борьбу с феодальными князьями, опираясь на чужеземные элементы внутри Ирана. Чужеземцы в большинстве были христианами. Жрецы, естественно, перешли на сторону феодалов. „Грешник“ был убит под видом божьего наказания за отступничество. Сын, конечно, не желал разделить участь отца и обещал поддерживать установившиеся феодальные порядки и отечественную религию. Жизнь Бахрама Гура прошла среди охот и утех гарема.

Только один серьезный военный поход пришлось совершить Бахраму для отражения азиатских народов, наседавших на восточные границы Ирана со стороны Средней Азии, но значительно крепче досталось от этих народов его преемникам. Пероз пал в битве, а его дочь взял в свой гарем их князек.

¹ Фирдоуси — великий поэт Ирана. В 1934 г. был тысячулетию юбилей со дня его рождения. Основное произведение — поэма в стихах „Шах-намэ“ („Книга царей“) — идеализирует эпоху Сасанидов как расцвет феодализма.

¹ Пехлевийская азбука заимствована из Сирии, но мало соответствовала иранскому языку.

„Охота на львов“. Блюдо эпохи Шапура I (242—272). Найдено в дер. Турушевой, верховья р. Камы.

□ □ □ □ □ □ □ □ □ □

Охота была возведена почти в культ в феодальном Иране. Устраивались целые охотничьи парки с сотнями животных, требовавших ухода. На охотничьи состязания, где особенно излюбленной была погоня за оленем с повязкой на шее, собирались сотни участников и зрительниц. Охоты оканчивались пиршествами. Многие предметы, находимые на Урале, были принадлежностями таких пиршеств. Это — светильники, вазы, чаши для вина, кувшины для омовения, флаконы для духов.

Вот как описывает охотничьи подвиги Бахрама иранский поэт Фирдоуси в своей „Книге царей“:

..... Собрался с зарей
В поля на охоту Бахрам молодой.
Иранские витязи, триста числом,
Поехали тотчас же вслед за царем.
Семь мощных слонов, как гора каждый слон,
Влекут голубой раззолоченный трон.
И десять верблюдов несут палантин,
В нем ложе, чтоб мог отдыхать властелин.
Бывало, весь месяц охота идет,
Охотится царь и с окольными пьет...
И горных и польных зверей в эти дни
Несметную тьму натравили они¹.

Второй утехой был гарем.
На женщину феодал смотрел как на источник наслаждения. Гаремы с десят-

ками невольниц и храмы с неменьшим числом баядерок служили утехам знати.

Вот флакон из Приуралья, с пляшущими баядерками. Нимф (круг) вокруг головы свидетельствует о священном сане этих этих „жриц любви“.

Остановимся еще на одном блюде из окрестностей Кунгура. Вверху изображен Хозрой I на троне, в окружении совета из знатных феодалов. Внизу — наследник, доказывающий свою охотничью ловкость. В целом — это охотничий экзамен наследнику.

При Хозрое первом (531—579 г.) Иран достиг наибольшего блеска. С помощью тюрков Хозрой окончательно отбросил с восточных границ азиатские народы. Византийский император Юстиниан платил Хозрою крупные суммы за обещаение „вечного“ мира. Иранцы были хозяевами на торговых путях между Западом и Востоком.

Размышления краеведов

— Уважаемый профессор! — обратился к руководителю один из слушателей. — Я — пермяк Гаинского района, а вот этот товарищ — манси с верховьев Вишеры. Мы убедились, что вещи сделаны за тысячи километров от места находок и более чем за тысячу лет до момента их обнаружения, что были они предназначены для обслуживания верхов феодального общества. Но основной вопрос для нас: как попали они в наши родные места? Мы — следопыты и краеведы. Мы готовы бродить по лесам и болотам, подслушивать таинственные разговоры вещей, но все это мы можем делать главным образом для того, чтобы вырвать с корнем остатки невежества, религиозного дурмана и национальной ограниченности, препятствующих движению к радостному будущему, — говорил студент, бывший рабочий Кирсинского завода. В вопросе — где, когда и для кого сделаны вещи — я уже достаточно подкован, но в вопросе о том, что заставило их переместиться — я еще плаваю.

— Мы просим вас, профессор Гренер, помочь нам разобраться в последнем вопросе, — сказала сразу несколько голосов.

— Хорошо, — ответил профессор. — Соберемтесь в одной из рабочих комнат накануне следующего выходного дня

¹ „Шах-наме“ Фирдоуси. Перев. Лозинского.

в двенадцать часов. Но для ответа на интересующий вас вопрос придется применить несколько иные методы, чем те, которыми мы пользовались до этого.

„Очки в прошлое“

Когда в назначенное время собрался студенческий кружок, профессор сказал:

— Теперь совершим маленькую прогулку в уральское прошлое. Поскольку вы будете видеть немые картины, как в кино, я буду давать к ним необходимые пояснения.

После этого шторы были опущены, и для вооруженных „очками в прошлое“ замелькали исторические картины.

Вот группа охотников тащит на плечах огромную тушу лося к становищу. Охотники вооружены луками, а некоторые из них, кроме того, копьями, частью с железными, частью с медными наконечниками. Становище состоит из нескольких конических шалашей, покрытых или дерном или берестой. Расположено оно у реки на довольно обширной открытой площадке. За площадкой начинается лес, преимущественно из сосен, но местами встречаются липы, а иногда и небольшие дубки.

В середине становища расположен шалаш более крупных размеров. Это жилище вождя. К кольям, вбитым вокруг шалаша, привязано несколько лошадей. В отверстии входа видно, что внутри собралось порядочно народа. Идет собрание старейшин. Горячо обсуждается какой-то серьезный вопрос.

— Гляжу на этих людей, и мне кажется, что это мои сородичи,— воскликнул студент-манси.

— Не удивительно,— пояснил профессор.— Это угры, тот народ, из которого впоследствии образовались и манси и венгры. В период, картины которого мы видим, угры говорили на одном языке. Не даром еще и теперь манси (вогул) и венгр через несколько дней общения уже могут понимать друг друга, несмотря на то, что тысячелетие, которое прошло с тех пор, как они отделились, наложило особые отпечатки на язык каждого из них. Представление о манси (вогулах) и венграх, как о двух ветвях одного народа, попавших в различное историческое окружение, сохранилось в старой русской географической но-

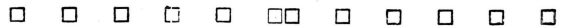
менклатуре. Венгров русские называли уграми, а манси (вогулов) или тоже югрой или югричами.

Территория, на которой происходит действие, охватывала участок от среднего течения Камы до реки Белой, вдоль Уральских гор. Вот почему в окрестностях становища были видны липы и дуб.

Угры жили еще родовым строем, но это был период его упадка. Если охотничья добыча делилась между всеми членами рода, то владение такими животными, как лошади, было основано уже на частной собственности.

Профессор вновь нажал кнопку. Замелькала новая картина.

Между пологих, небольших гор движется орда. Многие верхами на лоша-

„Пляшущие баядерки“. Серебряный флякон. Найден в дер. Квацпилеевой, Приуралье.

дях, но большинство бредет пешими, таща за спиной оружие и кое-какой скарб. Конные выглядят бодро. Пешие измучены и покрыты пылью. Шествие замыкает стадо коров и баранов, подгоняемых женщинами и детишками. Солнце начинает припекать и эта жалкая толпа останавливается на привал.

— Река — это Урал, — говорил профессор. — Поход в далекие и неведомые страны организован под воздействием

тели научились управлять, а масса подчиняться. В его состав влились остатки рассыпавшихся гуннов, еще недавно наводивших ужас на всем пути своего движения, от Китая до Европы...

Картина снова сменилась...

Теперь можно было видеть, как орда быстрым налетом окружила город. На улицу выбрасывались подушки, ковры, серебряная посуда. Все это наскоро укладывалось в мешки. Через несколько

Монеты эпохи Ардешира (вверху) и Шапура I (внизу). Слево — „орел“ (аверс), направо — „решка“ (реверс).

собственников, которым были нужны новые стада и обширные пастбища для них. В поход шли наиболее молодые и энергичные. С каждым днем пути чувствовалась все большая зависимость основной массы от нескольких собственников, бывших застрельщиками и руководителями похода. В трудностях пути и нападениях на чужие роды выковывались новые общественные отношения.

Длительная остановка в привольной степи дала отдых людям. Стада запаслись жиром. Теперь орда представляла значительную силу. Руководи-

минут нападавшие уже скакали обратно, увозя захваченное имущество. Некоторые, перекинув через седло, как мешок, увозили женщин.

Это было нападение на иранский город. На его почве завязались позже и мирные сношения.

Каждый год из Согдианы направлялись караваны на север. Они везли серебро, чтобы менять на беличьи, куньи и собольи меха. С каждым годом караваны проникали все далее, а спрос на меха рос как со стороны иранских феодалов, так и Византии и даже Китая.

ТЕРЕМОК ПОД СНЕГОМ

Очерк и зарисовки Анатолия Климова

Постановление партии и правительства о строительстве в далеком Заполярье, в сердце сурового Таймыра, гигантского комбината полиметаллических руд в Норильске застало меня в Дудинке, в 140 километрах от Норильских гор. Я тогда находился в очередной арктической командировке на этот далекий заснеженный полуостров. Естественно, что мне захотелось попасть в Норильские горы, чтобы там, у подножья этих гор, щедро напитанных углем, платиной, медью, никелем, осмием, серебром и другими металлами благородной и черной крови, воочию увидеть рождение еще одного изумительнейшего, дерзновенного деяния моей страны — арктического колосса у 70 параллели.

На мое счастье, в Дудинке оказался свободный от песчового промысла знаменитый таймырский следопыт Егор Иванович Кузнецов, который, вместе с легендарным Никифором Бегичевым, бывал в ряде рискованных и ответственных полярных экспедиций. При нем же оказалась и его не менее знаменитая упряжка собак-полуволков. Он согласился дочитать меня до Норильска.

Итак в путь, снова в тундру, навстречу неожиданностям и новым впечатлениям.

* *
* *
* *

После постановления о форсированном строительстве Норильского комбината, из Дудинки по речушкам, тундре и промороженной земле потянулись обозы с грузом для Норильстроя. Обычно безлюдная и безмолвная тундра ожила, встряхнулась и повеселела — повеселела следами, людьми и криками. Но олени, собаки и лошади не обеспечивали пере-

возку потока грузов. Понадобилось широкое развитие транспорта. И вот сюда, в Заполярье, на смену оленям, собакам и коням пришли, фыркая, тархтя и захлебываясь в снегу, гусеничные тракторы. Они потянули к Норильску огромные обозы. Тишина, долгое-время караулившая здесь голоса жизни, испуганно шарахнулась в тайники бездорожья.

Дикарь¹, заложив на спину свои красивые ветвистые рога, широко раскрыв испуганные глаза, умчался в глубь тундры, волк ушел со следа лошадей и оленей, пахнувших нефтью и бензином, с диким хохотом запряталась в полярный кустарник куропатка...

— Усть, усть! Кха, кха!.. — бодрит Кузнецов выбивающихся из сил и ныряющих по неровной колее тракторов собак. Нарты действительно бросает здорово. Оба мы — каюр и я — то и дело валимся в снег или с величайшим усилием сохраняем равновесие. След, по которому идут собаки, — смят, мучительно исковеркан. И трагедия в том, что сойти с пути нельзя, ибо и упряжка и люди неминуемо глубоко провалятся в снег и завязнут в сугробах. Но не при чем тут и тракторы, ибо по снеговой целине с глубоким залеганием рыхлого снега, они никак не смогли бы пройти и километра.

После очередного аврала по вытаскиванию нарт из выбоины, Егор Иванович, потный и усталый, еще раз восклицает:

— Однако прощай теперь, собачья упряжка! Уходит в историю собачий транспорт. Тракторы ползают теперь там, где всего десять лет боялись ходить упряжки.

¹ Дикарь — дикий, не прирученный олень.

— Ну, вы, музейные экспонаты, — ворчит он на собак. Это в нем негодует истый сын снегов, человек, сорок лет проживший на любимой земле, и лучший погонщик Таймыра, хотя он и понимает огромное значение тракторов в деле освоения севера.

Едем. Я сижу на сумасшедшей нарте, прыгающей и ныряющей, и стараюсь осмыслить слова Кузнецова. Таймыр? Далекое дикое Заполярье. Бездорожье и снег. Место бесконечных, леденящих кровь ветров и постоянных морозов! Что осталось от неизведанного, неизученного Таймыра? Где дикость царской вотчины? Я думал о силе, о могучей силе, которая таится в правде советского строя, которая оживляет, казалось, мертвые, замороженные массивы арктической земли. Тракторы ходят теперь туда — к сердцу Таймыра, где веками люди и земля были прижаты снегами, где дикие, безглазые ветры танцевали свою смертельную хэйру¹.

Урчание пропеллера самолета, знакомое и ритмичное, отрывает меня от размышлений. Я поднимаю голову и отыскиваю в мутном свинцовом небе точку, которая быстро движется на северо-восток. Я знаю — машина идет на реку Хатангу, к мысу Норд-вик. Первая посадка ее будет в резиденции Авамского района — Волочанке, за 500 километров от Дудинки. Пилотирует самолет полярный летчик Алексеев. Опять нырок в снеговой провал — и я теряю из глаз самолет. Опять аврал...

Через несколько минут после того, как Егор Иванович очистил морды собак ото льда, застывшего у них от ядерного мороза, едем дальше. Кругом распласталась однообразная тундра, безрадостная и надоедливая. Она повторяет самое себя на каждом километре и шагу. И по этой снежной усталости, словно шрам, извивается громадный след тракторов. Они прошли здесь и проволочки по снегу тяжелые большие сани с грузом.

От неровной, тряской и беспокойной езды у меня растерялись последние мысли и я уже почти забыл о том, что думал несколько минут назад, как вдруг Кузнецов сказал вслух, не обращаясь ни к кому:

— Самолет — это туда-сюда, он в воздухе дорог не портит, но вот трак-

¹ Хэйра — национальный танец таймырских народов.

Собачья упряжка Кузнецова берет подъем.

тор... — Дух обиженного и возмущенного каюра спорил в нем со здравым смыслом. — Хотя сколько они груза за один рейс поднимут! Под этот груз обоз в сто нарт оленных надо и в каждой нарте по четыре зверя. Опять же, оленя здесь хорошего, чтоб сильный был, нету. Нужны тракторы, слов нет, но кабы вот дорогу для себя другую сами утаптывали...

Он смолк.

Я оглядел еще раз седенькую тундру, стелющуюся у наших ног, и не нашел на этом кусочке ее огромного тела, казалось бы, ничего, что могло бы говорить о новой жизни, о новой эпохе, хозяйски командующей здесь. И все же она живет теперь по-новому.

Пронеситесь вслед самолету, улетающему на далекую Хатангу, и его трасса приведет вас на мыс Норд-вик. Здесь большевики нашли соль — чистейшую соль, какая есть только в Илецкой защите да, пожалуй, в Вычегодске. Из тела этих соляных гор выходит в море Лаптевых черная кровь земли — нефть. Здесь зимуют сотни людей, они живут в теплых благоустроенных домах, ведут научную работу, проводят бурение и

передвигаются на „вездеходах“ Горьковского автозавода. От сопки в ясный, погожий день в море виден остров боцмана Н. Бегичева (бывш. Сысой), до отказа набитый каменным углем. Иногда кажется, что эту глыбу-остров когда-то великан-гипербореец¹ взял из груды чистейшего угля и, озорничая, бросил в залив...

Когда вы будете мчаться по трассе самолета, не забудьте глядеть вниз, на тундру. И если вы увидите на нем стойбище кочевников, то знайте, что здесь, среди множества шестовых чумов и закрытых балков², в которых-то из них помещается то кочевая советская школа, то фактория, то кочевой национальный совет, больница, ясли или красный уголок. Разве это уже не другая жизнь?

Поезжайте по часто заматаемому следу на север от Дудинки, по правому берегу могучего Енисея, и вы увидите в 600—700 километрах от полярного круга консервную рыбообрабатывающую фабрику Усть-Порта, оленеводческие колхозы ненцев, огромное строи-

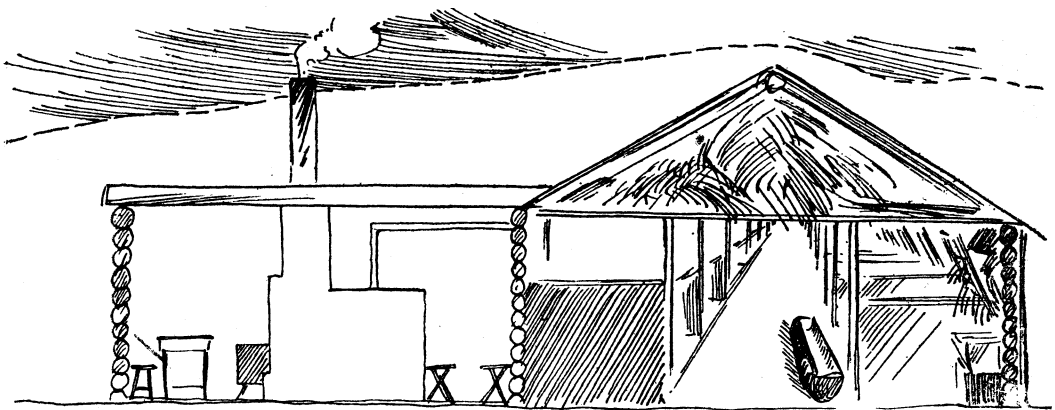
добросовестный вожак теперь лежал на снегу и жадно ел его; хвост его опустился, бока ввалились... Я видел — пес очень устал. Всем своим видом он решительно отказывался двигаться дальше. Остальные собаки выражали полную солидарность со своим вожаком.

Вдруг тишина донесла до нас далекий, но звонкий собачий лай. Упряжка насто-рожилась. Шерсть поднялась у каждого пса на спине дыбом.

— Километра три до станка Амбарное, семьдесят от Дудинки, — говорит Кузнецов. — Там ночевать будем. Эх, чорт! Если бы не эта проклятая изуродованная дорога, мы проехали бы до Норильска всего двенадцать часов!

Заслышав лай, псы пошли живее. Ветер со станка гнал уже нам навстречу знакомый желанный запах дыма... Дым — значит тепло, чай и пища...

Действительно, скоро показался и сам станок, вернее, признаки его, ибо дом был до труб занесен снегом. Мы увидели повозки всех систем и назначений и народ, вышедший встречать нас.

Разрез станка „Теремок под снегом“. Пунктиром обозначена высота снежного заноса, утепляющего станок и предохраняющего его от выдувания ветром.

тельство на о. Диксона, водолазов ледяного моря и многое другое, что будет ясно говорить об этой новой жизни.

Нарты внезапно стали.

— Что случилось, Егор Иванович?

— Спроси Орлика, он расскажет, — кивнул каюр на собак.

Я вопросительно посмотрел на передового. Всегда деятельный, с неутомимым видом озорника и честного пса,

Надо сказать, что наше вступление в радушный станок оказалось несколько необычным и, пожалуй, трагичным. Все дело было в Джеке — молодой лайке станочника Ковалева. Это его задористый лай слышали мы в тундре, это он по наивности собачьей души своей решил познакомиться с полуволками кузнецовской упряжки. Когда все население его вышло нам навстречу, по-хозяйски гостеприимный Джек решил встретить нас и поласкаться в своей собачьей среде. Бедный, наивный Джек! Он по неопытности доверился волко-

¹ Гиперборейцы — древние жители Севера.

² Балок — передвижное утепленное жилище на больших нартах.

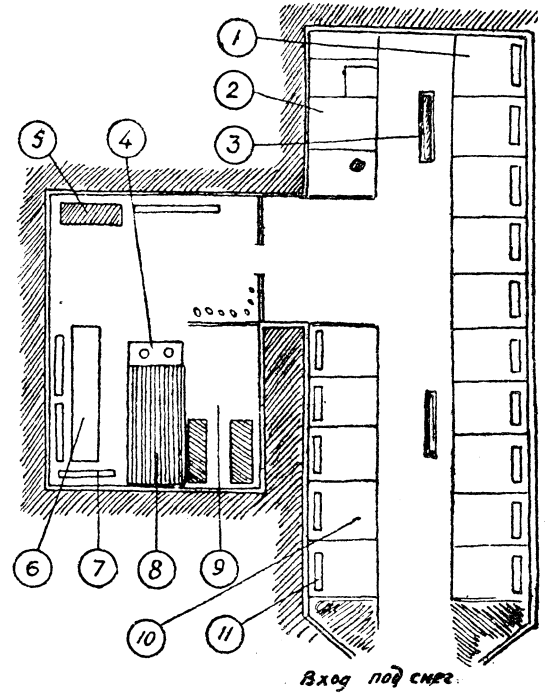
давам Егора Ивановича. Радушно пома- хивая пушистым хвостом, пес мчался с горы навстречу нашей разгоряченной, усталой и злой упряжке. Егор Иванович пытался остановить собак, бил и кричал на них, но разве можно уговорить волка!

В первую же секунду, когда бедняга Джек достиг передового, Орлик мертвой хваткой, какая присуща только волку, схватил его за горло, молниеносно поднял в воздух и уже мертвого, через голову кинул товарищам в качестве добычи. Это была и ужасная и вместе с тем красивая картина. Восемь наших огромных псов только на одну десятую минуты сгрудились в лающую, визжащую и лязгающую зубами кучу и так же внезапно разбежались по своим местам, оставив на окровавленном снегу пару костей и клочья шерсти.

Это было все, что осталось от веселого, общительного и ласкового Джека со станка Амбарное.

Родившись в станке, с детства привыкнув к людям и необъезженный, Джек не подозревал силу зова предков, зова борьбы и торжества над побежденным, что так усиленно поддерживал в своих ездовых собаках Егор Кузнецов. И, пожалуй, этими стараниями он и добился славы лучшего каюра с лучшей упряжкой на Таймыре.

Обычно половину своих собак — Орлика, Пясинца, Черноножку и Учума Кузнецов постоянно держал изолированными от всего живого и даже от света. Естественно, собаки дичали; они отвыкли от людей, от говора, от света. Поэтому они вели себя в упряжке на воле, как истинные дикари, кидаясь на все живое. Это были действительно звери, но звери, подчиняющиеся мудрости и разуму хозяина. В их глазах каюр был поистине бог. Он заставлял их до изнеможения работать, но он давал им и свет, и пищу, только он ласкал их грубой, скупой, но такой пленительной лаской северянина. Власть над собаками простиралась у Егора Ивановича прямо-таки до невероятных размеров. Во время езды достаточно ему было назвать имя собаки, которая отвлеклась от тягла и недружно шла, как пес, словно уличенный в чем-то ужасном, распластывался на снегу, отдавая свои последние силы... Зато как радостно бурно ликовали псы, когда на остановках каюр подходил к ним, трепал по шее,

Теремок под снегом (план): 1 — стойла конские, 2 — склады, 3 — колода для воды, 4 — печка-буржуйка, 5 — топчан, 6 — общий стол, 7 — скамья, 8 — русская печь, 9 — комната станочника, 10 — плетки для собак, 11 — собачьи поилки.

счищал лед на мордах, осматривал лапы и, если нужно, бинтовал порезы.

В отличие от камчатских каюров, Кузнецов никогда не бил собак остолом¹ и даже не брал его с собой в поездку.

Несмотря на печальное происшествие, нас встретили радушно, окружили, тепло жали руки и пригласили греться у печи...

Прежде чем нарисовать перед читателями картину обстройки, жизни и нравов тундровых станков на Таймыре, следует объяснить, что же такое станок, для чего он служит и кто живет на нем.

Стационарные села и поселки за полярным кругом чрезвычайно редки. Обжитые места разделяют сотни безлюдных, диких, бездорожных километров. Естественно поэтому, что в этих промежуточных этапах нужно было создавать станки. До революции такие станки были, кроме всего прочего, еще и чрезвычайно выгодными предприятиями. В те годы они являлись собственностью крепких кулаков, купцов и торгашей,

¹ Остол — деревянная палка которую бросает в собаку каюр с нарта.

скупавших пушнину и торговавших спиртом.

Ныне в советский Таймыр завозится такое множество культтоваров и продуктов, по тундре едет столько советских работников, что самолеты не могут обслужить все потребности в перевозке людей и грузов. Поэтому сеть станков сейчас расширилась и укрепились. Ими пользуются для отдыха и ночевки путники, передвигающиеся на оленях, лошадях, на собаках. Станки разбросаны от Дудинки (центр Таймырского нацокруга) по всем румбам компаса: на юг до Игарки, на север до Гольчихи, на восток до Хатанги. Сейчас подавляющее число станков находится в аренде у колхозников, у интегральной кооперации или обслуживается риками и советами.

Что же представляют собой станки?

Неопытный тундровый путник будет несказанно удивлен, не найдя признаков домов в прямом смысле этого слова. Где же живут люди? Но вот ему показывают дым, идущий прямо из снежного бугра, обращают внимание на широкий снеговой тоннель, уходящий под этот снежный бугор, и он догадывается: весь станок засыпан снегом! Да, обычно станок утопает в снегу. Его не разгребают отчасти ради сохранения тепла, отчасти потому, что просто нехватит человеческих сил ежедневно отгрести

от дома снег. Беспреданно дуют ветры по тундре, они несут с собой тучи снега. Даже в погожие дни снег течет по тундре полуметровой поземкой. В такие минуты тундра похожа на море, переливающееся, живое и ласковое. Но как опасна эта красивая ласковость снегов! Снег течет, засыпая след. Поэтому нет никакой возможности приостановить течение снега к станку. Вы бросаете от дома лопату, а взамен ветер моментально принесет две. Так уж лучше пусть он сравняет дом под снеговыми сугробами и тогда поземки будут перекачиваться через станок. Единственные и вечные хлопоты представляет поддержание входа и выхода. Как правило, утрами все ночующие в станке идут на аврал по откапыванию входа и только тогда выходят на „улицу“ и выводят животных.

В то время, когда около станка стоят только одни повозки — собачьи легкие санки, оленные нарты и сани-розвальни — под снегом в станке пульсирует другая жизнь, полная страстей, стремлений, желаний... При виде такого станка невольно вспоминаешь слова из старой русской сказки „Теремок, теремок, кто в тебе живет?“

По снеговому наклонному тоннелю мы с Егором Ивановичем, предварительно удалив всех посторонних, сводим собак под снег. Первые минуты совершенно ничего не различаешь вокруг себя. Слышится только пофыркивание лошадей, хруст сена на зубах и чувствуешь запахи земли, сена, испарины от лошадей.

Как приятен этот, по существу тяжелый, запах застывшему в беспреданных снегах полярнику!

Стою в полной темноте, не видя ничего, только крепко держу цепи четырех собак, которые, учув присутствие человека, лошадей и запах пищи, начинают иступленно рваться из рук. Что случилось бы, если бы отпустить собак? Я уверен, что через десять минут все в снежном теремке перевернулось бы вверх ногами.

Но вот глаза мои начинают постепенно привыкать к темноте. Вырисовываются отдельные силуэты...

Наконец, я различаю довольно ясно городок-комбинат под снегом!

Прямо против входа-тоннеля проходит метров на 30 вглубь широкий коридор, вымощенный досками. Справа, немного отступя от входа, и вдоль все-

В углу старик-якут рассказывает об урожае пшеницы.

го подземного прохода расположены конюшни для лошадей; для каждой — отдельное стойло. Стойла устланы чистым сеном; по стенам — кормушки для сена и овса. Перед стойлами — питьевая конская колода. Чистота, видимо, стала хозяйкой здесь.

Надо сказать, что полярники-коневоды очень добросовестно и любовно оберегают и лелеют своих четвероногих друзей.

Над головой намощен шестовой погоек, который служит одновременно и сеновалом.

Вот и сейчас там ходит с вилами зимовщик, задавая корм усталым длинношерстным полярным коням.

Влево от входа, напротив стойл, примерно до половины коридора, расположены полузакрытые (на высоту до 1½ метров) собачьи клетки. В них также наслано сено, чисто, стоят опрятные кормушки. От главного прохода отделяется менее широкий проход к какой-то двери. Оказывается, это вход в жилой людской дом. Далее по главному коридору идет ряд надворных пристроек, склады грузов, продовольствия, место для сбруи, уборная, бак с керосином, дровяник, место для лопат, поршней, граблей, топоров, веревок, ведер и прочей хозяйственной утвари.

Я брожу, знакомясь с устройством подснежного теремка. Узнав, что собаки наши заперты в клетки, выходит станочник. Он выносит зажженные „летучие мыши“ и вешает на столбы. В коридоре стало светлее и уютнее. Мы знакомимся:

— Ковалев, станочник, живу в Амбарном второй год.

Узнав, что я „свой“, то-есть человек, проживший в снегах заполярья пять лет, он с особым теплом, молчаливо жмет руку. Чувства у нас с ним одинаковые.

Я продолжаю осмотр теремка. Увидя уборную, включенную в „комбинат“, я вспомнил трагическую историю с одним милиционером, случившуюся в Новом-Порту во время моих странствований по Я-малу. Во время лютой пурги товарищ отправился в уборную. Это необходимое удобство в Новом-Порту в то время было устроено в 20 шагах от дома. Товарищ ушел и... не вернулся к нам. Прошел час, другой... Мы были страшно обеспокоены его отсутствием. Только через четыре часа, ужасно поморожен-

ный, вернулся пропавший товарищ, едва дыша. Он заблудился и не мог найти двери, из которой вышел.

Станок Амбарное — счастливое исключение. Он устроен так, что на случай пурги, иногда многодневной, путники имеют все под руками. Пусть тогда лютует свирепая пурга с воем и рыданиями, блуждает по просторам ветер — станок погребен в снегу; никому не надо рисковать, выходя наружу в пляску сумасшедшего снега и ветра.

* * *

Редко когда на станках нет людей. Только в распутицу — май-июнь весной и сентябрь-октябрь осенью — жизнь станков обычно замирает. В остальное же время здесь пульсирует жизнь. Тогда станочнику здорово достается. Как правило, на станках живут двое — мужчина и женщина. В обязанности первого входит вся тяжелая физическая работа: он коновозчик — перевозчик людей и грузы во всех направлениях от своего станка; он конюх, ухаживающий за лошадьми; заготовщик топлива, наконец, охотник.

На женщину ложится все остальное: она стряпуха, уборщица и даже швея, починяющая изорванную куртку проезжему, пришивающая оторвавшиеся пуговицы.

„Струганину“ делают так: острым ножом строгают мороженого осетра, сняв с него предварительно кожу.

Наблюдая за многими десятками станочников, мне сначала казалось, что их труд — самый тяжелый и неблагодарный. В любой час ночи на станок приезжают промерзшие путники. Оба станочника моментально встают. Он уходит к лошадям помогать устроить на отдых усталых животных, а она быстро растапливает печь „буржуйку“, кипятит чай и готовит что-нибудь поесть. Только отогреется один, только станочники соберутся отдохнуть сами, как снова открывается дверь и снова прибывает новый гость, не менее уставший, не менее жаждущий тепла и пищи. Станочники снова суетятся, обогревая и устраивая путника на ночлег.

Если хотите, в этом есть даже частица того скромного героизма, которым так богаты сердца полярников, о котором так еще мало знают остальные.

Станочник, заброшенный в тундру, годами не получающий ни писем, ни газет, ни радиogramм, рад каждому новому человеку. Гости связывают его тысячами невидимых нитей со всей нашей страной — с великим Сталиным, с Москвой, с Владивостоком, с Ашхабадом, с Каракумами. Они приносят станочнику новости о великой стройке социализма, вести о победе советских футболистов, о кинофестивалях, об успехах СССР в Лиге наций, о пуске Краматорского завода. Он ждет этих новостей с трепетом и поэтому его труд не такой уже неблагодарный.

На станке Амбарном мы нашли только одного станочника — Ковалева. Молодой, энергичный парень между тысячью дел, которые ему нужно сделать, засыпает нас вопросами:

— Как Василий Сергеевич Молоков?

— Скоро ли будет пущено московское метро?

— Делают ли в городах ситро или нет?

Ковалев живет на станке один. Поэтому на него легли, помимо своих основных работ, обязанности станочницы. Он и повар, и уборщик, и коновоз, и кучер — да чего только не должен уметь делать станочник! Помимо своей деловитости, Ковалев — здоровый, неунывающий весельчак и гармонист. Сюда, в снега и тундровую глухомань, он привез двухрядку, и вечерами, когда все ночующие у него отдохнут с дороги и отогреются, не одну удалую и веселую песню споет станок хором на удив-

ление скулым на слова якутам, эвенкам, ненцам...

* * *

Сбросив с себя захолодевшие меха, мы с Егором Ивановичем подвигаемся к „буржуйке“ — отогреться. Ранее приехавшие уступают нам место. Я огляделся. Станок доотказа был напичкан людьми. Скупая лампешка и отблески „буржуйки“ еле-еле освещали мужественные, заветренные лица. Я насчитал до 30 человек „гостей“. Начались знакомства. Через минуту все знали кто мы, куда едем и что мы за люди. Мы тоже узнали всех. Знаменитое имя моего каюра Егора Кузнецова, которое пользуется на Таймыре широкой популярностью, громадной известностью и не меньшим уважением, встречается особенно тепло.

— Это тот самый...

— А-а, таймырский следопыт!..

— Егор Кузнецов...

Несется со всех сторон шопот.

Народ на станке в этот день собрался особенно интересный, разношерстный.

Вот сидит известный геолог-полярник Емельянец, первый обследователь угля и нефти на мысе Норд-вик. Сейчас он с десятком научных работников пробирается опять на два года на реку Хатангу и на Норд-вик.

В углу сидит на полу секретарь парткома Авамской тундры Погадаев.

Едет с женой комсомолец Николай Кузнецов — секретарь кочевого национального Авамо-ненецкого совета.

Рядом с ним в живописных позах полужат два якута Яроцкий и Попов, возвращающиеся из Дудинки с окружного съезда советов Таймыра.

На топчане лежит цынготник с мыса Карго в Хатангском заливе, рядом с ним жена. У дверей (чтобы похолодней было!) молча курят трое промышленников — ловцов песчовой жизни и шкурки.

Во всех углах теремка отдыхает еще до десятка людей — русских и коренных жителей Севера. Среди них есть кооператоры, заведующие факториями, педагоги, врачи, советские работники и журналисты.

Завязываются самые необычайные, но одинаково интересные разговоры. Я прислушиваюсь.

— Там столько угля, — рассказывает геолог Емельянец об острове Бегичева, — что я первое время растерялся и,

честное слово, бывали минуты, когда переставал быть уверенным в своих способностях.

Геолог рассказывает, как он, впервые в истории, по заданию Н. Н. Урванцева обследовал и установил размеры угольных запасов на острове; как блуждал он по нему во время промера пластов; как он чуть было не погиб во время переправы в шлюпке через залив. Потом он, вспоминая, что едет снова на два года, печально и трогательно рассказывает о своем маленьком сынишке и жене, оставленных в Москве.

Комсомолец Николай Кузнецов повествует о том, как он два года „подбирал ключи“ к шаману Кастеркину Дюфадю, чтобы разоблачить его перед трудящимися тундры, обесславить и опрокинуть веру в него; как, наконец, он отдал его под пролетарский суд за эксплуатацию бедноты и суд „припаял“ ему. Он увлекательно рассказывал о суде над Дюфадю, рассказал, как сначала робко, а затем громче и громче одобрила беднота приговор над вековечным эксплуататором и обманщиком Авамской гундры.

В другом углу секретарь парткома Погадаев воодушевленно говорит:

— Вот везу в Авам пару беговых лыж. Знаете, какой бум будет в тундре? Здесь ходят на тяжелых, широких, некатких лыжах-самоделках для охоты, и вдруг я привезу беговухи! Будем устраивать гонки охотников. Соберутся, я уверен,

очень многие, а тут, значит, и массовую работу можно будет проводить...

Секретарь прав. Лыжи „хаповези“, которые он так любовно держит в руках, явятся в Авамской тундре не только простым новшеством и невидалью, а еще и крупным революционизирующим фактором.

В углу у дверей старый якут, сплевывая на свои ярко расшитые бисером кисы, сквозь зубы гортанно роняет слова своим молчаливым, сосредоточенным собеседникам:

— Нынче песец в тундре плохо уродился. Я гонял дорогу двадцать без трех дней и убил только куропаток и двух крыс. Однако нынче должен быть большой урожай на берегового песка — по берегу рек он вышел нынче...

Старик, от времени старый и от него же мудрый, помолчал, а затем договорил:

— Сказывала шаманка Апара: „Шумит машина, пришел в тундру трактор и самолет, зверь напугался и ушел на берег моря. Идите и вы за ним, якуты“. Врет ведь старая как! Зверь вышел нынче в другом месте — у Енисея, а она хочет охотника на другой след послать. Обидно им, шаманам, за нашу другую жизнь, вот и хотят они увести нас дальше в тундру...

В это время деятельный станочник принес на стол огромный чайник и ведро кипятку. Оказывается, мы подгадали как раз к чаю.

Чай!

Станок Баганина (между Дудинкой и Норильском) на берегу Баганидского озера. Это, пожалуй, самый благоустроенный станок на всем Таймыре, лишь недавно выстроенный. В нем пять домов, самое большое здание — гараж для тракторов. К неудобствам надо отнести разрозненность хозяйства, ибо зимой в пургу не всегда можно пройти из дома в дом, а в жилищах не так тепло, как в „теремке“, т. к. благодаря расположению на горе, ветер выдувает весь снег.

В снегах тундры этот напиток пользуется безграничной любовью и популярностью. После длительного пребывания на холодном, пронизывающем ветре и морозе, усталые люди пьют черный от густоты, обжигающий кипяток по десять стаканов сряду!

Все усаживаются за стол. Разговоры временноглохнут. Люди пополняют потерянные в пути силы. Каждый вынимает из багажа то, что у него есть съедобного. Опять поражает разнообразие вкусов, привычек и обилие еды.

Экспедиция на Норд-вик ест заготовленные предусмотрительным завхозом еще в Дудинке пельмени из оленины и пьет чай со сгущенным молоком. Работники Авамской тундры аппетитно жуют жареных куропаток, пьют чай со сли-

вечно вбирают носом нюхательный табак и затем смачно, громко и долго чихают... Каждый доволен своим препаратом, при чем с разжиганием табака опять просится на бумагу яркая картина с ее парадоксами и контрастами. Якуты добывают искру на трут из кремня, опытные северяне достают зажигалки, а некоторые извлекают из карманов парафиновые спички „Дженни“ Р. Бартлета, Брагге и К° из Ливерпуля! Спички эти завозят на Таймыр пароходы Карской экспедиции во множестве.

Какими контрастами кажутся заграничные ватновки и сгущенное молоко с какао на фоне снегов, музейных кремней и сырого осетра в пищу! Поистине Север, обычно такой скупой и суровый, таит в себе изумительное множество красок и

Езда в собачьей упряжке по таймырской тундре. Впереди—каюр, позади—автор очерка. Февраль 1935 г. Багандира.

вочным маслом и белым хлебом. Другие ограничиваются только сушкой. А мы с каюром и охотниками — аборигенами севера — одолеваем сырых мороженных осетров. „Струганине“ нашей некоторые завидуют, а новички из экспедиции брезгливо морщатся.

Еда и чай разогревают кровь, оттаивают даже суровые сердца и развязывают с новой силой изголодавшиеся в одиночестве языки. Опять вспыхивают самые необычайные разговоры...

Ужин окончен. Из карманов всевозможных брюк: меховых, кожаных, ватных, из тужурок, пиджаков появляется табак всех сортов и назначений: папиросы, махорка, листовой-самокрутка, нюхательный, жвачный; кто вставляет в рот папиросу „Нева“ или „Дели“, кто вертит сигарку, кто завешивает лицо огромной причудливой трубкой, якуты запикивают жвачку за губу, а эвенки беско-

незабываемых моментов. Именно этим он так манит и притягивает к себе впечатлительных людей. И многие за это и любят его...

...Долго еще плещутся разговоры в маленькой комнатке подснежного теремка. По тундре гуляет, захлебываясь в необъятном раздолье, крепкий, бодрящий, норд — северяк, из стойл и клеток слышится временами то легкое призывное ржанье лошадей, то неистовый лай собак...

Станок собирается ко сну. Свет горит всю ночь, ибо в темноте никак не выбраться из комнаты. Сон благодарный, но настороженный пробрался в станок...

Сон и усталость берут свое...

Спят все гости полярного теремка, занесенного снегами тундры.

Свердловск.

Сентябрь 1935 г.

Очерк Мезорда

Их было четыре. Они блестяли высоко в небе, над древними башнями, как секира палача.

Самый древний из них был тот, что топорщил когда-то крылья над Спасской башней. Он был посажен туда еще в начале XVII века, по указу первого из Романовых — Михаила. Его выточили из дерева и обили листовым железом.

Второй из Романовых, „тишайший“ царь Алексей, воевавший всю жизнь, потопивший в крови разинское восстание, тоже в конце XVII века, посадил орла на верхушку Троицкой башни. Орел был деревянный, ибо „тишайший“ нуждался в меди для пушек и для денег на военные расходы.

Оба эти древние орла не дожили до нашего времени. Орел над Спасской башней обрушился при пожаре Кремля в 1633 году и был заменен новым, склепанным из медных листов. Деревянный орел над Троицкой башней одряхлел, и двести лет спустя, при Александре II, был заменен также медным орлом. Он обошелся казне в 4589 рублей, а за подвеску его было уплачено... два целковых.

Орел на Никольской башне подвешен по рескрипту Александра I в 1816 году, когда башня эта, взорванная Наполеоном, восстанавливалась архитектором Бовэ. Этот орел также металлический.

Самый молодой орел на Боровицкой башне. Он навешен в 1817 году...

...Их было четыре. Они блестяли секирами палачей. Их хищный клекот слышала вся необъятная страна. В цепких, когтистых лапах своих они несли царские эмблемы — скипетр и державу.

* * *

По осенней распутице везли из дальних воеводств в Москву закованных в цепи людей. На них были не только ножные и ручные кандалы, — шеи их оттягивали тяжелые, окованные железом деревянные колодки. Бежать невозможно! За кандаляниками тянулись подводы с плачущими женами и детьми. Так везли в Москву „работных“ людей, „котельных дел мастеров“, которые будут клепать и сваривать медные орлы для кремлевских башен. Если работные сбегут, закупают в колодки их жен и детей. Для этого и везли вслед за мастерами их семьи.

Для навешивания готовых орлов на башенные шпили „окликали“ смельчаков и умельцев на базарах и на церковных папертях. Смельчаки и умельцы не шли. Не хотели рисковать головой за медные царские гроши. Тогда брали из тюрем арестантов и гнали их на Кремлевские башни вешать орлы. Неумелые, ослабевшие от голодовки „тюремные сидельцы“ надрывались, калечились, срывались с башен, гибли. Но кнутом, батоном, мушкетным прикладом сгонялись к подножию башен новые группы обреченных...

* * *

А сейчас эти орлы снимаются. По словам „Правды“, оказалось, что орлы на Троицкой и Спасской башнях сделаны из красной позолоченной меди, на Никольской и Боровицкой — из кровельного железа. Склепаны они очень грубо. Крылья их и короны прострелены пулями октябрьских боев. Штыри еле-еле выдерживали груз орлов. Почти все

орлы склепаны намертво. Лишь на Троицкой башне орел свинчен болтами из отдельных частей. Он снят частями. Труднее всего было спускать крылья, из которых каждое весит 15 пудов. Цельноклепанные орлы снимались с помощью специальных кранов, сооруженных Перовским заводом Стальмоста.

* * *

В начале сентября на совещание собрались директора нескольких крупнейших предприятий столицы. Им было заявлено:

— Вам поручается изготовить звезды для установки на башнях Кремля. Они должны быть художественно оформлены и сделаны из материала, способного простоять много лет, века. Срок изготовления — месяц.

На следующий день в Центральном аэро-гидродинамическом институте и на заводах им. Молотова и им. Менжинского закипела горячая работа. Во главе производства были поставлены лучшие руководители, за разработку проектов сели конструктора-орденоносцы, имена которых известны всей стране, у станков стали опытнические рабочие.

Задание было очень нелегким. Требовалось выбрать металл, способный многие десятки лет противостоять дождям, ветрам и температурам, определить его напряжение, найти методы крепления, отыскать новые способы гальванизации металла, максимально облегчить конструкции.

На заводе им. Молотова производство сконцентрировали в специальном цехе. В ЦАГИ развернули специальную лабораторию по золочению. „Делать звезду“ стало почетной обязанностью на каждом заводе.

Наиболее трудной технической проблемой было, пожалуй, золочение звезд. До сих пор никому в мире не приходилось золотить гальваническим способом такие большие поверхности. Советские специалисты разрешили эту задачу. Сейчас части почти всех звезд уже золотятся в огромных ваннах.

Всего изготавливается четыре звезды, по числу снятых четырех орлов. Первая из них уже готова. Она будет установлена на Никольской башне. Каркас ее изготовлен из эластичной и крепкой нержавеющей стали, сваренной электросваркой. На каркас наложены покрытые

позолотой листы красной меди. С обеих сторон звезды укрепляется эмблема Советского союза — изображение серпа и молота, украшенное уральскими самоцветами.

Размеры звезды внушительны. Ее диаметр (так же как и других звезд) — около 5 метров, толщина — до полутора метров, длина молота — 2 метра, общий вес — 1500 килограммов. Для того чтобы уменьшить сопротивление ветру, звезда может поворачиваться на шарикоподшипниках по направлению воздушного потока.

На Троицкой башне кремлевской стены будет установлена звезда, изготавливаемая Центральным аэро-гидродинамическим институтом. Эта одна из наиболее сложных конструкций. От центра звезды к ее вершине тянутся гигантские тучные колосья. В центре — эмблема. Длина каждого колоса — около 2½ метров, весит он больше 30 килограммов. Выколотка этих колосьев потребовала исключительного мастерства от ударников ЦАГИ. Каркас звезды сделан из нержавеющей стали, покрытой медной золоченой облицовкой. Колосья сделаны из позолоченной красной меди.

Ударники ЦАГИ готовят звезду и для Спасской башни. Она имеет две окантовки с просветом между ними. От центра эмблемы к вершинам звезды разбегаются пучки медных, покрытых золотом лучей. Так же как и другие звезды, она будет покоиться на мощном стальном штыре, заканчивающемся у верхушки башни большим граненым позолоченным шаром, диаметр которого равен $3\frac{1}{4}$ метра.

Звезду для Боровицкой башни делает завод им. Менжинского. В отличие от других, ее каркас изготовлен из хромо-молибденовых труб с узлами из хромо-молибденовой стали. Поверхность каркаса омеднена и покрыта матовым золотом. На каркас наложены контуры двух больших звезд широкого профиля, внутри их концентрически вписаны еще четыре звезды постепенно уменьшающейся величины. Все они сделаны из красной меди и сейчас покрываются полированным золотом.

Отделка самоцветов для звезд вызывает подлинное восхищение. Каждый камень обработан отдельно, шлифован, огранен, тщательно вделан в герметическую, позолоченную сверху, сплошную оправу. Каждый камень отдельно при-

вертывается к серебряной пластине серебряным болтиком.

Всего в звезды вкладывается 10000 камней. Их гранили и отделявали лучшие ювелиры страны. Для звезд Кремля Урал прислал чудесные аметисты, дымчатые топазы, акваарины, хризолиты, бериллы, прозрачный горный хрусталь.

* *
*

...Товарищ Китаев, бригадир ограночного цеха Свердловской гранильной фабрики, приходит в цех задолго до начала работы. Заказ ответственный — огранка самоцветов для кремлевских звезд!

За ним потянулись мастера-гранильщики. Все на местах, цех полон. А 28 августа, в день получения заказа из Москвы, здесь было пусто. Ни одного станка, ни одного человека! Но через три дня, 1 сентября, цех начал работать. Для проведения в жизнь постановления Совнаркома и ЦК партии мастера-гранильщики мобилизовались по-боевому, молниеносно.

Мы отворяем дверь. В глаза ударил яркий свет из двух огромных окон, а в уши — тягучий въедливый звук. Он то упал до низкого монотонного ворчливого гудения, то взлетал к потолку тысячами звонких, тонких и острых, как игла, воплей. Это пели ограняемые камни.

Оглядываемся по сторонам. Здесь облагораживается камень, здесь осколок мертвой природы превращается в произведение искусства.

Цех тесно заставлен станками. Они похожи на небольшие письменные столики, только попроще и посуровее. На них слоями насажена тончайшая пыль, „драгоценная“ пыль бесчисленных ограненных камней — смоляков и кровавиков (черных и красных горных хрусталей), изумрудов, топазов, аквааринов, турмалинов.

И до чего же примитивны эти станки! Прошедшие столетия изменили ли в них хоть какой-нибудь винт, гайку, колесо? А нужно ли и возможно ли это? Можно ли изменить что-нибудь в этом инструменте, предназначенном для тончайшей и точнейшей, как операция сердца или мозга, работы?

На правой стороне столика имеется небольшая ручка. Она очень похожа на ручку лиры украинских слепцов-кобзарей. Ручка эта вращает под столом колесо диаметром сантиметров в три-

дцать. От него идет веревка или ремешок — привод к колесу меньшего размера. Гранильщик, вращая ручку, вращает большое колесо, делающее от 50 до 60 оборотов в минуту. От большего колеса энергия по приводу передается меньшему колесу, делающему 400—500 оборотов в минуту. От этого, меньшего колеса, вращательная энергия передается по общему стержню третьему колесу, расположенному над столом. В этом третьем колесе вся суть. Размером оно с небольшую патефонную пластинку. Вращается с быстротой также 400—500 оборотов в минуту, необходимой для огранки камня. Колесо это корундовое, свинцовое или оловянное. На нем и производится огранка камня.

Вот и все! За этими станками работали деды, передали их сыновьям, а теперь гранят на них внуки. Неизносимые станки!

Неизносимы и люди! Здесь есть настоящие, „природные“, как они себя называют, гранильщики, работающие по много десятков лет. Их спины ссутулились над огранкой многих тысяч камней. Миллионные ценности прошли через их руки. За примером далеко ходить не надо. Бригадир т. Китаев провел за гранильным станком четверть века, двадцать пять лет своей жизни.

Он ведет нас по цеху, показывает последовательные стадии огранки камня. Он показывает камень, мутнобелый грязный, неприглядный.

— Вот наше сырье! Белый горный хрусталь.

Берем камень в руки. Он очень тяжел и тверд. Вглядываемся внимательнее. Да ведь это же кварц, самый настоящий кварц, точнее говоря, кремнезем — одна часть кремния и две части кислорода. Это часто и помногу встречающийся камень. Это никакая не драгоценность, если бы не огранка. А когда он сойдет со станка гранильщика — это будет действительно самоцвет, будет ценность, произведение искусства.

— Самый лучший горный хрусталь добывается на Мадагаскаре. Остров такой, у берегов Африки, — говорим мы. — Из мадагаскарского горного хрусталя вытачиваются объективы для телескопов.

— К нам горный хрусталь с Березовских копей идет, — отвечает т. Китаев. — В Реже тоже добывается. О мадагаскарском не слыхал. До революции мы ра-

ботали и на заграничных камнях. Лучшее нашего уральского не встречал.

Для начала хрусталь режется на куски нужного размера. Затем на корундовом круге камень-сырец обтачивается грубо, приблизительно. Так нагрубо отесывает столяр для какой-нибудь поделки деревянную болванку. Впрочем, этот первичный процесс так и называется — оболванка камня.

Горный хрусталь принял приблизительно форму. Но он еще мутен, как вода, слегка разбавленная молоком. Однако чувствуешь, что где-то здесь, совсем близко, таится его сверкающая глубина.

Оболваненный камень, с гранями еле-еле намеченными, всургучивается в шпуюлку. Это кусок дерева, похожий на вставку для пера, но раза в три толще. На тонком конце шпуюлки имеется углубление, куда вставляется камень и заливается сургучом. Всургученный камень сидит в шпуюлке крепко, не дрогнет, не сдвинется, не шелохнется.

До сих пор было грубое ремесло. Теперь начинается высокое и тонкое мастерство.

Гранильщик кладет правую руку на ручку колеса, начинает вращать его, а левую руку со шпуюлкой подносит к свинцовому диску. И взлетел к потолку тонкий, острый, как иголка, звук. Правая рука ритмически поворачивает колесо, левая легкими, неуловимыми движениями прижимает камень к свинцовому диску.

Диск смазан разведенным в воде трепелом, инфузورной землей. Мельчайшие брызги трепела, как пыль, как тонкая паутина, ложатся на руки, на лицо гранильщика. И видишь только губы, плотно сжатые в нечеловеческом внимании. Неосторожный рывок правой руки, неловкий нажим левой — и камень испорчен.

— В нашем деле ухо вот как остро держать надо! — говорит т. Китаев. — Чуть зазевался — беда! На секунду одну только отвлечешься, чьей-нибудь шутке улыбнешься, о доме вспомнишь — крышка! Взглянешь на камень, а на нем там, где грань должна быть, чистое место. Куда там! Не только грань спороло, но и полкамня снесло! Почему? А потому, что за эту секунду ты или ручку быстрее, чем нужно, повернул, или шпуюлку крепче, чем нужно, к диску прижал. Вот в чем секрет! А потому мы, гранильщики, одну только заповедь и знаем: не зевай!

Мы идем между станками. Головы гранильщиков низко склонились над станками. Глаза их внимательно и тревожно вглядываются в камень, замазанный трепелом. И сейчас, сквозь трепельную грязь, только их опытный, наметанный глаз различает на оживающем камне наносимые сверкающие грани.

— Гранильщиком только тот может быть, у кого рука легкая, — продолжает т. Китаев. — Иной сопит, потеет, вздыхает, словно дрова рубит, а толку никакого. В нашем деле сила не нужна. В нашем деле сила — все равно что полено для скрипки, вместо смычка. Здесь легкость нужна. Хороший гранильщик легко работает, без натуги, словно картину рисует!

Вторая стадия, наиболее ответственная, называется разбивкой граней. После нее камень получил окончательную форму. Камень ожил, засверкал, заискрился.

— Мы ограниваем горный хрусталь на 73 грани, — объясняет т. Китаев. — Это так называемая „бриллиантовая“ огранка. Какая же иначе может быть огранка для Кремля? Ясно, бриллиантовая.

От станков поднимается несколько голов. На нас смотрят улыбчивые глаза. Эти глаза тоже подтверждают: для Кремля только бриллиантовая грань!..

После разбивки граней камни полируются на оловянных дисках. Это конец. Затем они взвешиваются на точных весах, пересчитываются поштучно, записываются во многие толстенные бухгалтерские книги. А затем на самолет — и в Москву. Две тысячи камней должна огранить для Кремля Свердловская гранильная фабрика, огранить тщательно, художественно...

...Товарищ Китаев вынимает из шкапулки пригоршню ограненных хрусталей. Здесь камни различных размеров, от крупной сливы до небольшого яблока. Солнечный луч из окна ударил в камни и переломился на их бесчисленных гранях. Камни переливались, сверкали, искрились, и казалось, мы смотрим в водопад брызжащей каскадами водяной пыли.

Глядя на камни, жарко сверкающие в сухой лавной руке т. Китаева, представляем себе тот миг, когда снова увидим их вознесенными над Кремлем. Мы снова тогда полюбуемся их блеском, игрою их бриллиантовых граней.

Ну что же, до близкой встречи! До скорого свиданья!

ЛЕТАЮЩИЙ СУНДУК

Рассказ Леонида Мартынова

Орест Иванович — фоторепортер Союзфото по Северному краю — пришел и сел на подоконник, чтобы удобнее было обозревать город.

— Оставьте это, Орест Иванович. В городе сегодня ничего не случилось. Все тихо, благополучно. Вот вы скажите лучше, что видели в районе?

— Новостей, как всегда, много, — ответил он, отколупывая желтым от фотоспеций ногтем указательного пальца пластик глины с сапога. — На этот раз я расскажу вам... Я расскажу вам о... Знаете о чем? О речном змее. Не о речной змее, а о речном змее! Чувствуете? Морской змей — это фантазия старинных моряков. Речной змей — факт. Сам видел. Десять дней назад, здесь, в Северном крае.

Вот рассказ Ореста Ивановича. По мере сил, мы сохраняем все подробности этого рассказа.

* * *

— Вы знаете мой договор с Союзфото — добывать фотоматериал, отражающий общественную, политическую, хозяйственную жизнь Страны советов. Так-то, о, следопыты! Ну вот. Однажды утром я, шагая по зеленым лугам, приблизился к колхозу „Волна Севера“. Я шел, имея в виду снять строительство механизированного скотного двора. Механизация по системе, предложенной научными работниками Северного сельскохозяйственного института. Вода подается на скотный двор по деревянному трубопроводу — не надо таскать ее в ведрах с реки. Налажено автоматическое наполнение водой поилок — ткнет корова мордой, а в поилке вода. Навоз вывозится в подвесных вагонетках. Вы знаете все это. Я пришел. Мне обрадовалась Фиса Молотилова — заведу-

ющая молочно-товарной фермой. Фиса ведет меня на двор, гордясь чистотой коров. И вдруг муж Фисы, мой друг — охотник Иринарх Молотилов ломится в помещение. Доярки на него стаей:

— Уйди! Тебя не любит бык!

А бык холмогор Павел действительно мужчин не любит. Одних больше, других меньше. Это часто с племенными быками. Они привыкли видеть на скотном дворе женщин, а увидев мужчин, дичатся. Особенно не взлюбил Павел Иринарха. Скотницы объясняют это тем, что охотник пахнет кровью. Как бы то ни было, бык Павел взревел, доярки кинулись на Иринарха:

— Не волнуй быка!

Тогда охотник обегает двор и заглядывает в окошко.

— Орест Иванович, Орест Иванович, — кричит он, — бурундуки, бурундуки на Сухоне появились! Сибирское зверье.

Дело серьезное! Бурундук, как всем известно, является аборигеном сибирской и уральской тайги. Известно и то, что этот зверек настойчиво продвигается на запад.

Бурундуки, перейдя в свое время Урал, объявились в XIX столетии на Северной Двине. До сих пор эта река и считалась границей распространения бурундука на запад. Но теперь они обнаружены на реке Сухоне около Печенги, в 220 километрах от Вологды. Любопытный факт. Белка, бурундук пробираются лесными тропками через Урал на запад. Что их заставляет идти? Мы часто толковали об этом с Иринархом.

Ну вот, Иринарх висит на окне, бык на Иринарха пучит глазом, а Анфиса шумит:

— Не лезь, не карабкайся на окна. Не ломи переплет! Тебе бы только зверь!

Охота да охота, а колхозных нужд недооцениваешь!

Однако Иринарх это обвинение опроверг. Он в ответ:

— А ты, уважаемая супруга, о молочном животноводстве хлопчешь, но нужд льноводства знать не желаешь. Разве пункт о разведении льна в уставе нашей сельхозартели мы не поставили?

— При чем тут льноводство?

— А при том, что пушной зверь бурундук объедает головки льна. На льняном поле собаки семь бурундуков уже задавили! Бурундук — льняной вредитель!

Дельный человек Иринарх Молотиллов. И пошли мы с ним в лес.

* * *

— Вы обещали про змея рассказать, Орест Иванович, а свернули на обыкновенную охоту.

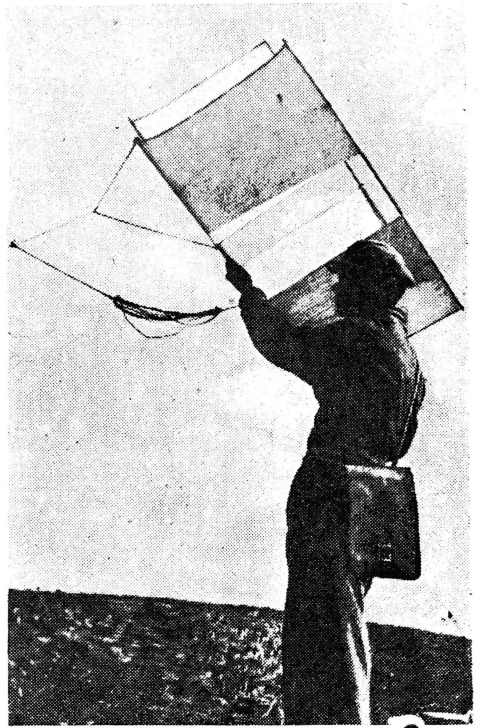
— погодите. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Пошли мы с Иринархом в лес. Идем, рассуждая о зверье, о бурундуках, чьи шкурки, рыжие с тремя черными полосами — неплохой материал для обшлагов женских шуб, об ондатре — американской мускусной крысе, которая пущена на развод в озера Северного края и быстро там расплодилось. За лето 1935 года отловлено несколько тысяч ондатр. Это — как-никак первая массовая добыча ондатр в СССР. Мех какой у ондатры вы знать хотите? Мех теплый, похож на мех русской выхухоли. Две тысячи ондатр оставлено в живых и отправляется для разведения на Урал. Поговорили еще о всяких новинках звероловства на Севере — об енотовидных собаках, о черно-серебристых лисицах. Этого зверья не мало нынче расплодилось в колхозах вокруг Вологды. Колхозники это зверье, как кроликов в клетках разводят.

— Да, колхозники многим интересным занимаются, — сказал мне, между прочим, Иринарх. — А вот что касаемо единоличников, так я не знаю... Давно хотел я, друг Орест Иванович, заострить твое внимание на деревне Ручеечки. Знаешь, у Темного мыса?

— Темный мыс я знаю! Как не знать! Кругом ягодники — малина, черная смородина, красная смородина. А на реке — бакан. Весь куликами обгажен, а баканщику лень почистить. Целыми днями спит!

— Вот, вот. Лунин, баканщик. Да в Ручеечках и все-то жители — двенадцать дворов — все Лунины.

Запуск коробчатого змея. Фото Б. Рябина.

Меня это не изумило. На Севере так бывает часто. Целая деревня Патрикеевы, или Подхомутовы, или Коничевы, или Калининцевы, или Коричевы, или Лунины.

— Ну и что же эти Лунины? — спрашиваю.

— Так что ж! — отвечает Иринарх, — все Лунины как Лунины. Трудящиеся единоличники. Народ пожилой, довольно робкий, но честный. Хлеб сеют ранним севом, как рекомендовано. Семена употребляют сортовые, повышают урожай. Во-время выполняют обязательства перед государством. Собираются, наконец, в колхоз вступить, — очень уж им понравилась механизация скотного двора. Ну вот, Лунины, значит, как Лунины. Но видишь ли, есть там одна старушечка — мамаша Лунина. Так она, понимаешь ли, вместо кроликов там или енотовидных собак, стыдно сказать, чертей в овине разводит!

— Колдунья?

— Нет, кружевница.

— При чем же черти?

— А вот при чем. Проказами чертей она свои неудачи объясняет. Старушка когда-то была кружевницей очень искусной. Хорошие узоры выдумывала. А теперь застопорило у нее что-то. Объясняет, что черти мешают, пакостят ей всяко. Путают.

— Пойдем в Ручеечки?

— Пойдем, пойдем.

* * *

„Мороз декабрьский“, „мороз январский“, „февральская вьюга“, „мартовская изморозь“, „иней весенний“, „иней осенний“ — вот она какие узоры плела. Перекупщики охотно эти северные кружева скупали. Иные дельцы, перепродавая кружева, на вырученные капиталы себе дома каменные в Санкт-Петербурге строили. А старушка все в своей избушке при лучине работала.

Пришло иное время. Перекупщиков след простыл. Кружевницы, объединенные в артели кружевного союза, работают не дома при лучинах, а в мастерских. Тепло в мастерской, светло — электричество проведено с лесопильного завода. И только мамаша Лунина из деревни Ручеечки сидит в своей избе.

— Не хочу в мастерскую. Беру заказ на дом!

Причины этого якобы такие:

В зимний день, в январский час прилетает якобы к оледенелому маленькому ее окошечку рождественский ангел. Жемчужным ногтем своим он по льду окна морозный узор выцарапывает. Этот узор старуха якобы узнает и переносит на кружево. Но плохо это удается — дрожат руки. Кто-то нитки путает. Кто? Не иначе, как силы, враждебные ангелу, по-иному говоря — дьявол. И живет этот дьявол, может быть попросту чортик, как соображает мамаша Лунина, поблизости, в овине. Однако мамаша Лунина не унывает. Терпение и труд все перетрут, даже чортика.

— Лунины в полном составе, представители всех двенадцати дворов, встретили нас у околицы, — продолжал свой рассказ Орест Иванович. — Иринарх провел меня прямо к мамаше Луниной. Он сказал ей:

— Пришли смотреть твоего чортика, который мешает работать. Покажешь нечистого?

— Нарочно не показываю. Он и мне-то самой мерещится не часто, — скромно

ответила мамаша Лунина. Это была маленькая хрупкая старушка с тонкими изящными руками. Вздохнув, она добавила:

— Нынче нам иное померещилось. Более противное. Будто пролетел вчера над Темным мысом красный гроб...

— Гро-об?..

— Ну, не гроб, так красный сундук. Кто его разберет. Летело что-то... Я из окна видела.

— Ладно, разберем, — важно сказал Иринарх. — Сперва покажи чертей. Возьми, мамаша, палку и погоняй чертей из овина. Ведь не в первый раз, сама знаешь, как делать надо!

Старушка вздохнула.

— Тревожить-то их зря стоит ли? Ведь сидят смирно... — нерешительно сказала она.

Тем не менее взяла палку, подмигнула Иринарху и, крадучись, направилась к овину. А Иринарх мне тихонечко:

— Готовь аппарат, Орест Иванович.

Мамаша Лунина подкралась к овину. Нацелилась. Размахнулась. Хлоп палкой с размаха. Я аппаратом — „чик“! Запечатлел. От овина — дым, пыль. Мамаша Лунина спрашивает неуверенно:

— Ну, как? Видали? Они, черти, с пылью, бывает, сыплются.

— Аппарат покажет, говорю, было или не было. — И пошел проявлять снимок.

Снимочек, что и говорить, получился удачный. Все Лунины собрались посмеяться на то, как мамаша Лунина овин палкой лупит. Единогласно решили, что чертей, по крайней мере на этот раз, из овина не повыскакивало...

— Обман зрения — твои черти! По пустому месту лупила, мамаша.

* * *

После обеда прилег спать. Только задремал — крик. Вижу — бегут Лунины. Бегут нас будить. Впереди быстроногие подростки, за ними взрослые, а позади два каких-то старика и пятилетняя девочка.

— Гроб летит! С Темного мыса виден!

Мы тоже бежим на Темный мыс. С мыса широко видно на все стороны. Солнце идет к закату. Ветер крепчает. На реке багровая зыбь раскачивает обгаженный куликами бакан. Баканщик бестолково ездит на лодочке и орет, указывая веслом в небо:

— Вон! Вон!

Разбегаются в обе стороны волны, алый наш парус плывет высоко в небесах!

Видим: над лесом действительно летит алей, озаренный солнцем предмет. Приближается с наветренной стороны. Геометрически строен. И верно, смахивает на сундук какой-то.

— Ящик! — говорит Иринарх.

— Почтовая посылка с небес, — язвлю я.

Тут летающий сундук запетлял. Он неожиданно выписал в воздухе восьмерку. И вслед за этим зашевелились вершины деревьев.

Это налетел шквал.

Затем сундук взмыл ввысь, покачался, как маятник, и рухнул вниз, в лес, в лапы сосен.

На гребне Темного мыса жестикулировали Лунины. Мы же с Иринархом, испытывая понятное волнение, кинулись через малинник в ту сторону, где скрылся летающий сундук.

Бежали минут десять. Продираясь через кустарники, я не столько приглядывался, сколько прислушивался. Я знал, что вот-вот услышу голоса людей, ибо в возможность самостоятельного полета сундуков поверить трудно. И вот, наконец, я услышал ругань.

На лужайке стояли двое. Один перевязывал платком окровавленную ладонь. Он повторял беззлобно:

— У-у, зверь кумачевый! Зверь бамбуковый!

Другой, срывая ягоды с куста, молча ел малину.

Оба были молоды. Лет по шестнадцать. Зеленые костюмы „юнгштурм“ измазаны глиной. Оружия ни у того, ни у другого не заметил.

— Молодые люди, — спросил я, — какого зверя поймали вы в кустах?

Они обернулись.

— Целого бобра! — усмехнулся тот, чья ладонь была окровавлена.

— Енотовидную собаку, — в тон первому ответил другой. Наклонившись, он поднял какой-то плетеный конец, похожий на плеть.

— Держу за хвост! Видите?

„Хвост“, извиваясь, уходил в кусты, вернее, через кусты, потому что лежал кое-где поверху.

— Зверь лежит тут, на соседней поляне, — пояснил юноша. — Смотрите, нам не жалко.

И, обойдя кусты, мы увидели зверя. Он лежал, уткнувшись тупым рылом в траву. Кумачевая кожа подрагивала на бамбуковых ребрах. Словом, чего тут описывать. Это был самый обыкновенный

двухметровый коробчатый змей. Такого змея вы можете видеть на любой детской технической станции начальных и средних школ, в любом авиомодельном кабинете Осоавиахима.

— Вы змей запустили, а он оборвался? — спросил я. Вопрос, конечно, глуповатый. Это ведь и так было ясно.

Юноши засмеялись.

— Этот змей тащил нас со скоростью двадцати двух километров в час!

— И вы за ним бежали?

— Ну вот еще — „бежали“! Мы за ним мчались в лодке. Мы впрягли воздушного тягача в шлюпку. Курьерская езда! Только мы опоздали с поворотом на изгибе реки во время шквала. Лодку выбросило на отмель. Не выдержал леер. Оборвало. Конец из рук вырвало. Ладонь расцарапало. Вот лодка на отмели лежит. Смотрите.

Мы вышли к реке. Лодка лежала высоко на отмели. В песке, позади кормы, осталась глубокая рывтина, вспаханная килем. Само собой разумеется, руль лодки был сорван. Около лодки копшился третий парень.

* * *

— Вы понимаете! Они додумались до нового увлекательного вида спорта! — торжествующе воскликнул Орест Иванович. — Они, эти ребята — Витя, Пашка и Галактион (фамилии у меня записаны в книжечке. Дома забыл) — все трое физкультурники, головастые парни.

Один из них уже третий год страдал от невозможности заняться парусным спортом. У речки слишком высокие берега, ветер гуляет наверху, а в долину реки не проникает.

Другой парень — „старый“ змеевик. Жаждет, чтобы змей был не только забавой, но можно было бы змею дать еще и практическое применение. Зимой пробовал ходить со змеем, вернее — за змеем, на лыжах. Удалось. А летом, после неудачной попытки впрячь змей в тележку (тележку опрокинуло и расшибло), решил употребить воздушного тягача вместо лодочного паруса. А третий парнишка — знаток речного фарватера.

Вот такая компания! Они аварии нешибко испугались. Жалели только, что руль у лодки уплыл по течению. Я сказал, чтобы не беспокоились, потому что руль баканщик поймает. Баканщик Лунин из деревни Ручеечки. Я сказал,

что надо плыть в деревню, ибо там суеверные люди сочли их змей за летучий гроб, когда они вчера ехали первым рейсом.

— Поскольку мы состоим в обществе воинствующих безбожников, мы даже обязаны побывать в этой деревне, — решил Витя.

— Но надо въехать в деревню с тягачом, — возразил Пашка. — Ветер не упал, ветер попутный.

— Значит, надо снова запустить змей, — сделал вывод Галактион. — Руля нет, будем править веслом!

И вот снимаем мы с отмели лодку, наскоро чиним кое-какие поломки змея, заносим змей на высокий берег, запускаем. Ветер ворвался в кумачевую коробку, загудели бока, аж взвыл змей.

— Ревет, как бык Павел, — говорит мне Иринарх охотник. — С этим змеем, равно как и с быком, нужно умеючи обращаться. Чуть что не досмотришь — бык не помилует! Ведь опрокинуть лодку он в два счета может! Нет. Пойдука я лучше пешком, а вы поезжайте!

— Не бойся. Авось доедем.

Лодка на плаву Осторожно передали конец леера в лодку, закрепив на носу. Лодку сразу рвануло, понесло вперед. Едва успели мы впрыгнуть.

Пенится вода под форштевнем, разбегаются в обе стороны волны. Идем „на фордевинд“ — прямо по ветру. Алый наш парус плывет высоко в небесах!

* * *

— Ну, что, довольны вы рассказом о водяном змее? — спросил Орест Иванович. — Ловкая гидроаэронавтика? Наши

северные ребята — молодцы. Я полагаю, что этот опыт плаванья по рекам с воздушным тягачом будет перенят повсюду — и на Волге, и на бесчисленных озерах Урала, и на мощных реках Сибири... Кое-какие опыты делаются сейчас в Вологде. Справки можно навести в Вологодском горсовете Осоавиахима у инструктора Русинова. Я знаю, там трое ребят со змеем плавали — комсомолец Рафаил Дерягин, пионер Мучкин и юный авиомоделист Карапин.

Да, кстати, чем наше-то путешествие кончилось — забыл я сказать! Приезжаем мы к деревне Ручеечки уже в сумерках. Восторг Луниных не поддается описанию. Мамаша Лунина пощупала змее, повздыхала и спрашивает:

— Почему кумач-то брали, ребята?

Ну, рассказали ей, почему кумач. Попросились к ней ночевать в овин с чертями. Но она говорит — в избу пожалуйте. Пожаловали. Смотрели ее кружева. Хороши кружева, нет слов. Древнее тонкое искусство. А потом, после ужина, паренек один змеевой — Пашка или Галактион, я уже позабыл, — стал ее осторожно агитировать — объяснял ей что то там такое, карандашом самолетик-юнкерсы рисовал.

Старушка смотрела-смотрела, да и говорит:

— Дай-ка я этот рисуночек иголкой на березовый сколочек наколю. Попробую-ка я этот самолетик в кружеве изобразить. И уверенной рукой перенесла рисунок на сколок.

— Чорт руку тебе не подталкивает? — спрашиваем.

А мамаша Лунина в ответ только смеется...

НЕОБЫЧАЙНОЕ СОСТЯЗАНИЕ

Рассказ Сергея Качиони

Почему они молчали?

Теперь уже не подлежит никакому сомнению, что выполни Луша свою прямую обязанность — и способствовавший раскрытию всего этого дела немой свидетель бесследно исчез бы с лица земли, найдя себе могилу, может быть, в том самом озере, на глади которого разыгрался заключительный акт небывалой борьбы.

Исход ее может показаться невероятным, но иного, конечно, и быть не могло. А с того момента, как из довольно туманного описания Петровича удалось все-таки установить, что диаметр решающей части оснащения был не менее двенадцати сантиметров, для меня лично остался неясным только один вопрос: почему замолчали такое дело его очевидцы?

Единственное объяснение можно найти в их уязвленном самолюбии. Действительно, кто же и где сказал, что эти очевидцы обязаны были разносить по всему свету, — ну, пускай только по всему Уралу, — молву об уничтожении того, чем сами они увлекались?

Вот почему и до сих пор еще мало кто знает об истории, случившейся в доме отдыха на одном из уральских озер 24 июля прошлого года, как это точно указывает.

письмо Евг. Бушуева.

Попало оно ко мне совершенно случайно.

Приехав в этот дом отдыха и открыв ящик стола в моей комнате, чтобы спрятать в нем привезенные книги, я только покачал головой — так много скопилось там всякого сора.

Явившаяся по моему зову Луша заметно смутилась, увидав состояние ящика, и выдернула его из стола, чтобы вытрясти на дворе. Выпавшая при этом скомканная бумажка осталась валяться на полу.

Наскучив в ожидании возвращения Луши мерять комнату по диагонали, я подобрал мозоливший глаза белый комок, машинально развернул и прочитал написанные чернильным карандашом строки.

Привожу их здесь в полной неприкосновенности, слегка только урегулировав некоторую неувязку Евг. Бушуева с общепринятой орфографией и знаками препинания.

23/VII—34.

Здравствуй, Ленька!

То-есть такой случай у нас тут выходит — ну, прямо в журнал! Журнал не журнал, конечно, но в общем и целом информировать, безусловно, надо, и как только выяснится, заметку тоже обязательно напишу.

А ближе к делу — в прошлый выходной вечером пришла со станции наша Антилопа (шофера Кольку у нас по Ильфу и Петрову дразнят), и новые приехавшие ребята прибежали в столовую ужинать с нами. Но тут приходит директор и кричит: „Вниманье, товарищи!“ Мы думали, что он насчет

простыней высказываться станет, потому что вчера ночью вызывали его персонально шупать простыни, которые положили мокрые и как не просохшие после стирки, что, безусловно, в корне ненормально. Ничего подобного! Случай с простынями остался без последствий, а он рекомендовал только заострить внимание на прибывшего сегодня т. Воинова, плавательного чемпиона, который во всех заплывах на первые места выходит и ныряет тоже, как тюлень в зоосаде. За эти достижения т. Воинов премирован к нам путевкой, потому что озеро здесь большое, чтобы на данном отрезке времени в нем упражняться. И вообще он в роде как водяная амфибия, которая дня без воды прожить не может, исключая, безусловно, холодного времени. И еще рекомендовал использовать этот случай в порядке обмена опытом.

А также приехала с ним т. Воинова Ю., сестра. Замечательная, понимаешь, девушка, прямо на большой палец, и сама является фасовщица, а учебой занимается на ихних безотрывных курсах и будет по прошествии времени работать в аптеке.

Ребята очень довольны насчет плавания и полученного инструктажа, потому что плавать все любители и большой уклон в этом наблюдается, но насчет разных там стилей никто ничего толком не знал и разобраться тоже некому. А мы с т. Юлией плаваем теперь стилем брас, и танцует Юлька тоже здорово. Западный танец фокстрот я с ней в два вечера выучился, только не совсем.

Но сегодня после мертвого часа, у т. Воинова вышел конфликт с нашим заводским Родманом насчет спорта, который рыболов и в заграничную командировку в Америку ездил. Он так выразился, что рыбачить — это не спорт и что на одном конце червяк, а на другом — дурак. А Родман рыбаков и ихнюю технику по-всякому нахваливал, а ему обещал на удочку из озера вытащить, как чебака, и ребята здорово смеялись. Володке сильно обидно показалось, потому что он плавательный чемпион и ныряет не хуже рыбы — и вдруг его на удочку вытащить! Получилась у них небольшая нервность, и завтра назначено решительное соревнование: пловцы или рыбаки, т. е. кто кого может из воды вытащить или обратно — утопить.

Тов. Воинов — парень что надо, 74 кило, а инж. Родман против него ничего не стоит, и безусловно, придется ему купаться со своей техникой. Но сам виноват, никто за язык не тянул, и ребята, безусловно, все за Володку.

Завтра допишу, чем кончится финиш, а сейчас бежать надо, Юлька придет по грибы в лес итти.

Евг. Бушуев.

Множество вопросов сразу хлынуло на меня после прочтения этого письма.

Прежде всего — почему осталось оно неотправленным? Не состоялось решительное состязание? Или другие причины заставили Евг. Бушуева, скомкав исписанный листок, сунуть его в ящик стола?

Потом — что это вообще за состязание между пловцами и рыбаками? В какой форме могло оно произойти? Каковы были его результаты?

Наконец, осуществилось ли оно в назначенный день, или же спортивный „конфликт“ был ликвидирован иным способом, на более мягкой основе, чем слишком категорическая формула „кто кого может из воды вытащить или обратно — утопить?“

Сам страстный рыболов, я был задет за живое этим письмом. Дважды перечитал неразборчивые, видимо в спешке набросанные строки, но они ничего не могли прибавить к тому, что я уже знал, и не давали ответа ни на один из теснившихся в моей голове вопросов.

Для выяснения их оставался один только путь: стать следопытом.

И, конечно, я пошел этим путем.

Но в доме отдыха мало кто мог быть мне полезен: обслуживающий персонал сменился почти целиком. Немногое припомнила Луша (благодаря неряшливости которой и сохранилось в ящике бушуевское письмо), да кое-что сбивчиво и туманно рассказал старый повар Петрович.

Зато очень помог новый директор. Получив, с его разрешения, доступ к архиву и документам, я с их помощью быстро разыскал по возвращении в город и участников необычайного состязания, и автора письма — Евг. Бушуева.

Тут, кстати сказать, выяснилось, почему осталось неотправленным письмо к Ленке. Причины, оказывается, коренились в некоторых обстоятельствах сугубо частной жизни Евг. Бушуева;

который, вероятно, простит нам их оглашение. Дело в том, что 24 июля, после окончания борьбы, было вообще не до писем: слишком взволновал неожиданный и поразивший всех результат состязания. На другой день внезапно решили уехать из дома отдыха „плавательный чемпион“, а с ним и сестра его, Воинова Ю. Последнее обстоятельство вынудило Евг. Бушуева спешно собраться, чтобы уехать вместе со своей партнершей по плаванию стилем брас и западному танцу фокстрот, хотя по путевке оставалось еще шесть неиспользованных дней... При таком развороте событий некогда было заканчивать письмо, да и оно само по себе уже утратило смысл: проще и скорее было рассказать все Леньке на словах.

— А заметку в газету написали, как собирались? — спросил я Евг. Бушуева, уже поднимаясь уходить.

— Заметку? Это насчет состязания?

Но тут вмешалась бывшая т. Воинова Ю., а теперь Юлия Николаевна Бушуева:

— Ну, что вы! Не до заметок ему было тогда!

И узнав, что поженились они 12 августа прошлого года, я понял, что действительно Евг. Бушуеву в эти дни было не до заметок.

Посещение молодых супругов явилось заключительным звеном в цепи моих розысков. И теперь, после подробных бесед с действующими лицами всей этой истории, я могу восстановить для всеобщего сведения,

как это было в действительности.

23 июля, после мертвого часа, завязавшийся за чаем разговор о преимуществах того или иного вида спорта неожиданно принял острую и резкую форму.

На чье-то упоминание о рыбной ловле, как спорте, Воинов насмешливо бросил:

— Ну, тоже! Нашел еще спорт!

— А чем же плох рыболовный спорт? — спокойно осведомился бывший тут в числе отдыхающих немолодой уже инженер Родман, страстный любитель рыбной ловли.

— Да ничем не плох, — засмеялся Воинов. — А просто это и не спорт совсем!

— То-есть как это „не спорт“?

— Ну, какой же спорт может быть в том, чтобы вытащить из воды полумертвую от боли и страха рыбешку? Где тут техника? В чем искусство? Какие трудности надо преодолеть?

— Во всяком случае и трудностей, и техники, и искусства несравненно больше в рыболовном спорте, чем, например, в плавании, — нанес укол Родман.

— Ну, скажете еще! То-то этим спортом и занимаются только ребята да старики. Посиживай себе на лодочке или полеживай в тени на бережку да поглядывай на поплавок, — вот тебе и все искусство!

Публика одобительно загудела.

— Я вижу, вы совсем незнакомы с этим видом спорта, — пожал плечами Родман. — При таких условиях наш спор бесполезен, а мне пора уже на озеро...

И он поднялся было с места.

— Сдрейфил товарищ Родман! — засмеялся кто-то.

— Ничего не сдрейфил! — выступил как будто с протестом другой. — А просто... крыть нечем! — неожиданно закончил мнимый защитник.

Все, кроме Родмана, расхохотались. Инженер заметно покраснел.

— Ваш смех, товарищи... — начал он нарочито пониженным голосом, и все вынуждены были стихнуть, чтобы слышать его, — ваш смех, конечно, объясняется только тем, что вы совершенно не знаете предмета, о котором беретесь судить. Рыбная ловля на удочку — это, разумеется, спорт, и притом насыщенный высокой техникой и требующий такой же высокой степени умения от самого спортсмена. Это — тонкое и умное искусство...

— Да уж куда умнее! — вмешался неугомонный Воинов. — Потому и говорится: „на одном конце червяк, а на другом...“

Он не успел закончить. Все кругом грянуло смехом. Родман пытался что-то сказать, но за веселым гамом, наполнившим столовую, ничего не было слышно. Инженер пожал плечами и выждал, пока шум стих.

— Товарищи! — возвысил он голос. — Вы весело настроены. Это, конечно, хорошо. Но зубоскальством ничего нельзя доказать. Я предлагаю от слов перейти к делу и на деле убедиться, где же техника и искусство: в рыбо-

ловном спорте или, например, в плаванье.

Столовая снова зашумела.

— Вот тоже сравнил!

— Ого! Это как же так — „на деле“?

— Очень просто! Сейчас увидите.

Публика притихла.

— Один вопрос, товарищ Воинов... Кстати, вы, кажется, хорошо плаваете?

— Ну, допустим... — недоверчиво протянул тот, сиюсья догадаться, куда идет его оппонент.

— Чемпион наш! — выкрикнул кто-то. — Прямо — человек-рыба!

— Тем лучше, — кивнул инженер. — Так вот, считаете ли вы, товарищ Воинов, возможным взрослого и сильного пловца, вполне владеющего своим искусством, вытащить из воды, как рыбу, на обыкновенную шелковую леску, при условии, что человеку этому предоставлено право сопротивляться как угодно, за исключением только права рвать леску руками?

Все настожились.

— То-есть, как это „вытащить из воды“? — не понял сразу Воинов.

— Да совершенно так же, как рыбовод вытаскивает крупную рыбу, — сказал Родман. — Впрочем, я поясню. Представьте себе, что на пловце надет достаточно прочный пояс. К этому поясу прикреплен сзади, на спине, конец лески. Потом пловца бросают в воду и предоставляют ему полную свободу действий, за исключением только одного, как я уже говорил: рвать и, вообще хватать леску руками. Он может плавать, нырять, бросаться как и куда ему вздумается, — ну, словом, делать все, что ему заблагорассудится и что делает обыкновенно попавшаяся на крючок рыба. А обязанность рыболова заключается в том, чтобы притянуть и вытащить пловца к себе в лодку, как вытаскивается в подобных случаях пойманная рыба.

Воинов ответил не сразу. Все выжидающе смотрели на него. Наконец, он улынулся:

— Нет, это совершенно невозможно. Это — вздор!

— В таком случае, товарищи, — внятно и громко отчеканил Родман, — я заявляю, что берусь на только что сказанных условиях вытащить из воды, как чебака, не кого иного, как самого Воинова.

Тут в столовой поднялось столпотворение. Окончилось оно тем, что на дру-

гой же день, 24 июля, после завтрака, на озеро выехала целая флотилия. Были мобилизованы все наличные в окрестностях лодки, которых набралось восемь штук. В одной из них сидел Родман. В другой — Воинов с тремя приятелями. Остальные были битком набиты молодежью, свидетельницей вчерашнего спора. Кому нехватило места в лодках, остались на берегу с парой нашедшихся в доме отдыха биноклей.

Утро выдалось как по заказу. Стояла совершенная тишина. С высоты безоблачного неба струило золотые ласки солнце. Огромное озеро зеркалилось, как стекло, уходя просторами своих зеленоватых далей к обрезанному линией холмов горизонту.

Остановились в полукилометре от берега.

Воинов разделся. Широкий спортивный пояс плотно охватил его талию. К специально вшитому сзади кольцу Родман прочно прикрепил конец своей лесы.

— Готово, — сказал он.

Лодка с Воиновым двинулась дальше. Когда она отошла метров на 35, пловец бросился в воду, а лодка вернулась обратно, присоединившись к остальным зрителям, стоявшим позади Родмана и несколько в стороне.

Бросившись в воду и сразу нырнув, Воинов, всплыв на поверхность, лег на спину. Он решил для начала принять выжидательную тактику.

В тот же момент он почувствовал, что невидимое легкое течение несет его в сторону лодки Родмана.

Улыбнувшись, Воинов не спеша поплыл к середине озера. Одновременно до ушей его донесся непрерывный, довольно громкий треск: заработал тормоз катушки.

Через полминуты Воинов заметил, что плыть ему гораздо труднее, чем обычно: прикрепленная к поясу леска чувствительно тянула назад...

Тогда пловец, на несколько секунд отдавшись ее влечению, вдруг стремительно сделал резкий бросок вперед и вслед затем глубоко нырнул, рассчитывая таким образом оборвать тонкую и такую непрочную на вид леску.

Но ни малейшего сопротивления не встретил со стороны рыболова его рывок. Слово и не была привязана леса к поясу. Беспрепятственно опустился пловец на значительную глубину,

так же беспрепятственно поднялся потом на поверхность, и в тот момент, когда, переводя дыхание, собирался посмотреть, чем кончилась его уловка, натянувшаяся, как струна, леса подтащила его на несколько метров назад, прежде чем он успел сообразить, как это вышло. И Воинов, к удивлению своему, оказался на том же месте, откуда предпринял свой маневр.

Здесь впервые он почувствовал какое-то неприятное стеснение: не то, чтобы страх, а так... какую-то растерянность.

В следующую секунду он уже бросился вперед, выбрасывая с каждым взмахом сильных тренированных рук свое крупное тело почти на всю длину роста. Таким темпом покрывал он только последние десятки метров перед финишем на больших состязаниях. Способность развивать эти темпы и давала ему бесчисленные победы над более слабыми физически и менее искусными технически товарищами.

Но там, зади, тоже была и техника, и сила. Снова резко затрещал тормоз большой катушки. К нему присоединился палец руки, твердо легший на внутреннюю сторону одной из катушечных щек. Согнулась слегка могучая пружина эластичного удилица. Туго натянулась леса, таившая в кажущейся слабости своей неожиданную степень сопротивления. И Воинову стало ясно, что плыви он с такой быстротой, как сейчас, на любых состязаниях, никогда бы ему не быть „с местом“, не говоря уже о более высоких результатах.

В течение четверти часа он плыл с крайним напряжением, пытаясь уйти как можно дальше от ставшей ненавистой лодки Родмана. Потом обернулся, чтобы посмотреть, как далеко он ее оставил.

Посмотрел и... весь внутренне сжался, замер: лодка была не далее ста метров!

Прежде чем он успел опомниться, тело его непроизвольно повернулось спиной к лодке, и леса потянула с неистытанной еще, как ему казалось, силой.

Воинов снова бросился стремительным рывком вперед, — и снова сразу замолк треск тормоза и словно оборвалась только что бывшая натянутая леса...

Через два с половиной часа от начала состязания подтащенный вплотную к лод-

ке Воинов почувствовал на своем плече руки Родмана и услышал вопрос:

— Вам помочь или сами заберетесь?

— Не надо! — буркнул Воинов.

Он сильно ослаб и физически и морально. Все кругом как-то вертелось, голоса доносились словно издалека...

Как следует очнулся он уже подвезжая к берегу, все еще голый, в той же лодке, в какой выехал на состязание.

Вот, собственно, и все.

На этом кончается поэзия борьбы и остается —

техническая проза.

Победила Воинова, конечно, не урядная удочка с поплавком, а высокая техника современной бегучей снасти.

Родман был вооружен трехколенным удилицем из клееного колотого бамбука длиной в три с половиной метра.

Удилище было монтировано велико-лепной катушкой диаметром 12 сантиметров.

На катушке было намотано правильными рядами 200 метров специального шелкового желто-зеленого шнура, выдерживающего до 15 килограммов мертвого веса.

Таково обычное снаряжение спортсмена-рыболова для охоты за крупной рыбой. Родман привез его из своей заграничной командировки и добыл с ним не мало семги в реках Карельского севера и крупнейших щук — на уральских озерах.

— Но знаете, — сказал он, показывая мне все эти вещи, — я смотрел в магазинах наши советские удилица, катушки и шнуры. И должен вам сказать, что они не уступают заграничным. Я берусь с ними вытащить при тех же условиях любого пловца, который пожелает убедиться в могуществе техники рыболовного спорта. И очень жаль, что наши уральские любители рыбной ловли, ковыряясь с допотопной снастью, вместо того, чтобы овладеть техникой подлинно спортивной ловли и добывать не ершиков и окунишек, а крупную добычу, от щуки, тайменя и до... человека включительно, если это понадобится!

Но Родман ломился в открытые двери: я с ним не спорил. Я согласен, что это действительно очень жаль.

"ЗОЛОТО И ПЛАТИНА" История

ЗОЛОТО И ПЛАТИНА

Очерк А. Бармина

„Золото! Этот тяжелый желтый металл тысячелетиями привлекает к себе особое внимание людей. И в древнейших рабовладельческих государствах — Египте и Риме, и в мрачное средневековье, и в современных буржуазных странах на всех этапах товарно-капиталистического общества золото является предметом страсти и вожделений человечества.

„Золото — удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он хочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай“. Так писал Колумб еще в 1503 году.

Для капиталистического мира это утверждение Колумба справедливо и по сие время. Там золото означает богатство, власть, славу, все земные наслаждения. Но не только это. С золотом неразрывно связана вся кошмарная действительность капитализма, все его отвратительные черты, все его подлости и гнусности.

Великий Маркс на страницах „Капитала“ приводит следующие слова Шекспира:

Металл сверкающий, красивый, драгоценный...
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее белейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, все низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрецом,
Все старое — и молодым, и свежим!

История золота ознаменована насилиями, грабежами, убийствами, слезами и кровью миллионов людей.

Октябрьская революция 1917 г. на одной шестой части света положила предел господству золота. Вместе с капитализмом рухнула и власть золота.

Любовь, славу, уважение, власть в Советском союзе нельзя купить на золото. Беззаветная преданность большевистской партии и социалистической родине — таковы основные стимулы беспримерных в истории геройских подви-

гов на суше, на море, под водой и в воздухе, которые совершили и совершают люди нашей страны.

„Золотой телец“ — этот двигатель капитализма, воспетый Гете в „Фаусте“, — развенчан. Он потерял в Советском государстве свое всемогущество.

Однако нам золото нужно и нужно очень. Оно требуется для расчетов с капиталистическими странами, каждый лишний грамм золота укрепляет нашу независимость, рост золотодобычи способствует укреплению наших финансов. Наконец, золото необходимо для технических целей.

В. И. Ленин еще в 1921 г. писал: „Пока же беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже и покупать на него товары подешевле“.

Партия, руководимая тов. Сталиным, с честью выполнила это ленинское завещание. Советская золотопромышленность выросла колоссально. По сравнению с довоенным временем добыча золота в СССР увеличилась в 15 раз. Открыты десятки новых месторождений. Наша страна по запасам золота стоит сейчас на первом месте в мире, а по добыче золота на втором. Изменился весь облик этой отрасли промышленности. Мы имеем прекрасную, технически оснащенную золотопромышленность, идущую в первых рядах нашей индустрии.

Советские золотопромышленники и золотоискатели борются за полное выполнение указаний тов. Сталина учредить добычу золота, данное им на XVII партийном съезде.

Золото, платина да еще серебро составляют среди цветных металлов особую группу. Это так называемые благородные металлы.

На Урале имеется и золото, и платина, и серебро. Серебром богаты полиметаллические руды отдельных уральских месторождений. Например, медные

руды Сан-Дonato содержат серебра 73 грамма на 1 тонну руды. Урал дает сотни килограммов серебра. Но видят его в чистом виде только работники аффинажного (очистительного) завода. Выплавка его из шламов ведется на Кыштымском электролитном заводе и на вновь выстроенном Пышминском электролитном заводе. Процесс извлечения серебра — тонкая штука и требует большой тщательности.

А золото и платина знакомы уральцам очень хорошо. Они встречаются и в россыпях и в самостоятельных коренных месторождениях.

Россыпное золото известно повсеместно, во всю длину хребта. Только не везде оно так богато, как у Невьянска или у Миасса.

Когда (в 1932 году) трест Союззолото обратился к старателям: „Ищите, мойте золото для государства! Оно нужно, чтобы покупать машины за границей. Оно делает нашу страну независимой в случае военной опасности“, — тогда не осталось, кажется, района на Урале, где бы люди с ковшами, лопатами и кайлами не вышли попытать счастья.

Золотой песок хорошо вознаграждает за терпеливое выслеживание, за догадку, проявленную на охоте за ним. Работа по промывке хотя и тяжелая, но не сложная, никакой долгой науки не требует. А вот указать место, откуда брать песок для промывки, — это большая премудрость.

Что такое золотая россыпь? Залежь песку, глины, вообще обломочного материала, который получился от разрушения кварцевых золотоносных жил и пород, их вмещающих. Жилы образовались в твердых породах — граните и диорите — во время застывания на глубине кислой магмы.

В свое время массивы гранитов и диоритов появились на поверхности выступами гор.

Вода, солнце и ветер разъели каменные горы, и крупинки золота освободились от „скорлупы“ кварца.

В рыхлой массе песку тяжелые частицы золота тонули, собирались на „плотике“, т. е. на неразрушенной части гранитного массива.

Бурные реки прежних геологических эпох размывали залежи песку и несли его с собою. При этом золотые крупинки влеклись понизу, по самому каменно-

му руслу, и при всяком удобном случае задерживались во впадинах дна.

Впоследствии от рек не осталось и следа. Над залежими по дну „струями“ золота выросли толщи пустого речного песку. Почва задерновалась, поднялись сосновые леса, и целые города выстроены над иными россыпями. Поди, догадайся, что под тобой в недрах песчаных толщ лежит золото!

На Урале в самых золотоносных местах русские горняки целое столетие копали железные руды, пока случайно не обнаружили золото. Так долго потому, что не искали. Не знали даже, какой это такой золотой песок и может ли он быть на Урале.

Опытный следопыт золота умеет разглядеть и в степи, и в долинах гор признаки древнего русла исчезнувшей реки. Близость выходов гранита и диорита подскажет ему, где больше надежды на находку россыпи. Самую „золотую струю“ помогут отыскать спутники золота — магнетитовый шлик, серый или мышьяковистый колчедан, свинцовый блеск и разноцветные турмалины — те минералы, которые возникли рядом с золотом в кварцевых жилах.

Конечно, большую роль в находках золота играет и случайность, тот самый „фарт“, который так увлекал прежних старателей. Если для людей была потеряна надежда добиться сносной жизни своим каторжным трудом, если впереди были видны лишь старость с болезнями да нищета, то, разумеется, оставалось мечтать о чуде, о слепом счастье, в роде тяжелого самородка или горсти золотых крупинок из одного ковша.

Теперешний „фарт“ выглядит иначе. Он похож на выигрыш по облигации. Много ходит по Уралу рассказов о случайных находках.

Вот, например, в Калате рабочий медеплавильного завода копал у себя огород под картошку. На лопате вывернулся желтый кварцевый песок. Рабочий шутя сказал жене: „Похоже, золотистый! Не помыть ли?“ А та бегом за ковшом. Ну, раз ковшик в руках, так надо трянуть стариной — рабочий был раньше старателем. Промыл — и грамма два получил с первого ковша. Теперь каждый день после работы копается понемногу в своем огороде.

В Березовском заводе один житель менял дощатый настил под сараем. У самой поверхности увидел кварцевую

жилу с богатейшим золотом. Всю жизнь по этим доскам ходил — ничего не знал. Заявил в трест, ждет премии за открытие.

Видел я, как школьники Кочкаря по дороге из школы моют полоскательными чашками породу из старых отвалов у большой лужи в центре поселка. И намывают, говорят, не только на леденцы, но и на новые ботинки.

В самом Свердловске по берегу городского пруда появились вашгерды. И прохожие наблюдают немудрый процесс доводки и смывки шлиха — одни из чистого любопытства, другие с тайной целью: поучиться да и самим как-нибудь, при случае, попробовать: не повезет ли?

Старатели выбирают граммы драгоценного металла там, где его только граммы и есть, куда везти машину нет никакого расчета.

Старателям не под силу рудное золото, — то, которое не освободилось из кварцевых жил. Для обработки золотой руды строят обогатительные фабрики. Кварц дробят, металл из него переводят в химические растворы, а из растворов получают золото в виде тусклого серого порошка.

В двенадцати километрах от Свердловска, у Березовского завода, строится на бедных рудах золотой комбинат. Кстати сказать, это как раз то место, где было найдено первое в России золото. Скоро придется отметить двухсотлетие находки шарташца Ерофея Маркова¹. А на много ли тронуты богатства березовских руд? — на один процент, да и то едва ли!

За вторую пятилетку здесь будет создан рудник — по размерам в роде магнитогорского. На глубину тридцати метров сплошь — открытыми работами — экскаваторы вынут разбитые взрывами березиты. Березиты — это видоизмененные граниты, здешняя порода, пронизанная кварцевыми рудными жилами. Во вторую очередь будут строиться четыре капитальные шахты для подземной добычи руд.

Я спускался в Березовскую шахту. Это было давно, — тогда завод был маленький. Шахта была глубиной около ста метров. Помню, как заливало шахту и все боковые ходы водой, насосы за-

хлебывались и едва справлялись с откачкой. А с первого года революции и до 1928 года шахты стояли затопленные.

Теперь бурением установлено, что золотоносные березиты встречаются и на глубине двухсот метров. Можно предполагать, что они идут вглубь метров на пятьсот. Вот глубина для новых шахт!

Трудно придется с водой — месторождение очень водоносно. Но вода эта — вкусная, чистая родниковая вода. Она пойдет в водопровод для снабжения комбината, может быть, и Свердловска. А водопровод ведь все равно пришлось бы строить и где-то искать источники питьевой воды.

Новые и новые открытые месторождения вовлекаются на Урале в разработку. Золотодобыча широко охватила крайние северные районы: Ивдельский, Исковский и др. Стали добывать золото из так называемых „железных шляп“, о которых раньше не думали.

1927 год — начало развития уральской советской золотопромышленности. За последние 7 лет добыча золота только по одному тресту Уралзолото выросла больше, чем в два десятка раз. Выстроены свыше десятка новых золотоизвлекающих фабрик и эфельных заводов, пущены новые драги.

Уральские суровые морозы и длинные зимы очень мешают золотопромышленности. Однако большевики и здесь преодолевают препятствия. Сезонность ликвидируется, золото начинают так же успешно добывать зимой, как и летом.

Многие из вас читали наверно Мамина-Сибиряка или Бондина о жизни прежних уральских старателей и приисковых рабочих.

Старательская масса находилась в цепких руках скупщиков и владельцев приисков. Обычный старатель был всегда гол, как сокол. Плоды его изнурительной работы попадали в карманы горной администрации, скупщиков, торговцев. Сплошная неграмотность, полное бесправие, отсутствие элементарного культурного обслуживания, — таков был удел дореволюционного старателя.

Он не жил, а только существовал. Единственным утешением была водка. Неудивительно, что на приисках в старое время в сильных размерах процветало пьянство. Кстати, это было выгодно для администрации, так как пьяного

¹ История первой находки золота Марковым помещена в № 5 „Уральского следопыта“ под названием „Первый старатель“.

рабочего и старателя было легче надуть и обделать.

А поезжайте сейчас на прииски.

Возьмите Ис—это отдаленнейший прииск на Урале. Вы найдете здесь звуковое кино, хороший клуб, спортплощадку и другие культурные учреждения.

В глухой деревушке, где развито старательство, редко в каком доме не найдется патефона.

Дети старателей кончают средние и высшие школы, делаются инженерами, учителями и врачами.

Советский золотоискатель — полный работник нашей великой родины. Он живет полной жизнью, живет теми интересами, какими живет вся страна. Итало-абиссинский конфликт, киевские маневры, наши победы в воздухе — эти и другие вопросы находят свой отклик, пусть с известным опозданием, в далеких уголках, приисках и артелях золотопромышленного Урала.

Изменилось само отношение к работе.

Хищничество — эта альфа и омега золотого промысла при капитализме — теряет теперь свою почву. И дело не только в том, что против него ведется борьба административными мерами. Нет, главное не в этом.

Общее продвижение страны к социализму, проводимая воспитательная работа дают свои результаты. Старатель приучается видеть в разрабатываемых недрах социалистическую собственность, вырабатывается новое, сознательное отношение к золотодобыче.

Платина во многих отношениях напоминает золото, а в россыпях и залегает часто вместе с ним. Это тяжелый металл стального цвета и блеска. Давно прошло то время, когда платину называли презрительно „лягушачьим золотом“, выбрасывали в реку, стреляли ею из ружья вместо дробы — благо, тяжелая, и золотили ее, чтобы сбывать за золото доверчивым людям. Давно платина стала цениться дороже золота. Она идет на лабораторные тигельки, нужна во многие приборы, где требуется тугоплавкость и кислотоупорность.

Для искусственных зубов нет материала лучше платины. Ну и в ювелирном деле ее много идет: для украшений, для оправы драгоценных камней.

Платиновые россыпи имеются там, где разрушались горы малокварцевых пород: дунитов, перидотитов и змеевиков. Есть платиновые россыпи по скло-

нам Денежкина камня, в Кытлыме, по реке Иссу, около Тагила и у Сысерти.

На прииске „Красный Урал“ — туда из Нижнего Тагила можно проехать по узкоколейке — платина найдена и в коренном залегании. Рассказывают, что первым открыл платину в породе старатель Ивановский. Он долго держал свое открытие в тайне и пользовался им один.

— Опять у Ивановских мак толкут, — говорили соседи, прислушиваясь к стучку в сарае.

А это он дробил в ступке платиновую породу. Ивановский в пьяном виде все же проболтался кому-то о своей находке. Рудную жилу опечатала полиция. И досталась она богачам Демидовым. Разорившийся старатель нанялся в демидовские рудники рабочим поднимать породу из шахты, дробить руду.

Был такой случай. Старатель дробил около шахты породу в мелкие куски, чтобы удобнее сыпать под колеса бегунов на паровой дробилке. Под себя подложил увесистый обломок — устанешь целый-то день на корточках! Работал нехотя, руда, видать, бедная. Тут дождь полил, старатель скрылся под навес. А после дождя к обломку первым подошел штейгер. Подошел, взглянул на обломок, да как схватит его и бегом в контору, сгибаясь от тяжести!

Дождь обмыл камень, и платина из него кругом выглянула такими большими серыми тараканами. А старатель на себе волосы рвал, — проворонил премию!

Это мне рассказывал уральский писатель Бондин.

„Красный Урал“ лежит в зеленой котловине, как в миске с высокими краями. Горизонт кругом приподнят и зубрен темным ельником. В центре котловины целый городок — правильные улицы, высокие дома с электрическим освещением, и клуб, и гостиница.

Население не старательское, а рабочее. Добыча платины — целая промышленность: имеется сложная обогатительная фабрика, механический цех, даже своя вагранка для литья чугуна. Но главную работу производят драги.

Драга — болотный корабль.

Даже обидно глядеть: построили громадину-судно, какому впору по морю плавать, а спустили в грязный прудок или болото, где ему и не повернуться. И качается на воде драга, шумит на всю округу, работает день и ночь челю-

стями-черпаками, залитая по ночам электрическим светом.

О размерах драги легче всего судить по цепи с черпаками, которыми она забирает платиноносный песок со дна. Каждый черпак весит сто десять пудов — это пустой, а захватывает он $13\frac{1}{2}$ куб. футов мокрого песка. Всех черпаков на цепи семьдесят шесть, значит, общий вес ненагруженной цепи больше 8000 пудов!

Черпаки непрерывно подают породу внутрь драги на промывочную машину — в роде исполинского вашгерда. Крупные камни отмываются в первом отделении, в вертящихся дырявых цилиндрах, и сразу направляются по ленте-транспортеру в отвал. Только мелкий песок проваливается в дырки и идет в тщательную промывку, потому что платина обычно

попадаетея тоже мелкими крупинками¹. Отмытый песок сыплется с транспортера сзади драги и за день образует целые горы.

Попадают в черпак каменные глыбы такой величины, что вся драга задрожит от натуги. Такая глыба может поломать судно. Сорвавшись с черпака, может порвать ленту, а чаще всего просто сжечь электрический трансформатор от перенапряжения.

Командир драги — драгер — следит из своей стеклянной рубки за черпаками и, когда появляется из мутной воды глыба-великан, останавливает цепь, велит сбросить глыбу обратно. Так, час за часом, идет добыча золота и платины. Новые количества благородных металлов поступают в государственный кошелек, увеличивая наш валютный фонд.

ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК

Рассказ Бориса Долинова

Я поправил на плече ружье и перепрыгнул через ручей. Догорающий день уже стелил причудливые кружева теней на высокую густую траву. Сквозь зубчатые вершины молодых елок была видна белая из бересты крыша шалаша. Я пришел во-время — солнце было еще высоко. У маленького костра на корточках сидел дед и что-то рассматривал в спичечной коробке.

— Здравствуй, дедко!

— А-а, судент, милости просим! Здравствуйте.

— Как дела, дедушка?

— Дела? Как сажа бела, сынок, как сажа! Хе-хе-хе!.. Вишь, молодой судент, петушка я пымал! Хе-хе-хе... Право, ей-богу.

— Петушка? — переспросил я еще, не зная о каком петушке идет речь.

— Ей-ей петушок, настоящий — что надо: и лапки, и головка, и хвостик, как у настоящего петьки, ей-ей!..

— Так он же не настоящий?..

— Петька-то? Без примесей он у меня. без ртути, целенький, как говорит-

ся: петушок, петушок — золотой гребешок... Глянь-ка, парзень, хе-хе-хе... — Он протянул мне спичечную коробку.

Я взял ее и ахнул! В ней лежал самородок, похожий скорее на породистую курицу, чем на петуха, только лап у него было не две, а несколько. Он был желтого цвета и словно через слой жира тускло поблескивал.

— Граммов сорок! — положив на руку, говорю я.

— Нет, пятьдесят пять.

— У тебя и весы здесь?

— Не-е, сынок, рукою весю, рука биятая у меня, глаз вострый...

— Видишь хорошо? А лет-то сколько тебе, дедко?

— Лет-то? А мало еще, право, ей-богу! Восемь десятков и один год...

— Здорово! — невольно вырвалось у меня, — ты бойкий такой, словно тебе лет сорок — сорок пять.

— Бойким-то лучше жить, легче, сынок, ей-ей!

— Ты старше меня на шестьдесят два года! — воскликнул я и почувствовал себя совсем мальчишкой. Мне показалось даже на миг, что я прожил не девятнадцать лет, а всего девять! Восемьдесят лет! Это же почти две жизни! Вот что значит жить и работать на чистом воздухе!

¹ Обычно, но не всегда. И если в черпак попадет со дна пруда платиновый самородок с лошадиную голову, — ему дорога тоже в отвал. Улавливаются самородки не больше 20 граммов весом. Тут надо бы что-то изобрести.

— Энтэ что-о! — прервал мои размышления дед. — Есгретил я лонись в Тагиле старичишку, золото сдавали вместе. Белый, как лунь. Разговорились. Мы тогда рано приехали. Старик занятый, говорливый. И все-то он знает, везде побывал. Стараётся под Тагилом, где-то недалеко отсюда, не сказал где, хитрый... Вот я и полюбобытствовал, сколько ему годов будет. А он провел по волосам рукой и говорит: „белый стал, как ртуть, а лет всего... двадцать пять...“ „Как двадцать пять!“ — помню, закричал я, а он засмеялся в бородищу и добавил эдак тихо: „с сотней...“ Диву дался я. — Как лунь старичишка, а подика бойкий, сноровистый, беда...

Дед достал кисет, расшитый зеленым шелком, не спеша свернул козью ножку и продолжал:

— „Тебе на печь лезть надо отдыхать“, говорю я ему, а он смеется: „Погоди, дескать, старый, пороблю, пока робится, а там видно будет... Живой, говорит, я, кровь, мол, горячая у меня, на печи-то жарко будет...“

Дед замолчал. Я подбросил в костер горсть веток. Они весело затрещали, и в густую листву березы заструилась синяя струйка дыма. Незаметно спустились сумерки. Замолчали птицы. В лесу стало вдруг удивительно тихо. Только костер потрескивал, выбрасывая красные угольки, да ручей непрестанно журчал, перекатываясь через перекладыны в колоде.

Дед достал из шалаша картошку и стал готовить ужин. Я сбросил пиджак, взял топор и отошел в сторону за дровами. „Чорт возьми! — думал я, — крепкие же эти люди — уральские старатели! Они сами, как замечательные самородки, разбросаны по всему Уралу! Сто двадцать пять лет! Не верилось, нет. Казалось, что дед только что рассказывал не о человеке, а о каком-то другом, необыкновенном существе.“

— Сыно-ок, хватит, спасибо тебе!..

Похлебка уже варилась, когда я пошел к костру с охапкой дров.

В кустах совсем близко залаяла собака и раздался легкий свист.

— Митряй идет, племяш мой, охотник. Это его Тонька заливаётся. А я ведь тоже поохотиться вышел. Завтра утречком постреляете, попугаете хе-хе-хе. Оно охоты — беда! Не ест, не спит, все с Тонькой ходит. В кого уродился, не знаю прямо. Из наших все — старате-

ли... Четвертое поколение подрастает... А этот заробит на дробь — и опять в лес...

— Здравствуйте!

— Здравствуй, Митряй! Опять набил крякв!

— Есть маленько!

К костру подошел веснушчатый парень небольшого роста, в больших болотных сапогах. Он посмотрел на меня мельком и, снимая сумку, набитую утками, спросил:

— Вы на охоту али на работу прибыли?

— Сейчас — на охоту. Вообще — на работу, золото ищем.

— Чё искать его! Везде оно, золото, копай только, — усмехнувшись, сказал он и сел к костру. — Золото! Лопатой гребь — много! Двести лет копают, если не боле, а все не выкопали... Попробуй, выкопай! Надсадишься! Оно даром не дается, — говорит Митряй усмехаясь.

— Даром ничего не дается, — отвечаю я, стараясь переменить тему разговора. — Утром в Карасьевку, на ток.

— Я туда же. Вчера место поприметил. Вместе, значит?

— Выходит...

Дед снял с костра похлебку, нарезал хлеб толстыми ломтями. От похлебки запахло луком и переваренной картошкой. Я достал из рюкзака масло и положил в котелок.

— Эх, медвежатинки поесть бы! Да-а-а-вно не ел!

— Много их здесь?

— Медведей-то? Много! В старые года в деревню заходили.

— Да что в старые года! А лонись-то встретил „хозяина“, Данилыч, не помнишь рази?

— Как не помнить, век не забуду!

— Убил что ли, дедко?

— Не-е, сынок! Операцию сделал, право ей-богу! Подбрось-ка, Митряй, сучьев, комары донимают...

— Расскажи-ка городскому, Данилыч, занятно!

— Отчего не рассказать, расскажу. Энту историю вся деревня знает. А история такая случилась. Шел я, сынок, с ковшичком по ручью, пробы брал на золотишко. Весь день бродил. А золото хитрое: там покажется, тут на свет выйдёт, а копнешь — нет его, аминь, право, ей-богу. Вечерело уже. Комарье доже спокою не давало. Я уж хотел домой

вертать, да приглянулось мне одно место. И место, право ей-богу, хорошее. Глухое место, нетронутое. Галька, скварец, то да се... У меня свои приметы, от отца остались. Редко ошибаюсь. Да. И так вот работаю лопаткой, а порода верная. Ну, думаю, Данилыч, знать, счастье привалило... Пробил шурф в полметра, наложил породу в ковш, промываю. Глянул — таракан лежит! Я сунул руку, а рядом клоп! Я — раз и вытащил их, а они...

— Водяные? Первый раз слышу!

— Какие там водяные! Золотины лежат, сынок, с таракана и с клопа. А я это не радуюсь вслух-то, не ахаю! Примета есть такая. А внутри птицы ровно запели — сердце туда-сюда заходило... Счастье... Да. Сижу это я, значит, над ковшом, колдую, свет забыл и беды не чаю... А беда сама пришла, право ей-богу!

— Я тогда на поляну энту вышел, все своими глазами видел, — добавил Митрий, закуривая.

— Все тихо было, я только плескался, — продолжал дед. — А тут как затрещат сучья за моей спиной, да как энтю зарычит медведь, я и остолбенел, право ей-богу. И близко сохсем, за спиной медведь-то взревел. Я повернулся, сижу, жду...

— Я тогда ружье вскинул, приготовился, — вновь вставил Митрий, — испужался шибко за Данилыча.

— А „хозяин“ возится в кустах, рычит, а не вылезит... Я встал тогда, ковш зачем-то в руки взял, стою, а бежать не могу. Ноги приросли к земле и ни шагу, ей-ей. А он все ближе, ревет оглашенно, хоть уши затыкай. Я совсем обмер. Себя не чувствовал со страху, право ей-богу! Митрия-то не видел еще, думал, я один в лесу-то. Да, сынок, крещусь про себя, а картуз на голове ходунном ходит — волосы дыбом встали... Молитвы вспоминаю, да зря, забыл все сразу... Вышибло из головы-то. Смотрю в кусты, а они шевелиться начинают... А потом, ребятушки вы мои, сам вышел. Вышел и лапу лижет, скулит... Не сразу меня-то поприметил. А что тут? Все-го, чай, аршин семь-восемь было. Голова огромная и ростом... с теленка будет. Я стою и ковш в руках. А что ковш? С бабами воевать только! А медведь тем моментом увидел меня, зарычал сна-

чала, зубы оскалил и в кусты полез, да вернулся. Право ей-богу, вернулся, встал — и ко мне, как человек идет... Я совсем замер. Ноги холодеть стали... Голову в жар бросило... А он идет, скулит, как собака, и левую лапу перед собой несет...

— Я стрелить хотел, да боялся в Данилыча попасть, — вставил Митрий.

— Стрелить, стрелить! Сам, поди, забыл враз с которого конца и ружье заряжается! Да, сынок, так вот стою я, не дышу, а медведь подходит ко мне и лапу сует... Право ей-богу, как здоровается... А я тут посмотрел на лапу-ту и страх-от как рукой, скажи, сняло! У него, дьявола, право ей-богу, в лапе занозища сидит здоровая. Лапа-то распухла, гноится уж... Он и ревел от боли-то. Увидел я занозу и, не долго думая, раз ее и долой!..

— Вытащил?

— Вытащил, право ей-богу! А он посмотрел на меня сбоку, повертел башкой туда-сюда, повернулся — в кусты ушел, а я стою на месте. Сначала не знал, побечь или не побечь... Потом побег, да на Митрия и налетел! Право ей-богу, чудом спасся! Он, медведь, умный, с мозгой, зря не трогает. А до чего понятливый! К человеку пришел — помощь требовалась. К слову сказать, зверь, коров задирает, а тут на тебе, как ребенок большой. Да-да... Век не забуду. Вот, сынок, проживешь с мое в лесу, всего насмотришься, право ей-богу! Другой раз сам не веришь, что было. От того и люблю лес. В нем все есть... Его только понимать надо... Любить надо, сынок... А не любишь, не понимаешь, уходи, погибнешь, право ей-богу...

Дед замолчал и задумался. Козья ножка, вспыхивая красным огоньком, то и дело освещала усы. Тихо потрескивал костер. Тонька, свернувшись клубочком, спала у ног Митрия. Отблески костра бесшумно бегали по белым стволам берез. Где-то далеко кричали сонные утки. Говорить не хотелось.

Я закурил и лег на спину, глядя в глубокое черное небо, усыпанное бледными уральскими звездами... И казалось мне, что видел я золотого петушка и слышал я о медведе с занозой во сне или что я — маленький и бабушка только что рассказала мне на ночь прекрасную новую сказку...

КРЫЛАТЫЕ ВЕСТНИКИ

Очерк и фото Б. Рябинина

Центральный совет Осоавиахима объявил всесоюзный смотр-конкурс на лучшее достижение в области хозяйственного применения почтовой голубесвязи. Конкурс продлится до 1 ноября. Лучшие ст-нции почтовых голубей будут премированы. (Из газет)

Из-за забора, с громким хлопанием крыльев, взметнулась стая голубей. Переходившая улицу старушка от неожиданности оступилась в лужу и рассерженно заворчала:

— Тьфу, нечистый дух! Испужали как, лешаки!

За голубями из ворот выскочила стайка мальчишек. Оживленно жестикулируя, задрав в небо вихрастые головы, они следили за полетом стаи. За ребятами вышел неторопливо мужчина. Голуби, покружив в вышине, так же внезапно, как и взлетели, опустились на крышу дома. Мальчишки ринулись к ним.

— Спокойнее, ребята, — остановили их мужчина. — Дайте им крылышки пообщипать, к месту привыкнуть.

Старуха сердито обернулась:

— И ты туда же? Глядеть — большой, а ума не нашил — с ребятами птицу гоняешь. Постыдился людей-то бы!

— Да что стыдиться-то, мамаша? Не больно зазорное дело. Для армии готовим!..

— Сказан-уул тоже, для армии, — обрвала его старуха. — Для армии, чай, солдаты требуются, ружья да пушки, а не божья тварь — птица. — И, сердито плюнув, зашагала дальше.

Мужчина засмеялся.

— Слышали, ребята? Говорит, не нужны наши голуби...

— Ну, дядя Степан, она старая, отстала от жизни, — загалдели ребяташки, — вот и каркает невпопад...

— Знаю, знаю, что вы у меня голубеводы на славу. Ну, пошли голубей снимать. Пора!

* * *

Командир корпуса нервно кусал кончики усов. Окружающие молчаливо ждали. „Что делать“ — сверлило у всех. И надо же случиться такой оказии: в то время, как здесь, на передовой линии боя, после жестокого артиллерийского обстрела, противник начал явно сдавать — пришло это грозное сообщение. Потеряна связь с 3-й дивизией. С той самой, что спешно была брошена в обход неприятеля. Противник сжимался в кольцо...

Война полна неожиданностей. Где-то в огромном действующем организме армии отказался служить один только винтик, и близкая победа сразу стала далекой и сомнительной. Потеря связи грозила свести насмарку весь замысел командования.

Что делать? Продолжать бой — а вдруг дивизия обнаружена и сейчас отбивается от десятикрато сильнеего неприятеля? Двинуться на подмогу — это значит ослабить центр и выпустить инициативу из рук. Да и легко сказать — двинуться на подмогу. А куда? Местонахождение дивизии неизвестно... Медлить нельзя. Малейшее промедление грозит катастрофой, гибелью тысяч людей, поражением...

Комкор встал. Командиры встрепенулись. Сейчас вылетит решающее слово... Но головы всех вдруг повернулись на стук копыт. К штабу подскочил ординарец. Соскочив на ходу, он бросил поводья, торопливо подбежал и отра-

портовал придушенным от быстрой езды и бега голосом:

— Товарищ комкор... Получено сообщение от дивизии... Голубеграмма... — Протянул руку. На раскрытой ладони лежал блестящий алюминиевый цилиндр с белеющим рулончиком бумаги на конце...

* * *

Сегодня, 12 августа, сад Свердловского облпрофсовета оживлен более обычного. Несмотря на ранний час, публики валом валит в раскрытые настежь ворота сада.

ВЫСТАВКА
СЛУЖЕБНЫХ СОБАК
И ПОЧТОВЫХ ГОЛУБЕЙ

крупными буквами со стены кричит афиша. У многочисленных голубиных клеток разгораются жаркие прения:

— Бельгийские хороши! Красавцы. Не иначе, они пройдут первыми!..

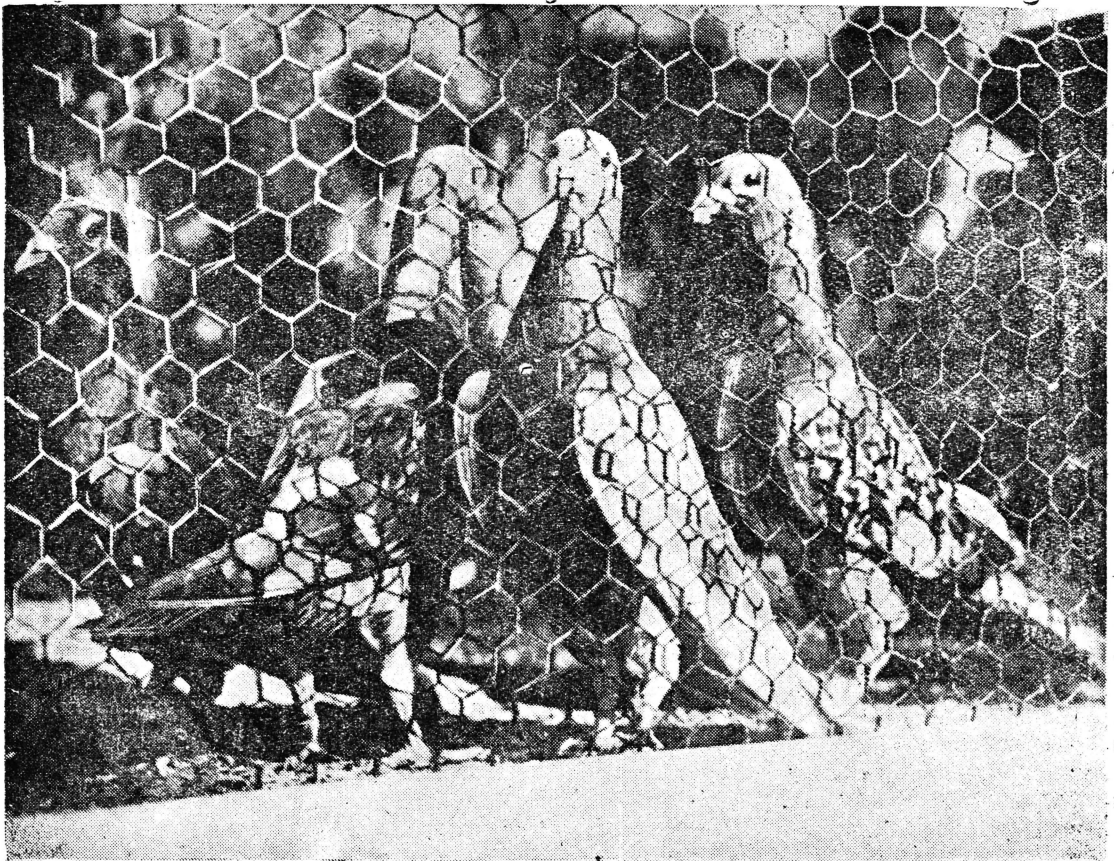
— Помяни мое слово, Орленок будет впереди.

Инструктор-голубевод прерывает споры. „Болельщики“ притихают и, вытягивая шеи, слушают его объяснения.

— Товарищи! К сожалению, среди широких масс трудящихся еще сильно мнение, что голубеводство — это пустая детская забава. Что голубь — лишь живая игрушка для развлечения в часы досуга. Как часто, товарищи, нам, голубеводам, приходится выслушивать иронические фразы. Видеть скептические смешки. А верно ли это, товарищи? Не верно.

Все мы знаем, что современная армия — чрезвычайно сложный и огромный механизм. Для достижения победы необходимо, чтобы все части этого механизма работали четко и планомерно. А для этого нужно непрерывное, непрекращающееся ни на минуту управление войсками.

Здесь-то мы и видим всю огромную важность работы связи. Связь должна быть непрерывной и прочной. Быстрой

Почтовые голуби. В центре — рекордсмен Свердловска — Орленок.

и надежной. Связь в бою должна обеспечить своевременную и точную передачу распоряжений от начальника к подчиненному. Доставить донесение от подчиненного к начальнику и обеспечить взаимную информацию о положении и обстановке боя на соседних участках фронта.

Средств связи много. Телефон, телеграф, радио, посыльный, сигнализация, собаки и, наконец, голуби. Конечно, основную роль занимают технические средства связи — телефон, телеграф, радио. Но есть такие положения, когда связь может быть осуществлена только голубями.

Например, передача донесения через голову противника, через горы, ущелья. Связь с отрезанными частями. Сообщение из тыла противника. Посылка донесения с самолета.

К этому надо добавить, что голубь летит чрезвычайно быстро — 100 километров в час. Бесшумно и мало заметен для человеческого глаза. Подстрелить его трудно и, наконец, — что очень ценно, — попав в отравленную зону, он не гибнет сразу, а на день-два еще сохраняет свою работоспособность.

Конечно, есть и недостатки голубиной связи. Нападение ястребов. Неблагоприятная погода. Невозможность маневрирования. Но достоинства ее столь очевидны, что сейчас голубиная почта широко привита во всех армиях мира.

Но не только в военном деле применим голубь. И на трудовом фронте он может играть большую и полезную роль.

Как крепко могут пригодиться голуби рыбакам, уходящим в море на глубинный лов и терпящим там бедствие. Предусмотрительно захваченный с берега голубь может спасти жизнь попавшим в беду ловцов, сообщив об аварии на берег.

А голубиная связь в сельском хозяйстве? Связь с удаленными хозяйственными предприятиями колхоза? На лесосплаве, торфо и лесоразработках? Везде, где хотите, голубь может получить ценное и нужное применение.

Пора, давно пора нам знать, что голубь это не забава, а скромный, незаметный, маленький труженик. Друг и товарищ человека.

Из толпы вытискивается несколько ребятшек.

— А как же, дяденька, они знают, куда им лететь? Вы им скажете и они поймут?

— Нет, — смеется инструктор. — Разговора моего они не поймут. Но они знают, как им найти свой дом. И для того, скажем, чтобы из Перми в Свердловск прислать голубеграмму, нужно из Свердловска в Пермь завести голубей, выращенных и натренированных в Свердловске. И тогда, выпущенные на свободу, они легко и быстро найдут дорогу в свою голубятню.

Поэтому и в армии каждое большое подразделение имеет голубестанцию, с которой голуби развозятся по более мелким подразделениям.

— А как же они письмо носят? В носу? — деловито осведомился мальчуган. — Инструктор опять смеется.

— Нет, не в „носу“. У каждого почтового голубя на ноге имеется кольцо. К нему прикрепляется алюминиевый футлярчик-портдепешник, в который и вкладывается донесение, написанное на тонкой бумаге, величиной с почтовую открытку.

— Начинаем экспертизу голубей! — объявляет председатель выставки.

Публика отхлынула к столу жюри. Экспертиза началась.

* * *

Почтовый голубь на первый взгляд сильно похож на обыкновенных городских голубей. Но если приглядеться внимательней, то будет обнаружена заметная разница. Форма головы, клюва, оперение у „почтаря“ значительно элегантнее. Вокруг глаз розоватое кольцо. Постановка корпуса более прямая, бодрая. Весь общий вид красивый, „подбористый“.

Но оценка голубя идет не только со стороны внешности. Огромное значение имеет его натренированность, рабочие качества. Служебный голубь должен быть сильным, выносливым и способным выдерживать большие перелеты.

До 1929 года у нас на Урале, да, пожалуй, и вообще в Союзе, голубеводство было чисто любительским. Занимались выводкой эффектных, „цветных“ пород, „круговых“, как говорят про них голубеводы, способных сделать лишь несколько красивых кругов над домом.

Но вот в 1929 году на Урал была брошена первая партия почтовых голу-

бей. Крылатые почтовики прилетели из Москвы на крыльях... самолета.

Через год из-за границы в СССР привезли 16 штук ценных производителей. Кроме своих высокопородных кровей, они обладали прекрасной натренированностью, способностью делать перелеты до 1000 километров. Обошлись они Стране советов до 500 золотых рублей за экземпляр. Один из шестнадцати попал на Урал. Это была знаменитая Гера, ставшая родоначальницей славных уральских „почтарей“, третий год держащих первенство на всех соревнованиях на территории Приволжского военного округа.

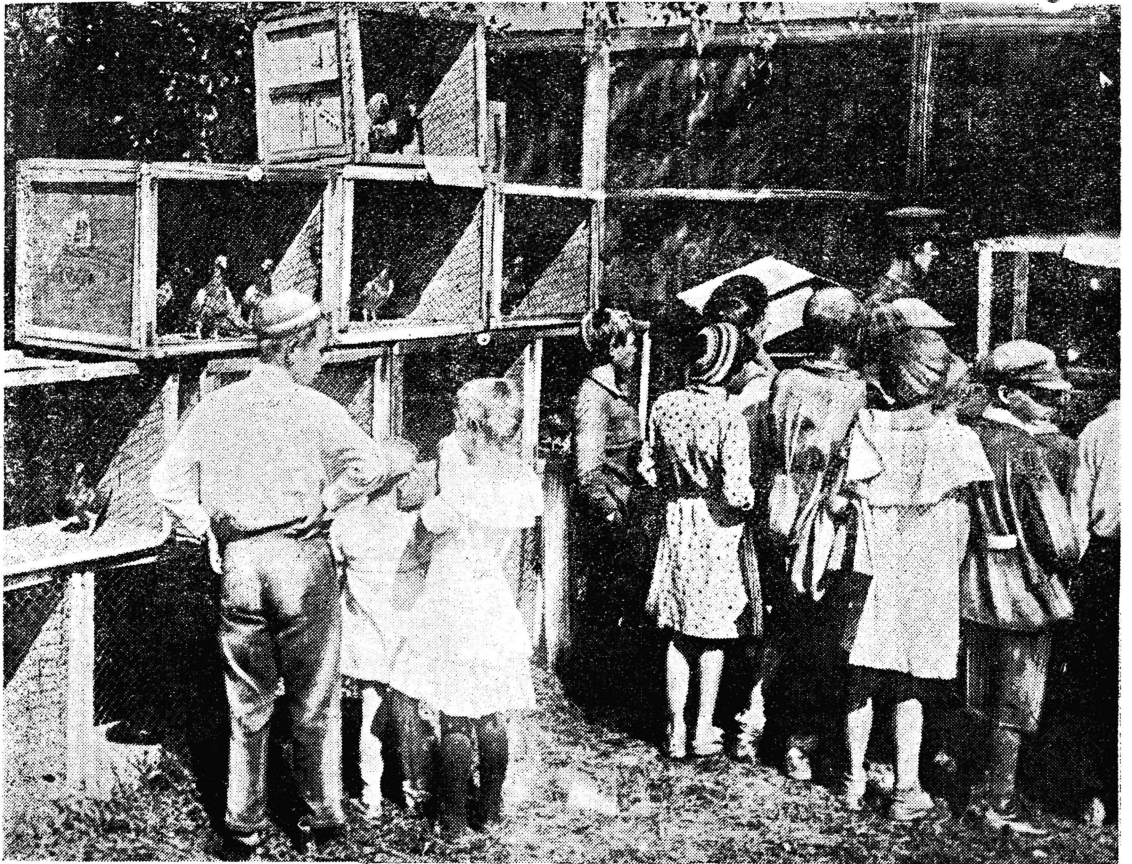
С того момента служебное голубеводство Урала и в частности Свердловска быстро пошло в гору. В 1929 г. в Свердловске было только 3 голубевода, а к 1935 г. их стало до полусотни, не считая питомников. А тренировочные перелеты голубей с 60—70 километров прыгнули в несколько раз. Голубь Маркова покрыл 260 километров от станции Поклевской до Свердловска. Но рекорд-

ную цифру дал потомок Геры — Орленок Комарова, покрывший 504 километра по маршруту Курган — Свердловск.

А какой энтузиазм проявляют голубеводы в подготовке своих питомцев! Некоторые из них, не удовлетворяясь общественной тренировкой, по собственной инициативе, за свой собственный карман устраивают и дальние тренировочные полеты своих кандидатов в чемпионы. Но одному не справиться с задачей. Нужен помощник для отсылки с голубями за много километров.

И вот на помощь приходят жены. Погружаются вместе с голубями в вагон и торжественно отбывают в Камышлов. Оттуда жена „стартует“. А муж в это время сидит на крыше, ожидая прилета, и в предвкушении удачного финиша азартно полемизирует с собравшимися друзьями (такими же отчаянными голубеводами) о достоинствах участников перелета, размахивая руками и рискуя свалиться с крыши.

Говорят, что некоторым таким голубиным энтузиастам приходилось втаски-

Юные друзья обороны на Свердловской выставке почтовых голубей осенью 1935 г.

вать пищу на крышу. Иначе голубевод мог дойти до истощения, сидя на крыше в ожидании задержавшихся в пути леунов.

Свердловцы имеют у себя потомственных фанатиков-голубеводов, как семидесятилетний Долганов. В ближайшее время он собирается отпраздновать пятидесятилетний юбилей своей голубеводной деятельности. С женой они живут душа в душу. Старушку утром чуть свет муж будит:

— Вставай, мать. Голубков пора готовить, да и в Камышлов езжать!

* * *

Но сколько неприятностей ждет крылатого вестника в пути: нападение ястребов, неожиданный ураган или ненастье, потеря ориентации (бывает и это). А главное — ястребы. Горные районы Урала кишат воздушными хищниками. Уничтожением их никто не занимается и беднякам „почтарям“ туго приходится от их молниеносных налетов. А ястребы смелы и нахальны. Бывали случаи, когда они нападали над самым питомником, не обращая внимания на шум и крики, поднятые людьми.

С центрального рынка стартовала однажды большая партия голубей. Народу собралось тьма. В торжественной обстановке, с произнесением речей, одели кольца и выпустили стаю в воздух. И вдруг, откуда ни возьмись, как гром с ясного неба, налетело несколько ястребов. Ястребиха с птенцами. Молодежь принялась кружиться на месте, а мать с места в карьер — потрошить голубей!

Снизу поднялся вой, свист, улюлюканье. Сотни людей, задрав кверху голову, кричали, стучали, махали руками. Но все было безрезультатно. Ястребиха с поражающим хладнокровием потрошила одного голубя за другим и передавала их своим птенцам. Когда все были одарены, она схватила последнюю жертву к себе в клюв, все семейство взмыло в вышину и скрылось в ясном небе, оставив кружиться на месте побоища лишь пух и перья...

Со станции Хрустальной выпустили голубя. Но налетел снежный ураган. Ветер страшной силы протащил беднягу мимо Свердловска и забросил в Верхотурье, за 180 километров. Там его поймали ребятишки и, увидев, что он с „коль-

чиком“, сообщили в свердловский Осоавиахим. И неудачник, испытав такое приключение, кое-как, наконец, попал в родную голубятню.

А иногда голуби и сами устраивают побеги. Так, один голубь, завезенный из Москвы в Асбест, уловил момент во время кормежки, выскользнул в дверь — и был таков! Но не рассчитал своих силенок. Отхватил 300 километров, а дальше выдохся. Там беглеца настигли и водворили обратно. Таких голубей очень трудно приучить к новому месту. Они способны целый год, а то и два помнить свой старый дом.

Подкарауливают голубя неприятности и дома, в родном гнезде. Однажды ночью в голубятне поднялся переполох. Забралась кошка и успела задушить трех голубей. Разъяренный голубевод сунул кошку, оказавшуюся своей, доморощенной, в мешок и утопил. А после этого учинил форменный погром во всем квартале — день и ночь охотился за кошками.

* * *

От старой, дореволюционной практики голубеводства осталось кое-какое небольшое, но довольно неприятное наследие. В первую голову — голубиные „промышленники“.

Есть в Свердловске такой „дядя Андрей“. Личность известная в мире голубеводов. Сядет на крышу и посиживает день-денской. А что делает? Чужих голубей подманивает. Подманил, поймал. Выдержал срок в темном месте и на птичьем рынке продал. Или совсем в другой город загнал. Глядишь, и себе нажива и конкурентов ослабление. Ну, его, конечно, знают хорошо. Как пропал голубь, так к „дяде Андрею“. Но не тут то было. Клянется, божится старик, что и „видом — не видал“ и „пропади он пропадом, голубь-то!“ А потом, смотришь, спустя и некоторое время, голубь в другом городе появился...

Такие „дяди Андрей“ плохими голубьями не интересуются, а подавай им товарец первый сорт.

А есть мастера другого рода. Этих отдельными кровными экземплярами не удивишь. Меньше чем за целую голубятню и не возьмутся. Ну, конечно, эта „работа“ чисто ночного порядка. Некий Королев прославился на этом „деле“. По 5—7 голубятен за ночь очисал, пока не попался с поличным.

Со всеми этими явлениями комитет служебного голубеводства ведет решительную борьбу. И результаты достигнуты уже не малые. Во всяком случае, комитет, входящий в состав Осоавиахима, приобрел подлинное лицо оборонно-общественной организации. Всякий интересующийся делом служебного голубеводства найдет в комитете радужный прием и интересное поле деятельности.

Сейчас комитет переходит на практическое применение своих питомцев. К осени в областное земельное управление передается 100 натренированных голубей для посылки их в машинно-тракторные станции по обслуживанию уборочной кампании в первую очередь и для дальнейшей постоянной работы в них.

Там, где нет телефона и телеграфа, не нужно будет отрывать столь необходимые в летнюю пору рабочие руки, чтобы послать на ближайшую станцию со сводкой о ходе работ или сообщением об аварии.

Крылатый почтарь сделает это быстро и дешево.

И можно быть уверенным, что голубиная почта в мирном быту привьется в первую очередь в сельском хозяйстве. Порукой этому то внимание со стороны населения, которым окружены всякие перелеты и занятия с голубями, проводимые в сельских местностях, и та работа, с которой колхозники доставляют в комитет погибших почему-либо голу-

бей, найденных на своих полях. Каждый из них уже прекрасно знает, что значит „кольчи́ко“ на ноге „гулубка“.

С этой целью, для еще большего внедрения и агитации голубеводства, комитетом устраиваются массовые выпуски голубей. Какое захватывающее зрелище, когда выпускается огромная стая в 300 — 400 голов! Покружившись на месте, она разбивается на группы, которые разлетаются в разных направлениях по своим голубятням.

Или выпуск голубей с самолета!— Всякий из нас видал во время празднеств, массовок, как тучи голубей взвивались в небо. Это маленькие легкокрылые труженики демонстрируют о своей готовности к мирному труду и оборонной работе.

А сколько их в первомайские и октябрьские дни несет из глубинных центров донесения о проделанной работе, победах и достижениях, рапортуя собой о еще одной незаметной, но хорошей победе.

В настоящее время заместитель председателя комитета голубеводства ленинградского Осоавиахима, командир т. Райнгер, работает над интересной проблемой. Он мечтает о том, чтобы разбросанные в суровой Арктике полярные зимовки и совершающие рейсы ледоколы связать между собой „голубиной почтой“.

В ближайшее время на одну из зимовок в Северном Ледовитом океане будет доставлена для опытов партия почтовых голубей.

К. Варсонофьевым богатырям

Очерк Ю. Аргентовского

В начале 1932 года, среди безграничных лесных просторов, там, где бесчисленные ручьи и речки извиваются в своих крутых скалистых берегах, в крае, где народы Уральского Севера живут отдельными семьями на расстоянии нескольких десятков километров друг от друга, на небольшой речке Манье, притоке Северной Сосьвы, можно было видеть необычную картину для этих мест.

На левом берегу этой речки раскинулся лагерь из восьми палаток.

Люди только что проснулись, хорошо отдохнув от трудного перехода предыдущего дня. Одни из них спешили к реке, забирались на большие камни и старательно чистили зубы и умывались; другие хлопотали около костров, дым которых прямыми столбами поднимался вверх. Со всех сторон слышался металлический звон ботал, надетых на лошадей.

Начинался рабочий день экспедиции.

Читатель знает, что в настоящее время в нашем Союзе работают тысячи экспедиций, разведочных партий, открывающих все новые и новые богатства для великого строительства социализма.

Экспедиция, лагерь которой мы только что видели, была организована Уральским георазведочным управлением для того, чтобы произвести геологическую съемку на площади около 4000 квадратных километров и проверить золотоносность речек в верхней части Северососьвинского бассейна.

В этой экспедиции был целый ряд отрядов и партий. Начальником одной из геологических партий был автор этих строк.

Район исследований экспедиции охватывал вершины Северной Сосьвы и ее левых притоков, ограничиваясь на западе водораздельной линией главного хребта, по другую сторону от которого находятся верховья р. Печоры.

Хотя Печора была за пределами нашего района, нас интересовало ее верховье,

так как здесь, по указаниям охотников, когда-то существовали богатые золотые прииски, а кроме того, на левом берегу Печоры, на хребте Мань-Пубы-Нёр, согласно описанию проф. В. А. Варсонофьевой, находятся замечательные „останцы“.

О специальной экскурсии сюда особенно мечтали фотографы-любители нашего отряда, а в том числе и я.

Лагерь на р. Манье был исходным пунктом, из которого должны были разойтись по своим участкам все отряды. В сборах прошел незаметно день. К вечеру все было готово. Распределили по отрядам и упаковали тюки спродовольствием, уложили в выючные мешки всю кухонную утварь и хозяйственное снаряжение, включая подковы и подковные гвозди, проверили инструменты, необходимые для полевой работы, горные компасы, анероиды, геологические молотки и пр.

Пора было на отдых, чтобы на следующий день с раннего утра двинуться в путь. Ночь наступала, но было так светло, что мы имели возможность свободно читать самый мелкий шрифт. Ведь мы находились на 62-й параллели!

В моем геологическом отряде, кроме меня, было шесть человек: два коллектора — студенты Свердловского горного института, трое рабочих и проводник — манси Семен Ефимович Цембенталов, очень любивший, когда его величали по имени и отчеству.

Манси чаще всего среднего роста, мужчины имеют слабо развитую растительность на лице. Они носят косы и от комаров надевают обыкновенно платок. В таком виде их легко принять за женщину, и я помню, когда впервые встретил манси, спросил его „а где твой муж?“

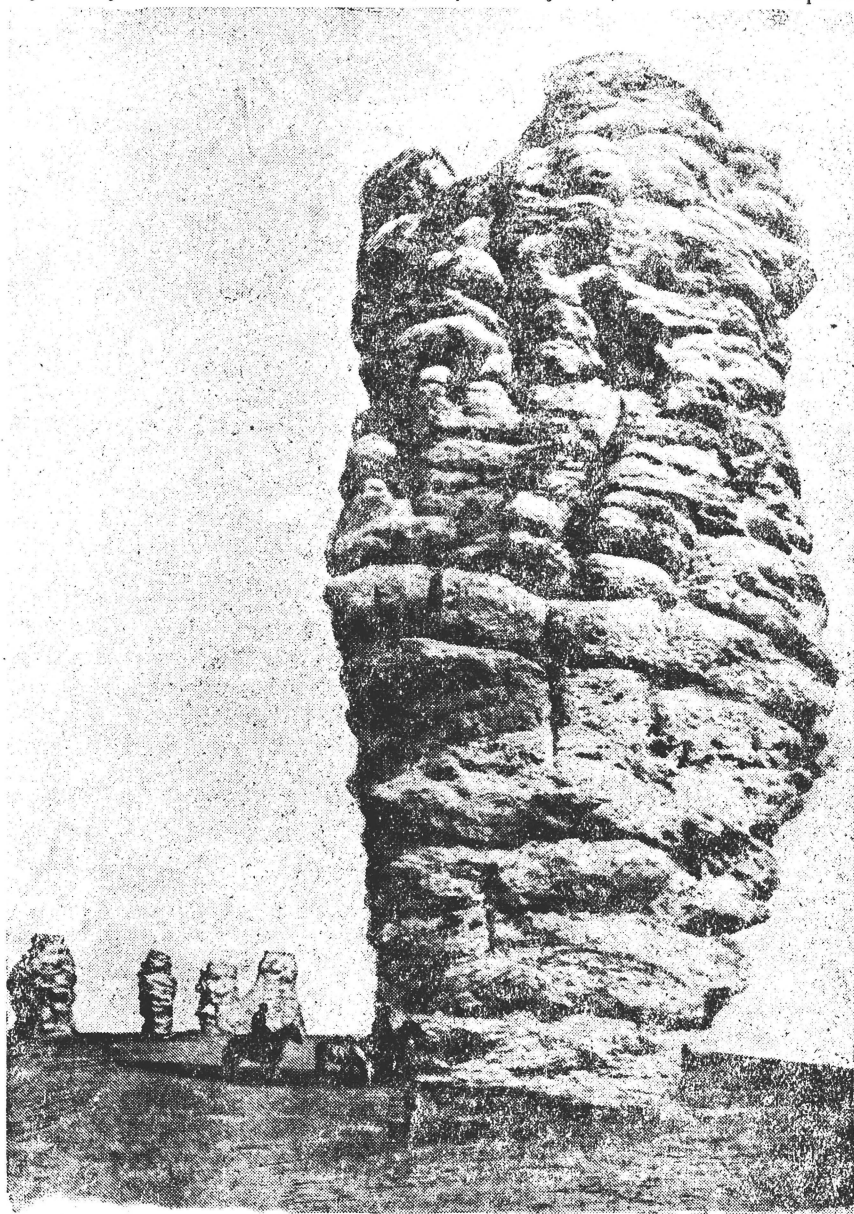
Но Семен Цембенталов выделялся среди своих соплеменников. Он был высокого роста и подстрижен в скобку. Последнее, конечно, результат того

культурного сдвига, который совершается у этого народа под влиянием работы советской власти.

После выхода из лагеря, на реке Маньей мой отряд, разделившись на две части, двинулся двумя путями. Одна его часть,

„гарники“, заваленные цепкими скелетами деревьев.

Наше движение было медленным, так как приходилось осматривать внимательно встречающиеся обнажения, делать зарисовку их, отбивать образцы горных

Скалы „Богатыри“ на хребте Мань-Пубы-Нер в верховьях Печоры.

с коллектором во главе, шла по тропе к водоразделу между р. Маньей и р. Лягой, относящейся уже к бассейну Печоры. Другая под моим руководством двигалась к тому же пункту, держа направление прямо на запад, по границе участка, установленной мною и начальником соседнего отряда. Мы шли вдоль речек, пересекали болота, продирались через

пород и заносить в свой дневник весь ход маршрута.

Со мной были только коллекторы и проводник Семен. Последний удивительно искусно лавировал в этих трущобах и точно вел нас на запад, как по компасу.

Было пасмурно. Побрызгивал дождь. Мы начали подниматься в гору. Семен

сказал, что это гора Йоут-Хури¹, получившая свое название за сходство в своих очертаниях с вогульским луком. Судя по карте, эта вершина достигает 1000 метров абсолютной высоты.

Приблизительно на высоте 600 метров лес становится более низкорослым, карлосеистым. Начали появляться осыпи, еще выше начались альпийские луга с зарослями кустарников.

На одной из полян я обратил внимание, что главная масса травы очень походит на лук. Быстро сорвав один кустик, я убедился, что не ошибся. Еще не перерослые, нежные стебли его были приятны на вкус. Мы решили нарвать его побольше, чтобы угостить наших товарищей, которые должны были сегодня ожидать нашего прихода в верховьях реки Маньи.

Подъем становился все круче, древесная растительность совсем исчезла, и мы подошли, наконец, к сплошным осыпям. Вся вершина горы оказалась в облаках тумана. Ожидать, когда он исчезнет, мы не могли, так как к вечеру должны были прийти на условленное место, да и провизия наша была на исходе. Волей-неволей надо было идти дальше.

Карабкаясь среди огромных глыб, мы добрались до облаков, и густая волна тумана захлестнула нас, позволяя различать окружающее только на расстоянии 5—6 шагов. Часто останавливаясь для отдыха, не выпуская из рук компаса, мы медленно лезли все выше и выше. Но вот мы почувствовали, что подъем окончился и мы двигаемся по горизонтальной россыпи на вершине горы. Проходим шагов шестьдесят и начинаем спуск еще более неудобный в тумане, чем только что сделанный подъем.

— Люль, люль, сакалюль!² — повторяет Семен. И, действительно, один неосторожный шаг — поскользнулась нога, и можно покатиться вниз, сломать руку или ногу, а это ведь верная гибель.

Но вот пронесся ветерок, туман заколыхался, и мы начали различать внизу очертания лесов и полян. Окутавшая нас молочная пелена разрывается, и перед нами, как в кино, неожиданно раскрывается освещенная солнцем панорама гор.

Глаза разбегаются от массы впечатлений. Не знаешь, на что смотреть.

Вдруг я слышу крик нашего коллектора:

— Товарищи, смотрите на юго-запад! Там люди!

Действительно, вдали, на расстоянии 20—25 километров, на одном из хребтов мы увидели неподвижно остановившихся семерых человек... Но каковы же это должны были быть люди, которые за 20 километров казались нам такого же роста, как мы видим человека за четверть километра!

Я, конечно, сразу догадался, что это замечательные геологические образования хребта Мань-Пубы-Нёр.

Семен уверял, что это были когда-то настоящие люди.

— Это саранские¹ богатыри, — объяснил он нам. — Они шли к нам, манси, чтобы покорить нас. А вот там, смотрите! — показал он на юго-восток, на выдвигающийся вдали отдельно стоящий горный массив. — Это Ялпинг-Нёр — священная гора, на которой жил очень большой человек. Он увидел саранских богатырей и сказал им, чтобы они не ходили дальше. Те не послушались. Тогда богатырь Ялпинг-Нёр бросил свой барабан, и саранские богатыри, как шли, так и окаменели. А барабан этот и сейчас лежит, вон он, — и Семен показал на огромную гору Колп², несколько южнее хребта Мань-Пубы-Нёр.

Зыряне называют этот хребет Болвано-Из'ом, т. е. камнем идиолов. У русских же, живущих на р. Печоре, скалы известны под названием „Богатыри“.

Между прочим, как я узнал потом, у зырян существует еще своя легенда, по которой в скалы превратились семь разбойников.

Вдоволь налюбовавшись на цепи гор, уходящих к югу и северу, мы снова продолжали свой спуск. Приходилось спешить, так как впереди был еще один подъем на хребет Мань-Квот-Нёр.

Погода во вторую половину дня становилась все лучше и лучше, и когда мы поднялись на вершину, Йоут-Хури освободился от своей облачной шапки, и мы могли созерцать всю красоту его профиля.

Наверху хребет Мань-Квот-Нёр имеет совсем другой характер, резко отличающийся его от Йоут-Хури. Здесь лежат оленьи пастбища с роскошной травяной растительностью, усыпанной массой цве-

¹ Йоут-хури — лук для стрельбы.

² Плохо, плохо, очень плохо.

¹ Саранский — зырянский.

² Колп — барабан.

тов, среди которых особенно выделялись в этот момент яркоголубые альпийские незабудки. Еще одно поразило нас на этих лугах. Мы наткнулись на такую же проселочную дорогу, какая у нас образуется от езды на телеге.

Мы недоумевали. Наконец Семен пояснил нам, что это „олень нарты ездит“. Оказалось, что манси для езды, для перевозки груза и летом и зимой пользуются особо устроенными санями-нартами, при чем, как я сам потом убедился, шестерка оленей летом может мчать такие нарты по лугам со скоростью 15 километров в час. Полозья нарт, в конце концов, дают тот след, который нас так поразил.

Окончив свои геологические наблюдения, мы начали спускаться, следуя направлению мансийской нартовой дороги. Наши трофеи — образцы горных пород, связки дикого лука и целые снопы цветов — основательно давили плечи.

Солнце уже садилось, когда мы вошли в лес. По нашим расчетам мансийская дорога должна была нас вывести к условленному месту, и мы не ошиблись: около десяти часов вечера мы услышали одинокий выстрел и почуяли запах дыма от костра, приносимый южным ветерком. Все это говорило нам, что мы идем правильно. Вскоре стали доноситься звуки ботал и человеческие голоса.

Шумная встреча, торопливые рассказы о событиях, о наблюдениях, о впечатлениях, полученных двумя группами отряда за эти дни, затянулись далеко за полночь.

* * *

Через несколько дней я со своим отрядом был в верховьях Печоры. До „Богатырей“, виденных нами от Йоут-Хури, насчитывалось не больше 8 километров. Погода стояла великолепная. Оседлав лошадей, мы спустились по лесистой долине до первого удобного брода. Печора имеет здесь, в своих верховьях, не более 10 метров ширины.

Легко переправившись через ее каменистое русло, мы сразу же начали подниматься на Мань-Пубы-Нёр.

Верховье Печоры в этом месте имеет значительную высоту, поэтому при нашем подъеме лес сравнительно быстро сменился кустарниками, и мы въехали на альпийские луга с „проселочной“ дорогой, проложенной нартами.

Вдыхая аромат цветущих трав, мы

рысью мчались по пестро цветущему ковру альпийского луга, то справа, то слева огибая скалистые выступы, напоминающие издали развалины средневековых замков. Но вот, объехав одно из куполообразных возвышений, мы оказались в седловине, и перед нами в расстоянии нескольких сот метров, на совершенно гладкой поверхности небольшого западного отрога, во всей своей величественности открылась панорама причудливых скал, так сильно действовавших своей загадочностью на воображение обитающего здесь человека.

Мы долго стояли и любовались красотой ландшафта.

Вытянувшись в одну линию с запада на восток, эти скалы напоминают нисходящую цепь стрелков. Впереди идет самый сильный, самый высокий и самый красивый великан.

Мы подъехали к нему.

Более тонкий при основании, он постепенно утолщается и на высоте примерно 10 метров ограничивается отвесными стенами, поднимающимися до более или менее плоской вершины.

Горная порода, слагающая эти скалы, — слюдястый кварцит, из которого состоит весь хребет и некоторые другие хребты осевой части Урала, согласно наблюдениям проф. В. А. Варсонофьевой, изучавшей этот край¹.

Кварциты относятся к метаморфическим породам, т. е. к породам, образовавшимся за счет изменения каких-то других первичных пород, изменившихся под влиянием тех чудовищных давлений и высоких температур, которые господствовали здесь во время горообразовательных процессов.

Многочисленные трещины рассекают кварциты. Подмечено, что среди этих трещин особенно отчетливо выступают две системы, одна почти широтного, другая почти меридионального направления.

— Как вы думаете, товарищи, сколько метров высоты имеет этот „богатырь“? — спросил я своих коллекторов.

Они были в затруднении. Наконец один назвал высоту — 40 метров.

— А как это проверить? Кто из вас знает способы определения высоты предметов, недоступных для непосредственного измерения? — снова задал я вопрос.

¹ Проф. Варсонофьева В. А. — „Геологический очерк бассейна Ялыча“. 1929 г. „Труды института по изучению Севера“, вып. 42.

Студенты стали говорить об угломерных инструментах: о кипрегеле, о теодолите, об эклиметре и о способах работы с ними.

— Но ведь ничего этого у нас нет и мы не имеем возможности все это возить с собой, — возразил я и пояснил, что для приблизительного определения высоты в таких случаях могут служить имеющиеся всегда у геолога рулетка и торный компас.

Разговаривая таким образом, мы слезли с лошадей, отпустили их на траву и подошли к основанию „богатыря“.

— Вы, конечно, помните из геометрии, — сказал я, — что в прямоугольном треугольнике углы, образованные катетами и гипотенузой, в сумме равняются 90° и что если катеты равны, то и лежащие против них углы будут тоже равны, так как будут равняться каждый 45° . Если мы построим теперь такой треугольник, гипотенуза которого пойдет от вершины скалы, а катетами будут служить сама скала и направление, взятое по горизонтали поверхности почвы, у которого острые углы будут равны 45° , мы, благодаря равенству катетов, определим высоту скалы, вовсе не влезая на нее.

Отвинтив ножку от фотографического штатива для того, чтобы, прицеливаясь ею, построить при помощи клинометра горного компаса угол в 45° , мы выбрали с одной стороны от скалы горизонтальную поверхность и произвели определение высоты, потребовавшее всего несколько минут. В результате получилась величина в 32 метра.

— Вот, чорт возьми, — сказал один из коллекторов, — мы, кажется, измерили эти скалы вдоль и поперек, мы знаем из геологии, что их образование зависит от процессов выветривания, но как шло это выветривание, почему не на всех здешних горах мы имеем таких „богатырей“, этого я никак не уясню себе!

Тогда я попросил минуту внимания и кратко изложил взгляды геологов, объясняющие формирование скал, подобных „богатырям“.

— Такие скалы, — начал я, — свойственны чаще всего районам, сложенным кварцитами, и образуются только в тех случаях, когда пласты залегают горизонтально или обладают незначительным углом падения. В других случаях кварциты дают просто груды обломков, часто имеющие вид более или менее

правильных конусов. Вы уже знаете из геологии, что основным процессом, начинающим разрушение пород, является выветривание. Не думайте, товарищи, что эта сила принадлежит ветру. Деятельность ветра рассматривается как самостоятельный процесс и носит другое название — „развевание“. Под выветриванием и ем разумеют разрушение горных пород, зависящее от резких колебаний температуры воздуха, от неодинакового расширения различных составных частей горной породы при ее нагревании или охлаждении, от расширения воды при переходе ее в лед в трещинах скал, от химического воздействия воды, кислорода воздуха, углекислого газа и других природных воздействий, наконец от воздействия всего органического мира, производящего большую разрушительную работу как в результате своей жизнедеятельности, так и после своей смерти при помощи продуктов своего разложения.

Таким образом различают три главных вида выветривания: физическое, химическое и органическое. В полярных областях, на высоких горах и в пустынях преобладает физическое выветривание, которое называют температурным, если оно зависит от резкого контраста дневной и ночной температуры, не спускающейся ниже 0° , морозным, если вызывает повторяющимся замерзанием и оттаиванием воды в различных трещинах горной породы.

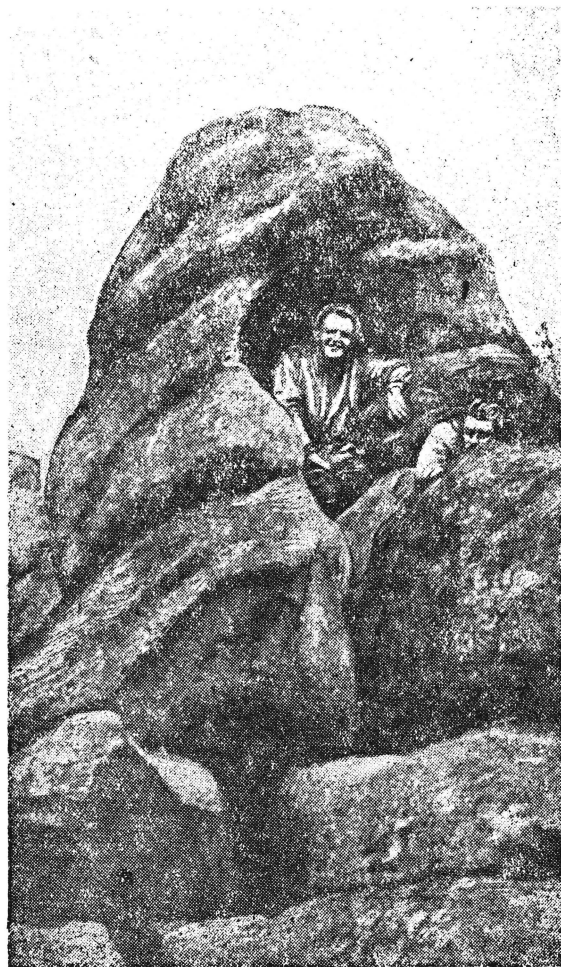
В условиях Северного Урала на вершинах гор, конечно, главное значение имеет последний его вид. Весной и осенью здесь ночная температура опускается всегда ниже нуля, а днем подымается значительно выше. Лед, образующийся при этом в трещинах за счет воды, которая всегда присутствует в породе, с каждым разом расширяет их больше и больше. В результате на поверхности скалы обозначаются отдельные глыбы, которые кажутся нам искусственно уложенными друг на друга. Там, где скала легче поддается разрушению, трещины превращаются в расщелины. Наконец, процесс выветривания, расширяя расщелины, разделяет каменную вершину на отдельные скалы — „останцы“, являющиеся свидетелями того, что когда-то был сплошной массив горной породы, что когда-то вершина горы была значительно выше теперешнего ее уровня.

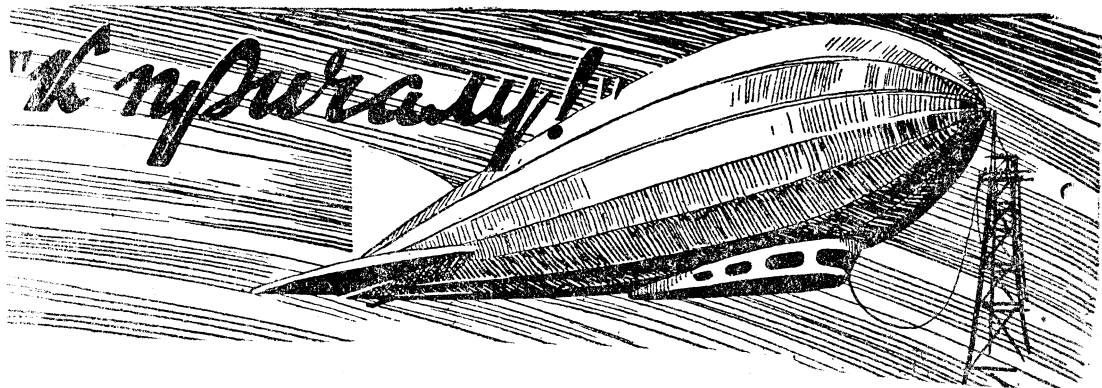
Конечно, само собой становится понятным, что при горизонтальном залегании пластов отделяющиеся глыбы легко могут оставаться на месте, а при наклонном будут сползать вниз. Также понятно, что почти широтные и почти меридиальные трещины кварцитов, постепенно расширяясь, разбивают массы породы на широтные или меридиональные каменные стены, которые постепенно распадаются на ряды более или менее далеко отстоящих друг от друга скал.

Объяснение на этом было закончено. Отдохнув и плотно закусив, вполне удовлетворенные своей экскурсией, мы не спеша отправились в обратный путь.

На следующий день мы должны были перенести свой лагерь на восточный склон водораздельного хребта, в вершину речки Луоульм, впадающей в Северную Сосьву.

12/IX 1935 г.

Очерк Мих. Зуева-Ордынца

I

Вечер был тихий и теплый. Закатное солнце, красное, плоское, огромное, садилось, казалось, совсем рядом, за крайними домами Сталино. Над солнцем плыли облака, розовые, легкие, пушистые. Тени стали черными и длинными. Тень от дирижабля, черная, как сажа, легла на весь аэродром, ушла за его границы и прилипла к ближним домам города.

Прихода шквала никто не заметил. Первый его порыв был слаб и короток. У милиционера, что-то записывавшего, выскочил из блок-нота листик бумажки и улетел под гондолу дирижабля. Вторым порывом вырвало у кого-то из рук газету. Она понеслась по аэродрому, трепеща белыми крыльями, как большая испуганная птица.

А затем шквал, могучий и яростный, обрушился на воздушный корабль. Он ударил его в левый борт. Дирижабль рванул веревочные стропы, прикреплявшие его к земле. Раздался зловещий треск. Красноармейцы стартовой команды бросились к гайдропу и повисли на нем, пытаясь удержать корабль на земле. Гайдроп и якорные стропы натянулись струнами. Дирижабль мелко вздрагивал под непрерывными ударами шквала. Казалось, он дрожит от нетерпения, как горячий конь, взбешенный на людей, удерживающих его.

И вдруг эта нетерпеливая дрожь прекратилась. Дирижабль плавно рванулся вверх. Это дикий, бешеный удар шквала обрушился на корму дирижабля. В реве и свисте бури никто не услышал, как рвались, словно нитки, толстые веревочные стропы. Лишь после, когда оторвавшийся корабль взмыл над голо-

вой перепуганных, растерявшихся людей, увидели, как курчавятся концы разорванных канатов. На концах немногих выдержавших строп болтались штопора, выданные из земли. Тогда люди поняли — катастрофа неминуема, дирижабль сорван штормом с причалов.

Корабль, гонимый штормом, мчался низко над аэродромом. Беспомощно болтались обрывки строп. На конце одного из оторвавшихся строп висели два человека. Это были — начальник славянского аэроклуба тов. Закржевский и милиционер стартовой команды. Дирижабль шел на высоте десяти метров, но каждую секунду мог прыгнуть под облака. Они закрыли глаза и разжали пальцы.

К двум телам, неподвижно лежавшим на земле, бежали толпою люди.

В этот миг шторм, израсходовав свою ярость, стих так же неожиданно, как и начался.

II

Шторм продолжался всего лишь семь минут. Снова голубело кротко небо и мирно поблещивали тихие закатные лучи. Сном казались рев и вой бури и тяжкие удары ветра, сбивавшие людей с ног.

Но дирижабельная стоянка, изрытая вырванными штопорами, обезображенная обрывками строп, была пуста. Дирижабль унесло штормом на северо-восток. Там клубились обрывки туч, остатки умчавшегося шторма. Дирижабль исчез. Разбит ли он штормом и лежит грудой обломков на земле, или, увлекаемый бурей, все еще мчится между темным небом и черной землей — никто этого не знал.

Город не спал всю ночь. Город жил тревожной, напряженной жизнью. По-

исками исчезнувшего дирижабля руководили секретари Донецкого обкома и Сталинского горкома партии. Радиостанция рассылала приказы во все концы Донецкой области: „Установить наблюдение за небом“. Десятки автомашин мчались в разных направлениях, отыскивая оторвавшийся дирижабль. С аэродрома каждую минуту взлетали сигнальные ракеты, которые должны были помочь ориентироваться в вынужденном ночном полете экипажу корабля.

— Стоп! А кто из экипажа остался на дирижабле? — спросил вдруг кто-то из работников аэродрома. — Хватит ли там команды, чтобы управиться с кораблем в полете?

— Должно хватить! В момент отрыва корабля от земли в гондоле находились: старпом Вирзун, штурман комсомола Эйхенвальд, учлет Самойлов и бортмеханик Моляревский.

— А где был Гудованцев, командир дирижабля?

— Остальные пять человек команды были на земле. Среди них и командир.

— Но где же теперь Гудованцев? Где командир воздушного корабля?

Бросились искать. И не нашли.

Командир Гудованцев таинственно исчез. Когда, при каких обстоятельствах — неизвестно.

III

Тонкая стропа ожгла ладони, сорвав с них кожу. Но он крепче стиснул пальцы и тогда почувствовал, как мощная сила плавно взмыла его кверху. Где-то внизу мелькнули испуганные лица людей. Но они не разглядели командира, повисшего на болтающейся стропе под гондолой корабля.

В тот короткий миг, когда корабль, порвав стропы, прыгнул вверх, Гудованцев решил: он, как командир, должен быть любой ценою на борту своего корабля. Над головой его пронеслась извивающаяся стропа. Гудованцев распрямившейся пружиной взвился в воздух. Ладони коснулись стропы и сжали ее.

— Есть! — мысленно ликуя, крикнул он.

Земля подним вдруг вздыбилась, а затем покатилась, кружась, куда-то вниз. Он понял — дирижабль, не имея управления, закружился над аэродромом, как щепка в волнах. Стропа делала огромные размахи. Живым маятником на конце

ее раскачивался отважный командир. Ветер свистел в ушах. А гондола чернела высоко-высоко над головой. Хватит ли силы в слабеющих руках дотянуться до спасительной гондолы?

Мимо пронеслось что-то черное, бесформенное. Гудованцев понял — это надземные сооружения аэродрома. Подумал: — „Если ударюсь о них, расшибет в лепешку!..“

Но в этот миг корабль пошел круто, „свечую“ вверх. И Гудованцев тоже потянулся по стропе вверх, к гондоле. Дирижабль несся теперь под медленно ползущей стаей грязно-лохматых туч. Ниже плыли облака, легкие и прозрачные, таявшие от ударов шторма. Земли не было видно, и командир с трудом мог вообразить, что он висит на страшной высоте.

Дирижабль швыряло в стороны, моментами стремительно гнало книзу. Он кренился то на левый, то на правый борт и вдруг, словно обессилев от борьбы со штормом, проваливался, падая в дикую кипень облаков. Стропа рвалась из рук, онемевшие пальцы едва удерживали ее. Но вот голова ударилась о что-то твердое. Это был борт гондолы...

Под утро в Сталино было передано известие, что дирижабль обнаружен около станции Харцыск. Он шел в то время уже силою своих моторов и послушно повиновался управлению. Сигнальными ракетами дирижаблю был указан обратный путь на аэродром.

IV

Товарищ Ассберг аккуратно складывает прочитанную газету и говорит:

— Замечательный эпизод! В истории воздухоплавания не было еще случаев срыва дирижабля штормом с якорной стоянки. Команда нашего „СССР В-2“ вела себя выше всякой похвалы. Гудованцев — герой! Он спас корабль! Но мы, воздухоплататели, должны добиться, чтобы подобные случаи не повторялись! Как? Мы должны по последнему слову техники, надежно оборудовать места стоянок наших воздушных кораблей. Вот с нашей свердловской мачты и якорной стоянки никакой шторм не сорвет дирижабль!

За спиной т. Ассберга, на стене, я вижу большой чертеж. На синей кальке белой тушью вычерчена красивая строительная конструкция четырехгранной формы.

Я узнаю знакомые очертания! Узнаю взлет ввысь, к небу стальных ферм, узнаю четыре мощных лапы, укрепленных на бетонных фундаментах, и причальный конус, вознесшийся на высоту 40 метров над землей. Это первая в Союзе и высочайшая в Европе причальная дирижабельная мачта, выстроенная в 15 километрах от Свердловска, в Южной долине, за селом Нижнеисетским.

Я обвожу глазами стены комнаты. Недалеко от чертежа распласталась по стене огромная карта СССР, на которой проложена воздушная трасса от Москвы до Якутска, рядом — чертежи дирижаблей различных конструкций и, наконец, многочисленные фото. Я подхожу к ним. Фотографии бережно и любовно прищиплены к стене в виде перекрещенных серпа и молота. На фото — сурово-казарменные улицы Берлина и классические ансамбли Ленинграда, снятые с воздуха, полярные пейзажи, „Цеппелин“ в полете, он же у причальной мачты в Ленинграде, он же над полярными льдами, ледокол „Малыгин“ и снизившийся на воду „Цеппелин“ рядом в одной из бухт Земли Франца Иосифа. Эти фото — воспоминание о первом полярном рейсе „Цеппелина“ LZ-127, в котором участвовал тов. Ассберг в качестве инженера-воздухоплователя.

В воздухоплавании тов. Ассберг работает с 1915 года. Воздушную свою службу он начал с рядового в старой армии. Но творческая его работа началась только при советской власти. Это он собрал первые советские дирижаблы — „Московский химик-резинщик“ и „Комсомольскую правду“. Это он обучил на „Комсомольской правде“ все существующие сейчас кадры командиров-воздухоплователей. Герой-командир Гудованцев так же ученик тов. Ассберга.

В 1930 году тов. Ассберг отправляется по поручению ЦК Осоавиахима в Германию, в Фридрихсгафен, для изучения дирижаблестроения, главным образом наземных сооружений.

В 1931 году участвует в арктическом полете „Цеппелина“.

Перед этим полетом тов. Ассберг руководил строительством двух причальных мачт для „Цеппелина“ в Москве и Ленинграде. Обе эти мачты были маленькие, всего лишь двухметровые, причал дирижабля к ним производился не с носа, а за кабину. Эти мачты-лилипуты кажутся детскими игрушками по

сравнению с тем сорокаметровым гигантом, который воздвигнут сейчас у нас на Урале. И, наконец, в 1934 году тов. Ассберг отправляется на пароходе „Сталинград“ с дирижаблем „СССР В-6“ для спасения челюскинцев. Как известно, для спасения лагеря Шмидта, дирижабля уже не понадобилось.

Таков инженер Ассберг, начальник строительства первой в Союзе дирижабельной швартовой точки. Про Федора Федоровича смело можно сказать, что добрая половина его жизни „брошена в воздух“.

— Я не буду останавливаться на подробностях устройства нашей причальной мачты, на способах швартования к ней дирижаблей¹, — продолжает он начатый разговор. — Эта тема потребует не мало времени! Скажу лишь одно. Причальная мачта, подобная нашей, есть наиболее простой, совершенный и дешевый способ швартования дирижаблей для временной стоянки. С нашей мачтой я берусь, при команде всего лишь в два-три десятка человек, принять и обслужить огромный воздушный корабль. В этом и заключается превосходство причальных мачт перед громоздкими и дорого стоящими эллингами. А в наших условиях, при безлюдности некоторых окраин, причальные мачты буквально незаменимы...

V

Мы спускаемся с небольшого холма, пересекаем шоссе. Теперь мы в центре Южной долины. Она похожа на огромную и неглубокую чашу. Стенки чаши — горы, обступившие долину. Сейчас мы на дне этой чаши. Здесь — центр строительства.

Огромная мачта, как сбитый с ног великан, лежит на земле. Она густо оплетена лесами и шлангами пневматики. По лесам бегают, копошатся маленькие людишки. И мне невольно вспоминается заснувший, опутанный веревками Гулливер, на груди которого копошатся дерзкие лилипуты.

Мы стоим под лапами лежащей мачты. Две мощных стальных лапы ее лежат на земле и две торчат в возду-

¹ Подробное описание мачты, ее механизмов, способа швартования дирижабля и пр., даны в очерке тов. Ассберга „Уральская быль завтрашнего дня“, см. „Уральский следопыт“ № 1 за текущий год.

хе, высоко-высоко над нашей головой. А что же будет, когда стальной великан встанет на все четыре свои ноги и поднимет высоко над Южной долиной свою стальную голову?

— Наша мачта будет самой высокой в Европе, — говорит тов. Ассберг. — Из наиболее интересных европейских мачт назову — английская мачта в Пульгеме — 36 метров, в Италии — 35 метров, в Германии, в Штаакене — 16 метров. Высота нашей мачты — 40 метров.

Тов. Ассберг поднимает голову и кричит вверх, на леса, опоясавшие мачту:

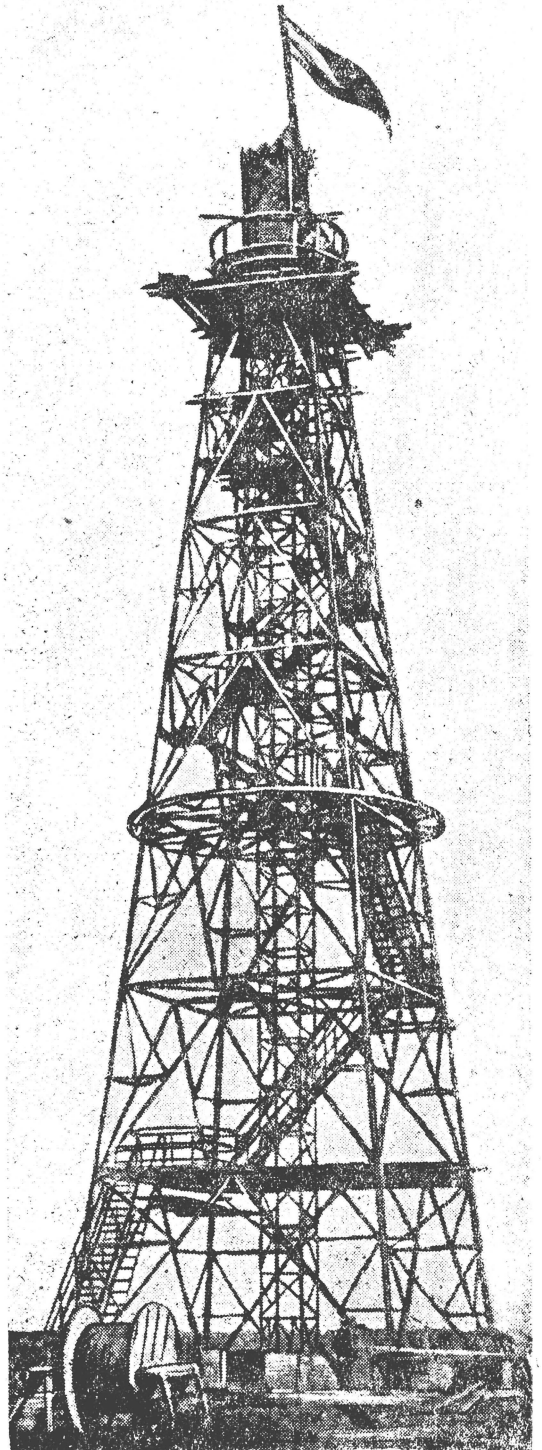
— Потапыч, как дела? Как норма клепки?

— Хорошо! — доносится голос откуда-то сверху. — Подожди, Федер, сейчас все расскажу!

По лесам цепко и увертливо спускается невысокий, коренастый человек. Это тов. Пастухов, или просто Потапыч, как ласково кличут его на строительстве, заместитель тов. Ассберга. У Потапыча румяное жизнерадостное лицо, непокорные смолевые кудри и окающий, раскатистый сибирский говорок. А биография Потапыча увлекательнее любого джек-лондонского романа. И в то же время она типична для нашего молодого поколения. Это типичная „история молодого советского человека“.

...Родился в Сибири, в глухом таежном селе. Учился две зимы, бегая в школу тайком от родителей. Потом — самостоятельная жизнь, бесконечные скитания и тяжелый труд. Батрачил у кулаков, плотничал, портняжил, кузнечил, охотничал в Саянских горах и „ковбойствовал“, гоняя купеческие табуны, в монгольских степях. Грянула революция. Началась гражданская война. Восемнадцатилетний Потапыч дерется с колаковцами в партизанских таежных отрядах. За настоящую учебу принял только в Красной армии. Закончил учебу на факультете дирижаблестроения Московского авиоинститута. Затем опять странствования по Советскому союзу. Проводил изыскательные работы для причальных дирижабельных площадок в Средней Азии, в Закавказье, в Карелии, на Новой Земле, в Магнитогорске, в Севастополе, Астрахани, Обдорске, на Игарке, в Харькове, еще во многих городах Союза. И, наконец, строительство причальной мачты на Урале, под Свердловском.

Вместе с Потапычем поднимаюсь по лесам на грудь лежащей мачты. Бригада уралмашевских рабочих производит

Красавица Южной долины — металлическая причальная мачта для дирижабля в Южной долине. Фото Б. Рябина.

монтаж частей мачты. Стальные пневматические сверла взвизгивают от злости и мягко, как в сало, ввинчиваются в сталь. Серебряным дождем падают стружки. Бархатно-красные раскаленные заклепки перепархивают из горнов в клещи клепальщиков. Пулеметит пневматический молоток. Конец заклепки превращается в аккуратную, как молоденький гриб, шляпку. Я невольно люблю ее. Но под шляпку подведена уже острая стамеска, и рука клепальщика сильными ударами молотка срубает только что положенную заклепку. Брак! Опытный и строгий глаз Потапыча заметил какую-то неправильность. А при монтаже мачты важна каждая мелочь, каждая заклепка! Тогда никакие штормы не покачают стальную красавицу. Срубленная заклепка, звякая, летит вниз, а на ее место ложится новая, на этот раз прочно, верно и точно.

...Голубые сумерки заполняют до краев чашу Южной долины. Вместе с сумерками опускается тишина. Лишь на мачте попрежнему пулеметят пневматические молотки и сипло вздыхают компрессоры, нагнетая в шланги сжатый воздух. В потемневшем воздухе крупными красными искрами порхают передаваемые из щипцов в щипцы раскаленные заклепки. Высоко, на конструкциях мачты, огненными жар-цветами пылают горны. Бригада уралмашевцев спешит до темноты закончить дневную норму клепки.

А над мачтой встревоженными кругами носится коршун.

VI

Встаю из-за письменного стола и в большое трехстворчатое окно аэровокзала вижу мачту. Вернее, только ее вершину с гордо развевающимся красным флагом. Все остальное ее тело скрыто от меня желт ющим осенним лесом.

Вспоминаю слышанные и виданные детали строительства.

Проектное бюро Дирижабльстрога изготовило проект мачты. Уралмаш изготовил детали. Они были очень простыми, из нормального сортового железа. Детали были доставлены в Южную долину. Начался монтаж мачты, тоже силами уралмашевцев. Поэтому, без преувеличения можно сказать, что первая в Союзе дирижабельная мачта была со-

здана руками уральцев и из уральских материалов.

Монтировалась мачта в лежачем положении. Для подъема ее запеленали в мочучие бревенчатые пояса. К поясам были прикреплены стропы восьми лебедок. Подъем происходил крайне медленно, незаметно для глаза, в продолжение девяти часов. Присутствовавший при подъеме кинооператор был в отчаянии. Нечего снимать, нет эффектных моментов! Для эффективности он хотел бы, чтобы сорокапятитонный стальной гигант был поднят с земли и поставлен, как упавшая статуэтка или как сбитый оловянный солдатик.

С шести часов утра до трех дня Асберг и Пастухов не присели ни на минуту, забыли о еде, чае, боясь покинуть хоть на миг встающую на ноги мачту.

В три часа дня все четыре ноги мачты крепко встали на специальные бетонные фундаменты. Мачта была благополучно поднята.

А под вечер у подножия ее был найден разбившийся насмерть коршун. Он, совершая облет своих владений, ударился о неожиданное препятствие и упал бездыханным.

VII

Тотчас от крыльца аэровокзала начинается небольшая роща. В ее осенней тишине, в шелесте золотых и багряных опавших листьев чувствуешь себя одиноким, оторванным от шумного трудового мира. Осенний умирающий лес, причудливо расписанные осенними красками горы, прозрачная холодная тишина. По шоссе пробежал деловито на Сысерть юркий автобус. Но шум его мотора, не долетев до меня, растаял в застывшей тишине долины. И снова — молчаливые горы, шелест листьев под ногой, осеннее одиночество.

Но вот расступились последние березки рощи и я вижу легкий взлет к небу стальной конструкции. Мачта четко выделяется на фоне желтых осенних полей. Чувство одиночества, оторванности исчезло. Воображаешь ту шумную новую жизнь, которая скоро придет в тихую, дремогную Южную долину.

На площадках мачты щебегание многочисленных юных голосов. Пионерская экскурсия.

Я поспешно поднимаюсь по звонким стальным лестницам. Долина уходит вниз, словно оседает под моими ногами, отступают и снижаются горы, шоссе уже кажется узенькой серой тесемкой. Раскинулось по горам Нижнеисетское, блестя его пруд, за ним угадываются очертания Свердловска.

Я на вершине мачты. Крепкий верховой ветер рвет с меня пальто. Под его ударами стальные конструкции гудят басовито и напряженно, как струны. Но ветер, ударившись о них широкой своей грудью, вдруг затихает, опадает.

И мне вспоминается разбившийся коршун, символ дремотной Южной долины.

У пионеров особенно оживленные, ликующие вскрики и радостный смех. Подхожу к ним. Ребята пускают с пло-

щадок мачты модели самолетов и планеров. Бумажные и полотняные игрушечные машины весело порхают над долиной.

А я, глядя на их неуверенные, беспомощные взлеты и виражи, воображаю полет над долиной могучего воздушного корабля. Он придет, наверное, с севера, со стороны Свердловска. Рев его моторов всколыхнет тишину Южной долины.

И когда стихнут его моторы, командир, быть может, тов. Гудованцев, скамандует:

— Внимание! К причалу!

А с мачты ответит ему уверенный голос:

— Есть! К причалу готовы!

Южная долина. Аэровокзал.

ЛОПОУХИЕ РОБИНЗОНЫ

Фото — очерк

Нашему фото-следопыту Б. Рябинину в его скитаниях по Уралу посчастливилось заснять интересный эпизод для раздела „Природа и охота“. Классическое описание подобного эпизода дано, как известно, в стихотворении Некрасова „Мазай и зайцы“. Группа зайцев, застигнутая весенним половодьем, оказалась отрезанной от суши. Зайчишки очутились в положении робинзонов на необитаемом острове и робко сбились в кучу. Не хватало только какого нибудь уральского Мазая для полного совпадения с сюжетом Некрасовского стихотворения. Но если этим восьми лопухим робинзонам жутко на острове в компании себе подобных, то каково же приходится тому одинокому робинзону, маленький силуэт которого виднеется на „острове“ виднеющемся в отдалении, на втором плане!

УРАЛЬСКИЕ БЫЛИ

СТАРЫЕ

И НОВЫЕ

Путешествие по четырем рекам

Прежде они тоже путешествовали. Но былые их путешествия являлись всегда вынужденными.

Когда Саратов становился опасным, когда в Саратове можно было „сгореть“, они ехали в Москву, из Москвы бежали в Херсон, из Херсона утекали в Каширу или во Владивосток. Эти путешествия больше походили на бегство зверя, травимого охотником.

И в конце концов зверь попадался. Тогда снова начинались „путешествия“. В вагонах с решетками на окнах их возили из тюрьмы в лагерь, из лагеря в тюрьму, из Омска в Верхотурье, из Минска на Соловецкие острова.

Мы говорим о восьми воспитанниках Кунгурской трудовой коммуны НКВД, о коммунарах П. Иванове, Проничкине, Родзевиче, А. Чистове, Бурухине, Богомолове, Хайданове, Березине. О прошлых своих „путешествиях“ они не любят вспоминать. Это мрачное и дурное прошлое забыто навсегда. Но с каким восторгом, с какой радостью рассказывают они о своем походе по четырем рекам, от Кунгура до Горького...

...18 июля на берегу Сылвы, около бывшего женского монастыря, былолюдно, шумно и весело. Вся общественность города Кунгура, вся Кунгурская трудкоммуна провожала восьмерых отважных коммунаров в далекий поход. Коллектив коммуны оказывал этим восьмерым величайшее доверие. Щедро снабженные деньгами и провизией, они уплывут на сотни километров от коммуны. За ними не будет никакого призора. Они легко, беспрепятственно могут бежать.

Но коммуна твердо верила, что они вернуться, вернуться победителями далекого и трудного похода!

Краткие приветственные речи. Участники похода отвечают, разъясняя цели своего рейса. Цель — интересно и полезно провести свой отпуск, популяризировать в массах постановление партии

и правительства „о детской беспризорности и безнадзорности“ и передать в Горьком рапорт о работе и достижениях Кунгурской трудкоммуны М. С. Погребинскому, верному соратнику и помощнику товарища Сталина в деле организации „ремонтных мастерских человека“ — трудовых коммун НКВД.

Под марш оркестра участники похода, предводительствуемые своим капитаном коммунистом — руководителем 9-го корпуса Павлом Ивановичем, размещаются на своих суденышках. Это обычные четырехвесельные килевые лодки прогулочного типа. На этих игрушечных четырехвеселках коммунары должны пройти около полутора тысяч километров по четырем рекам: Сылве, Чусовой, Каме и Волге.

Старт дан. Восемь весел дружно вспенили воду.

И тотчас же комическое приключение. Не отплыли и четверти километра, видны были еще лица провожающих, как лодки ткнулись в затор из сплавных бревен.

Пришлось высаживаться, тащить лодки через бревна.

В первый день прошли 40 километров. Ночевали в колхозе. Утром сделали для колхозников доклад о детской беспризорности и безнадзорности. Вчерашние карманники и „домушники“ говорили о том, какая громадная опасность таится в детской безнадзорности, о том, что из безнадзорных ребят вербуются ряды правонарушителей. Коммунары вспоминали свое безотрадное детство и говорили горячо, красочно, убедительно.

Отплыли провожаемые теплой искренней благодарностью колхозников, пожеланиями счастливого пути.

Второй день плавания также не обошелся без приключения. Лодки коммунаров имели мачты на случай попутного ветра. Против одного из колхозов перелетевшая лодка налетела мачтой на паром-

ный канат и опасно накренилась, черпнув бортом воду. Экипаж быстро вынул к противоположному борту и выправил лодку. В этот момент подошла вторая шлюпка. Она ударилась мачтой о канат с полного хода, свалилась на борт и начала тонуть. Экипаж второй лодки растерялся при виде неминуемой аварии. Не растерялся только коммунар Родзевич. С легкостью зайца или горного орла он взвился на воздух и перелетел на первую лодку, не замочив даже пятки. Незвзрячая на трагичность положения, семь здоровых молодых глоток приветствовали это лихое сальто оглушительным хохотом.

Коммунары превратились в эпроновцев. Подняли затонувшую лодку, отбуксировали к берегу. Начали подсчитывать потери. Утонули ведро, фонарь и весь запас сахара в 8 килограммов. Подмокли бумажники и кошельки. Сели на бережку, развесили по кустам для просушки одежду, деньги, документы. От нечего делать вспоминали снова прыжок т. Родзевича и снова хохотали во все семь глоток.

А когда снова поплыли, то забыли о недавнем крушении. Удивительно красивы были высокие скалистые берега Сылвы. Коммунары по-своему называли особенно красивые и оригинальные скалы — „Развалины Карфагена“, „Рыцарский замок“, „Башня Тамары“.

В этот же день пришли в село Троицкое и тотчас отправились к живущему здесь поэту Василию Каменскому. С любопытством осмотрели дом поэта, подаренный ему правительством. Побывали всюду, от рабочего кабинета писателя до курятника. В оранжерее полюбовались выращенными поэтом апельсинами, лимонами, арбузами, дынями. В походном дневнике коммунаров поэт написал:

„20 июля в 1 час дня ко мне в дом явилась бодрая, веселая солнечная команда из восьми товарищей Кунгурской трудовой коммуны... Я приветствую вас, крепких братьев и бойцов за прекрасную нашу родину, приветствую заранее, как победителей, как чемпионов юности труда.“

Поэт и его домочадцы проводили коммунаров с цветами. В. Каменский подарил команде книгу своих поэм с надписью, в которой выражал желание, „чтобы в пути звенели эти стихи“. Коммунары ответили поэту подарком своего альманаха „На верном пути“.

Вышли в Чусовую. Но „быстрая вода“ встретила коммунаров не слишком гостеприимно. Река была забита сплавным лесом. Пришлось более километра тащить лодки на своих плечах по берегу. На Чусовой, в колхозе, снова провели беседу и снова получили горячую благодарность колхозников.

А затем развернулась „Кама — голубая степь“. На Каме снова встретились с поэтом, вернее, с красавцем теплоходом, носящим имя „Василий Каменский“.

Едва отплыли от Перми, увидели, как недалеко от лодки играет в волнах огромная рыбина. То всплывает на поверхность, то снова уйдет в глубину. Подрулили осторожно, и когда рыбина вынырнула на поверхности, метко ударило весло. Оглушенная рыбина перевернулась вверх брюхом. Схватили руками под жабры и вытянули из воды. Оказалась белуга в добрых полметра длиною. Целое ведро жирной ухи наварили из нее коммунары.

Под вечер та же лодка, что поймала руками белугу, увидела плывущую через Каму белку. Подошли к ней поближе, и зверек сам прыгнул в лодку. Но едва привалили к берегу, белка укусила за палец державшего ее коммунара и умчалась в лес.

Подул попутный ветерок. Поставили парус. Но попутный ветер перешел в боковой, шли галсами. Скоро надоело это движение в темпе „шаг вперед, шаг назад“. Паруса опустили. Однако боковые волны не позволяли итти и на веслах. Пришлось надеть бурлацкую лямку и тащить лодки бечевою.

В устье Белой налетел неожиданно шторм. Погода была ясная, тихая, солнечная. И вдруг яростный удар ветра положил лодку на борт. А затем Кама вздулась, вспенилась, загрохотала. Огромные волны стеною нависали над лодкой и обрушивались, заливая ее чуть ли не до бортов. Воду приходилось откачивать непрерывно.

На противоположном берегу виднелась какая-то пристань. Но пересечь реку, чтобы добраться до нее, стоило не малых трудов. Волны то скрывали берег, так что рулевой терял направление, то вскидывали лодку, как на качелях. Замирало сердце и опускались в страхе руки.

На пристань сбегался народ. Готовились, если это понадобится, оказать помощь отважным коммунарам. И была у них одна, короткая минута малодушия.

Захотелось крикнуть, чтобы помогли, спасли. Но руки крепче в весла! Шире размах! В судорожных усилиях выгибаются спины гребцов. Вот видны уже сырые замшелые бревна пристани, видны лица людей. Люди что-то кричат, машут руками, показывают, где причалить. Догреблись!

Вторая лодка пришла двумя часами позднее. Экипаж ее спросил у баканщика, стоит ли им рисковать пересекать сильную струю впадающей здесь Белой, идя против шторма? Баканщик ответил коротко:

— Ежели помирать охота, плывите!

Коммунары не имели никакой охоты помирать и два часа сидели у берега, пережидая шторм.

На пристани, в затоне, коммунары провели беседу с затонскими рабочими и водниками. Рассказали подробно, ничего не утаивая, о своей прошлой преступной жизни, рассказали о жизни коммуны, о методах и способах перевоспитания бывших правонарушителей. Слушали их с напряженным вниманием. Было задано множество вопросов. Кто-то спросил наивно:

— Как это вас отпустили? А вы... не сбежите?

Коммунары объяснили, что из коммуны вообще не бегают, так как там нет ни заповор, ни стражи. Из коммуны уходят свободно, по собственному желанию, и никто силою задерживать не будет.

— А мы вернемся в коммуну все целиком!— сказали в заключение коммунары.— Заверяем в этом товарищей рабочих своим честным словом!..

...Ночевали здесь же на затоне, в красном уголке. Вышли на рассвете, едва зарозовел восток. Не успели отойти от затона — новое приключение. Одна из лодок шла около самого берега. Ее нагнал огромный пассажирский теплоход и так качнул лодку, что она вылетела на берег.

Приближалось устье Камы. Последняя ночевка на Каме была в селе Икское Устье. Едва расположились на отдых, весело прибыла на автомобилях делегация моряков Балтфлота, шефов Татреспублики. Они также проделали поход на шлюпках Кронштадт — Казань.

Коммунары совместно с военморами провели торжественное заседание в колхозе Икское Устье. После заседания делились впечатлениями от походов. Моряки удивлялись ходу коммунаров, про-

ходивших в сутки в среднем 80—85 километров. Были отдельные дни, когда проходили на веслах, без помощи парусов, 90—100 километров. Моряки проходили не больше.

Выйдя после ночевки из Икского Устья, с нетерпением ожидали Волгу. На ночлеге напугали, что плыть по Волге против течения на веслах невозможно, будет сносить вниз. Плыли час, два, три, но лодка все еще шла легко, гребли без труда. Наконец увидели какую-то баржу. Крикнули:

— Эй, на барже, скоро ли Волга-то начнется?

— По Волге и плывете!— ответили удивленно с баржи.

Но на следующий день Волга все же себя показала. Выгребать против течения стало очень трудно. Для облегчения лодок приходилось саживать двоих не гребущих, которые шли по берегу. Частенько приходилось тащить лодки безчевой.

Был случай на Волге — заблудились.

Плывут, а Волга с каждым пройденным метром все уже и мельче и, наконец, уперлись в тупик. Оказывается, лодки попали в глубокий рукав Волги, в так называемую „старицу“. Чтобы не хлебать киселя обратно километров десять, переволокли лодки через перешеек шириною в километр.

Не раз попадали на Волге в шторм. После одного из штормов пришли в Казань. И здесь, волей-неволей, пришлось прекратить дальнейшее путешествие.

Суровый надзор осмотрел лодки коммунаров, признал их непригодными к дальнейшему плаванию.

Пришлось из Казани в Горький плыть на пароходе. В Горьком коммунары были исключительно тепло приняты т. Погребинским, которому передали рапорт о достижениях Кунгурской трудкоммуны.

В первых числах августа все восемь человек, все участники похода вернулись в коммуну, целиком оправдав оказанное им доверие.

Коммунары прошли за 16 суток по четырем рекам 1350 километров. За время похода ими проведено было в колхозах и совхозах 14 бесед о детской беспризорности и безнадзорности.

Впервые путешествовали они не по воле, не таясь, не скрываясь от преследователей. Они увидели великую, счастливую страну и поклялись стать ее полноправными гражданами.

ПУТЕШЕСТВИЯ *по* книжкам и газетам

„Шахматное поле“ камчатского следопыта

Охотник камчадал Ичалов не отличался ничем особенным от камчатских охотников. Это был человек лет сорока восьми, с круглым лунообразным лицом, с редкой, в несколько кустиков бородкой, с маленькими серьезными глазами. Смотрел он умно и прямо, не был молчалив, говорил всегда в меру и с толком.

Одевался Ичалов в серую самодельную тужурку, подпоясанную патронташем, с кожаным нагрудником, повешенным на шее и спущенным до пояса. В нагруднике имелось несколько отделений, вмещавших нож, стальное огниво, кремь, трут, нитки и игольничек.

На ногах Ичалов носил нерпичьи торбаса с моржевными подметками, крепко прошитыми оленьими жилами. За плечами покоилась двухстволка, которую он берег пуще глаза и чистил каждый вечер.

Он был среднего роста, с короткими ногами и удлинненным туловищем, ходил немного сутулясь и сгибаясь, скользящим шагом, не поднимая ног. Походка определяла в нем человека, долгое время пользовавшегося лыжами. Ичалов на лыжах ходил всю зиму и оставлял их только на короткое лето.

Он происходил из племени камчадалов-ительменов, составлявших когда-то основную часть населения Камчатки. Ичалов говорил по-русски, но некоторые буквы произносил неверно.

Ичалов любил тайгу, тундру, свой край и особенно — охоту. Но, попадая в тайгу или тундру, Ичалов не был только охотником, он всегда что-то искал, выслеживал и высмагивал. Весной или летом он не упускал случая, чтобы заметить и разглядеть какие-нибудь особенные травы, цветы, деревья.

* * *

Мы шли по берегу озера Дальнего, направляясь к сопкам — Вилюинской, Овальной и Кошелевой, которые тянутся по всему восточному побережью южной части Камчатского полуострова.

Спускаясь по низменности заливного берега озера, мы неожиданно попали в джунгли густых зарослей шаломайника. Это травянистое растение поднимается до двух метров высотой. Его зонто-

образные листья тихо качались над головой. Мы пробирались с трудом.

Ичалов объяснил мне, что камчадалы срезают молодые стебли шаломайника и приправляют ими пищу.

Когда шаломайник созревает, становится стар и теряет свои питательные соки, камчадалы выкапывают его корни. Сушеные и растолченные корни употребляются для приправы к рыбьей икре.

Полнимаясь на возвышенность, Ичалов разглядывал и срезал траву кипрей. Это растение из семейства ослинниковых. Он растет по лесосекам и лесным пожарищам, венчики его цветов темнорозовы. Цветы кипрея высушиваются и завариваются, как чай.

Из кипрея варят разные напитки — квас, брагу, сласят ягоды. Листья и молодые стебли идут на приправу к супу с мясом или рыбой.

Встречаясь с медвежьим корнем, Ичалов объяснял его полезные свойства как лекарственного растения, помогающего от ломоты спины. Ромашка применяется как целебное средство от горловых болезней. Вяжущий сок „пьяной травы“ употребляется против внутренних кровоизлияний. Трава „майор“ — как лекарство от ранения. Дрис — как слабительное для желудка, а черемша — как самое верное и испытанное средство против цыги.

Солнце склонялось к вечеру, спряталось в тучи, и закат его вызывал беспокойство у Ичалова.

Тучи розовели от последних лучей уходящего солнца. Особенно яркорозовой казалась маленькая полоска, где облака раздвигались и образовывали небольшую щель. Она то тускнела, то с новой силой загоралась, пока совсем не угасла.

Ичалов недовольно кряхтел, нагнувшись, что-то искал, внимательно приглядывался и разводил руками траву, чтобы лучше рассмотреть землю. Когда я спросил, в чем дело, он пробурчал себе под нос, что на этом месте, по его убеждению, должна быть старая тропа.

— Плидце искать нацлег. Будет погода пляхой! — серьезно предупредил он.

Тропу мы стали искать оба, но кругом все так заросло травой, что никаких следов, ни старых ни новых, не было видно.

Ичалов сделал два круга, отходя то вправо, то влево, и каким-то чудом обнаружил еле заметную маленькую выбоину. Это и была старая охотничья тропа, которая приводила к шалашу, где

на переходах останавливались и ночевали охотники. Вот почему ее с таким упорством искал Ичалов.

Пройдя около ста метров, мы действительно наткнулись на одинокий небольшой шалаш, похожий на туземную юрту.

Он состоял из воткнутых в землю по кругу нескольких жердей, верхними концами переплетающихся в виде купола. Вверху была сделана небольшая дыра для дымохода, посредине — место для очага. Сверху шалаш был покрыт травой корьем и тростником.

Ичалов, осмотрев крышу, предложил нарезать травы, ветвей и сделать ее прочной. Он обтянул крышу несколько раз лозовыми скрученными жгутами, чтобы трава и ветви прилегли плотней.

Он к чему-то готовился, предугадывая дурную ночь, и советовал как можно больше заготавливать дров. Мы заготовили много топлива, потом резали траву для подстилок, чтобы мягче было спать.

Ичалов разжег костер внутри шалаша. Бледный свет озарил небольшое логовище, но сразу стало так дымно и темно, что мы еле-еле видели друг друга, несмотря на то, что сидели почти рядом.

Ичалов сосредоточенно возился с котелками и дичью, которую мы настреляли днем. Собака Ласка сидела возле, вся застыв в позе напряженного внимания.

Я чувствовал большую усталость, ноги деревятели, плечи ломило, голова становилась тяжелой. Пригибаясь к земле от дыма, я незаметно заснул, свернувшись у костра, но был разбужен Ичаловым.

Костер уже горел ярким пламенем, в шалаше стало уютней и веселей, в котелке кипела дичь. Ичалов заставил меня ужинать.

Я с наслаждением принялся есть. Но что за okazия? Утка пахла самой настоящей бараниной. Ничего не понимая, я решил, что это мне кажется спросонья. Но ни во сне, ни на яву — нигде я не видел ни барана, ни бараньего мяса.

В похлебке оказался лук, какие-то корни, напоминающие свеклу, и листья с кислотой щавеля.

Откуда это все? Что за неожиданное превращение?

Я припомнил слова Ичалова, когда он говорил, что охотник должен знать травы. Сейчас секрет для меня несколько раскрывался. Ичалов знал не только лечебные травы, но и такие, которые можно употреблять в пищу.

Наш ужин, как ни странно, состоял из трав баранника, лилий сараны-круглянки и овсянки, из стеблей кипрея и листьев так называемой кислой розы. Оказывается, на лугах Камчатки растет трава, называемая „баранник“. Трава имеет разительный запах баранины, отчего и получила свое название. Когда эту траву кла-

дут даже в рыбную уху, она приобретает запах супа из баранины.

Два вида дикой лилии — сараны-круглянки и овсянки — давали прекрасные луковички. Они шли в пищу в разных видах. На вкус вареные лилии приятны и немного сладковаты. Их иногда поджаривают с салом, как картофель.

Я положительно поражаюсь поварскому искусству охотника Ичалова. Он умел приготовить из диких трав вкусный и приятный ужин.

Меня все больше начинал интересовать этот человек. Укладываясь на ночлег, мы долго еще разговаривали с Ичаловым, пока нас не одолел сон. Возле меня, свернувшись клубком, легла Ласка, уставшая от дневной беготни.

* * *

Среди ночи нас неожиданно разбудил шум, поднятый Лаской. Она неистово и грозно рычала, металась и рвалась словно кто-то бегал вокруг шалаша и дразнил ее. В шалаше было темно, как в могиле. Костер погас. Я схватился за ружье, щелкнул затвором и взвел курок. Тотчас в темноте я услышал голос Ичалова:

— Стреляц не нада, плохо будет! Волика ходит!

Ичалов поспешно высек стальным огнем кремь огонь. Искры то вспыхивали, взлетая, то гасли, пока не загорелся трут. Тогда он взял шматок заготовленной сухой травы и стал дуть, приложив к ней горящий трут, пока не вспыхнуло пламя. Костер разгорелся, загрещали дрова, свет озарил убогий шалаш.

Я увидел заспанное, но спокойное лицо Ичалова. Его как-будто ничего не волновало.

— Волика ходит... Плохой зверь... Ночью покой целовеку нет!... досадливо качал головой Ичалов. И принялся объяснять, почему ночью нельзя стрелять в зверя. Ночью в волка трудно попасть, промажешь, а зверь от выстрела становится нахальным и злым, и от него бывает трудно избавиться. Единственное спасение от волков на Камчатке — это костер, — огня зверь боится.

Когда костер разгорелся, Ичалов взял несколько головешек и вылез из шалаша. Я последовал за ним. В нескольких шагах от шалаша мы действительно заметили в темноте две пары светящихся огоньков.

Это искрились алчные глаза волков.

Сделав несколько шагов, Ичалов бросил горящую головешку. Головня фейерверком пролетела в воздухе, оставляя позади себя искры. Две пары огоньков немедленно подались назад, но не ушли. Ичалов тогда бросил вторую головню. Звери еще подались назад. Теперь они наблюдали издали.

Ичалов оказался прав. Погода резко изменилась. По небу ползли тяжелые густые облака. Горы скрылись, исчезли даже их очертания. Спустился липкий, мокрый туман, называемый на Камчатке „бусом“.

Мельчайший, как пыль, дождик мочил нас. От „буса“ слипались глаза, дышать приходилось водянистой влагой.

— Плохой вещь!.. — ворчал недовольно Ичалов.

Мы залезли снова в шалаш. Спать теперь было невозможно. Мы сидели у костра и клевали носом. Ласка продолжала рычать. Это означало, что волки приближаются к шалашу. Несколько раз мы вылезали из шалаша и горящими головнями отгоняли зверей.

Днем моросил „бус“. На деревьях набухла влага. Капельки воды свисали на ветвях и траве, под их тяжестью склоняли свои чашечки цветы.

Мы сидели, как прикованные к шалашу. Вылезать из него нельзя было. Спать не хотелось. Лежать и ничего не делать надоело. Я положительно томился, не зная, как убить время. „Бус“ — самое скверное на охоте. Сидишь целыми днями на одном месте, почти без движения.

* * *

Ичалов с самого утра что-то сосредоточенно и молчаливо мастерил. Его нож проворно ходил по дереву. Согнувшись, Ичалов выстругивал что-то в роде фигур зверей. Раскаляя на костре проволоку, выжигал ею черные линии на маленьких фигурах. Одни фигуры он обжигал до черноты, оставляя на них едва заметные беленькие полоски, другие оставлял белыми с черными полосками.

Когда своеобразная коллекция зверей оказалась готовой, он достал из нагрудника белую оленью кожу, выделанную как замша. Кожа была в полметра длиной и шириной. На ней Ичалов искусно разрисовал слегка раскаленной проволокой кружки, квадратики, кривые, ломаные и прямые линии, углы и ромбы.

Он был увлечен своей работой. Я взял две фигуры зверей, напоминавшие медведей. Ичалов, отвлекшись от работы, заметил:

— Тебе мишка хорошо играй!

— Как играй? — ничего не понимая, спросил я.

— Айя! Тебе цего не понимать? — недоумевая, спросил Ичалов. — Тебе мишка играй, рашамаха — играй, волика — играй, жайца — играй!.. Высе играй. Цего не понимать?..

Но, видимо, решив, что я плохо усваиваю его объяснения, он расставил фигуры на коже, на двух полях. С одной стороны стояли белые звери с черненькими полосками, с другой — черненькие звери с беленькими полосками. Два поля ограждались границами, к которым вели прямые, кривые и ломаные линии. С каждой стороны стояло по одному медведю, по одной росомахе, по два волка, песца и по пяти зайцев.

Ичалов взял фигуру медведя с моей стороны и начал ею водить по полю игры.

— Тебе, мишка, так. Тайга — ходи, тундра — ходи, шопка не ходи. Рашамаха — тайга ходи, тунд-

ра — ходи, шопка — ходи, — горячо объяснял Ичалов.

Наглядный показ игры открывал передо мной ее секрет. Она состояла в том, что звери моей партии должны сражаться со зверями партии противника. Победа состояла в том, чтобы звери одной партии вытеснили зверей из поля противника, съели их.

Главую роль в партии занимала фигура медведя. По утверждению Ичалова, это хитрый и сильный зверь — хозяин над зверями. Росомаха тоже хитрый и умный зверь, ее роль сводилась к хозяйке зверей. Волк занимал пост командира в тундре, песцы стояли на позициях наступления в качестве сторожевых постов, зайцы представлялись чем-то в роде рядовых бойцов. Каждая фигура в игре имела свое название, назначение и особые ходы. Поле звериной игры представлялось полем охоты в тундре, в тайге, в сопках. Медведь имел свой ход. Он мог передвигаться по тайге и тундре, но на сопку хода не имел. Росомаха имела ход в тайгу, тундру и на сопки. Ходы волков ограничивались двумя в тайгу и тундру. Зайцы имели один ход — в тайгу.

Смысл игры на первый взгляд казался простым. Сложным было поле. Кружки на поле игры изображали сопки, квадратики — тундру, ромбики — тайгу. Линии прямые, кривые и ломаные указывали направление ходов. Вся хитрость игры заключалась в первой стадии — как расставить фигуры. Если будут умело расставлены фигуры, то игра может принести победу. Плохо расставленные фигуры быстро погибают, и партнер проигрывает. Игроку необходимо расставить фигуры так умело, чтобы предохранить свое поле от вторжения зверей партии противника.

Расставив фигуры зверей, я всячески пытался преградить путь вторжению зверей Ичалова.

Моя росомаха стояла на главной линии и ограждала вершину сопки.

Медведь занимал тайгу. Все остальные звери были разбросаны в тайге, тундре и возле сопки. Но уязвимым и плохо защищенным местом у меня оказались две сопки.

Росомаха Ичалова, проходя сначала ломаной линией, неожиданно приблизилась к моей границе, заняла одну из моих сопки и по пути „съела“ двух зайцев. Затем Ичалов росомахе повел по кривой линии и сразился с моим волком, который стоял на страже у подножия главной сопки.

Чтобы спасти волка, я направил его поглубже в тайгу и оголил путь к песцам. Воспользовавшись этим обстоятельством, росомаха Ичалова напала на моего песца и оказалась у подножья главной сопки.

Тогда я выставил поближе медведя и только этим спас положение.

Росомаха моего партнера вынуждена была оставить поле и уйти на прямую линию.

Пододвинув волков к границе, я думал окончательно спастись от вторжения. Но Ичалов обнаружил на моем поле с правой стороны две свободных линии и направил по ним двух своих волков. Они атаковали с тыла моего медведя.

Спасая медведя, я отвел своих волков с границы, чтобы прекратить движение в тылу волков Ичалова и оставил границу под прикрытием одного песца и зайцев.

Росомаха Ичалова, напав с прямой линии на мою границу, унесла у меня второго песца и взяла трех зайцев. Освободив себе путь к главной вершине сопки, росомаха Ичалова сделала хитрый маневр по кривой линии и оказалась сбоку моего медведя.

Я отодвинул моего медведя. В это время волки Ичалова сразились с моим волком и сбили его с поля. Я остался с медведем, волком и росомахой, атакованный волками и росомахой Ичалова. Они все ближе подкрадывались к моему медведю.

И я не выдержал боя, и оказался битым мой последний волк. Я остался без армии. Мой медведь был окружен со всех сторон росомахой, волками песцами, зайцами Ичалова. Он был схвачен и растерзан...

— Айя! Плоха думай, плоха играй!.. — заметил Ичалов после игры.

Было понятно. Я плохо думал и плохо играл. Следующую партию я лучше думая, но результаты оказались те же. Секрет игры был более сложным, чем я себе представлял.

Фигуры для Ичалова являлись не просто игрушками, которые нужно двигать по линии и занимать чужие поля, а фигурами живыми. Поле игры моему партнеру представлялось настоящей тайгой, тундрой и сопками, он хорошо знал обстановку, сноровку зверя, его хитрости и уловки.

К тому же, мой партнер имел способности к глубокому мышлению, обладал силой воображения и имел дисциплинированную волю. По тому, как умно он расставлял фигуры и делал ходы, как знал до мельчайшей подробности условия тундры и тайги, я понял, что он хорошо ориентировался и изучил „шахматное поле“ далекого Севера. Но откуда эта высокая культура свободной игры у Ичалова?

Я припомнил историю развития шахматной игры. Она возникла задолго до христианской эры в Индии. В Европу шахматы были занесены арабами в эпоху их завоеваний. В Россию шахматы проникли с Востока.

За время истории развития шахмат правила игры подверглись значительным изменениям, точно так же, как изменились и отдельные фигуры.

У меня закралась мысль, не является ли игра Ичалова отзвуком старой шахматной игры, распространенной среди племен Востока, которые раньше не знали ни королей, ни королев, ни офицеров, ни тур.

Я задал несколько наводящих вопросов Ичалову о происхождении этой интересной звериной игры.

Ичалов в ответ рассказал интересный случай из своей жизни. Оказалось, что этот удивительный человек прошел тысячи километров по безлюдным снежным просторам тундры вожаком-следопытом красноармейского отряда, боровшегося с белыми бандами в условиях дикого севера. Но вспомнив, что Ичалов ничего еще не сказал мне о секрете своей игры, я задал ему вопрос:

— Как же с игрой?

— Айя, чего не понимать!— сердито воскликнул Ичалов,— красноармейца меня учил!..

В дни больших остановок, когда отряд отдыхал после операций или спасаясь в палатках от затяжных пург, красноармейцы научили Ичалова играть в шашки. Но эта игра не понравилась ему, он не повимал ее. Ему хотелось настоящей игры в обстановке тундры, тайги и сопки, игры сложной, хитрой и серьезной. Тогда они вместе с другим охотником-шорцем изобрели сложную свою игру со зверями.

— Жверь хитрый, много ходи, много думай, мало попадай, — сказал Ичалов, заворачивая в кожу фигуры зверей и засовывая их в нагрудник.

По очерку П. Калининко из журн. „Наши достижения“, 1935 г.

Погоня за „вором“

Июнь 1774 года. Предгорья Урала. Дорога все еще тянулась лесом. Но вот к полудню распахнулись широкие степи с ковылем. Вдруг все увидали: верстах в пяти, на открытом месте, темнеет огромная толпа.

— Деколонг!— от радости подскочив в седле закричал подполковник Михельсон.— Ребята! Корпус генерал-поручика Деколонга!..

— Урра!..— заорали солдаты.

Михельсон перекрестился. На глазах наворачивались слезы. Наконец-то истомленный отряд его усилится свежими войсками: ведь люди Михельсона сорок дней преследуют врага без отдыха, у многих опухли, стерлись ноги, иные на ходу валяются от слабости.

Подзорная труба в его руках плясала.— Тревогу!— приказал он, живо слез с коня, и, построив трубу на треноге, жадным глазом стал прощупывать толпу.

— Не вор ли это, вашскородие? — несмело заметил бородатый казак. — Сдается, это злодейское войско.

— Какой, к чортовой матери, вор!— И Михельсон, чтоб лучше видеть, сдвинул шляпу на затылок.— Пугач под Троицкой крепостью разбит и бежал.. Ему в месяц не оправиться... А тут тыщи две-три... Хорунжий Попов.. Бросьте полсотни в разведку...

Казачий разъезд на рысях двинулся вперед. Михельсон на всякий случай построил войско к бою.

Вдруг, к немалому изумлению всего отряда, из толпы вырвалась сотня всадников и поскакала навстречу казацкому разъезду. А вся толпа с двумя развернутыми знаменами двинулась в боевом порядке на отряд Михельсона, стараясь обогнуть его левый фланг.

— Ребята! Пугачев! — громко кричал Михельсон, проносясь на коне перед своими войсками. — Не трусь, молодцы! Подтянись! Жарко будет!

Он быстро перестроил отряд лицом к врагу и ввел в дело артиллерию. Дружно загремели пушки. От пугачевцев тоже раздался единственный орудиный выстрел.

— Очень хорошо, — сказал Михельсон адъютанту: — либо у злодея пушек мало, либо в порохе нехватка. Но как он мог столь быстро скопить сил...?

У Михельсона 700 человек регулярных войск, небольшую часть он отделил для прикрытия обоза больных и раненых.

Пушки гремели и гремели. Густая толпа пугачевцев, поражаемая картечью, ядрами, наполовину спешила в версте от врага и, невзирая на сильный урон, бросилась к орудиям, ударила в копья. Все заволочло дымом, завоняло тухлыми яйцами.

В этот миг чернобородый Емельян Иваныч Пугачев, в обычном сером казацком кафтане, на черном диком скакуне неся с конницей на левый фланг врага, тенористо кричал, размахивая саблей:

— Де-е-е-тушки!.. С нами бог... Кроши!..

Его конница живо смяла, опрокинула команду мещеряков. Те, как цыплята от стаи ястреба, с писком бежали и замертво падали.

— Пушки, пушки забирай, атаманы! Артиллерию! Кроши! — кричал Пугачев, подбадривая своих.

Но большинство башкирцев, заводских крестьян и мужиков, видя как дрогнул и бежит левый фланг врага, уже считали себя победителями. С воинственным воплем они бросились врассыпную на обоз — грабить. Ни злобный окрик Пугачева, ни очаянные попытки атамана Перфильева, полковника Белобородова, старшин и яицких казаков-пугачевцев задержать их, сгрудить в один кулак, не помогли: новые толпы народной армии еще плохо подчинялись дисциплине.

Опытный Михельсон, стоявший в стороне с эскадроном изюмских гусар, сразу оценил опасное положение врага и молниеносно воспользовался этим. Встав во главе эскадрона, он приказал всей кавалерии быстро ударить на пугачевцев с разных пунктов.

— Изюмцы! — скомандовал он своему эскадрону, высоко подымая блеснувшую на солнце саблю. — Помни присягу, изюмцы!.. Рази врага, лови злодея Емельку и — по домам... Кто живьем словит вора?

— А где он? — неслось по рядам. — Его и не знать. Они все на одну рожу...

— За мною, изюмцы!.. С нами бог...

Эскадрон гусар ринулся сквозь сизый дым, сквозь крики, стоны, рев — прямо на отряд яицких казаков, окружавших Пугачева.

Взбешенные лошади сшиблись грудь с грудью. Ржанье, треск, блеск сабель, кровавая работа пик. Сеча была коротка, но упорна. Казаки-пугачевцы дрогнули и, окружив своего вожда, с гиком помчались в степь.

Воздух в степи чист, ковыль-трава мягка. По всему простору, пригнувшись к шее лошадей, летят, как птицы, всадники.

— Держи, держи!.. Вон он скачет! От своих отбился...

— Пугачев!.. Пугачев!.. — орали изюмцы, настаивая своих изнуренных лошадей.

Впереди них, не вмах, а только шибкой рысью бежал рослый черный жеребец, унося на себе широкоплечего мужицкого царя, золотую десяти-тысячную приманку.

— Лови!.. Чего ж отстали? — Пугачев осадил жеребца, круто повернулся взмокшим лицом к погоне. Под обычным казацким его кафтаном голубела генеральская через плечо лента со звездой. — Эх, детушки! Видать, Михельсон плохо кормит и вас и клячонок ваших. А ну!.. — и всадник под самым носом изюмских гусар, как ветер, умчался вдаль.

Погоня злилась, кони в мыле, выбиваются из сил. Молоденький, шуплый, похожий на девушку прапорщик Игорь Щербачев, позабыв и смерть и жизнь, лупит нагайкой свою кобылу-полукровку, кричит:

— Настигай, настигай!.. Дави его!.. Дуй с боков, бери напересек!

Он всех опередил, вот-вот подскочит к Пугачеву, в руках пистолет, метит в спину — раз!

Пугачев резко повернул к нему коня, несколько секунд проскакала рядом с офицером:

„Худо, барин, целишь... А ну, чей конь быстрее!.. — и, распустив поводья, с гиком унесся прочь. Оглянулся, опять приостановился.“

На пригорке, возле леса, отряд яицких казаков, от которых отбился Пугачев, с любопытством наблюдал опасную затею своего командира.

— И чего это он на игру завел, — сквозь зубы пробурчал хромой Белобородов. И громко: — А что, казаки-молодцы... Не ударить ли нам на выручку государя-императора?

— Ни черта, — успокоил Творогов. — У него конь ученый, не дастся...

Меж тем сзади, на позициях, снова загремели пушки, пуская картечь вслед удиравшим толпам пеших пугачевцев. Батарей командовал и наводил орудия сам Михельсон.

А погоня за Пугачевым все дальше, дальше. К изюмцам пристала часть чугуевских казаков.

Вместе с ними скакал и волонтер поляк Врублевский. Горячий офицерик Щербачев надрывался в крике:

— Братцы!.. Неужели упустим... Нажми, нажми!

Вдруг Пугачев вымахнул в сторону и, сделав по степи крутую дугу, стал кружить возле скачущей погони.

— Дегушки!— взывал он на скаку, черный жеребец под ним ярился желтым глазом.— А нет ли среди вас, дегушки, барина Михельсона? Нетути? Ну, так скажите ему поклон от государя императора. Шли бы, дегушки, ко мне... Я до простого люда шибко милостив...

Всадники, как охотники за волком, одурманенные звериной страстью, раздувая ноздри, тараша закрасневшие глаза, насккивали на Пугачева, до сипоты ревели:

— Имай!.. Имай!.. Стреляй в коня!..

Но черный жеребец, топча копыль, копытами швыряя землю, карьером мчал по степи...

Из романа „Ем. Пугачев“, Вяч. Шишкова

Красный снайпер

Побелели края неба. Молочные клубы тумана начали медленно откатываться к лесу. Забрел рассвет. Утренняя сырость насквозь пронизывала тело. Бойцы зябко сжались, плотнее закуты в шинели.

— Наблюдатель, посмотрите, что делается у противника, — слышался голос командира взвода.

Наблюдатель приблизил лежавшую рядом картонную голову к амбразуре бойницы. Предосторожность не была лишней. Едва светлое пятно макета показалось в еле заметной щели, звук винтовочного выстрела разорвал тишину. „Голова“ глухо упала на дно окопа. Аккуратная дырочка чернела на месте ее правого глаза.

— Повторите наблюдение.

Вторичная поверка дала тот же результат. Картон выставили у другого окна. И слова пуля пробила его насквозь.

Прошел час. Легкий ветерок нежно трепал высокую траву зеленой равнины. Вставало солнечное летнее утро. Казалось, ничто не нарушало его величавого спокойствия. Далеко вокруг поля не было видно ни одного человека.

— Наблюдатель, давайте еще раз.

Темная дыра бойницы забелела. Почти в тот же миг резкий выстрел прорезал воздух.

— Снайпер!

Глухой шопот пронесся по окопу. Взводный недовольно поморщился.

А дальше было то же самое. Тайнственный снайпер парализовал всякое наблюдение. Не представлялось никакой возможности взглянуть из окопной бойницы. Малейшая попытка в этом отношении влекла за собой неизменный выстрел. В течение трех часов снайперовские пули пробили

около двадцати картонных голов и других мишеней.

— Ну, что же, товарищ командир взвода, придется играть отбой. Снайпер победил. Давайте кончать. На сегодня хватит.

Находящийся в окопе посредник улынулся и отдал распоряжение заканчивать полевое занятие. Над бруствером появился красный флажок, взвод вылез из окопа. На противоположной стороне показались фигуры бойцов „неприятельского“ отряда.

— Молодец, снайпер! Ну, где он у вас? Покажите нам его, — полюбопытствовал посредник.

Командир „неприятельского“ взвода усмехнулся и задорно ответил:

— Он тут, близко. Попробуйте найти его, товарищ командир.

— Задача не из сложных. В открытом поле мы его быстро отыщем.

Посредник быстро вскочил на бугорок, приложил руку к козырьку и зорко начал осматриваться по сторонам. Пристально вглядываясь в какой-то предмет, он показал на него пальцем и только хотел что-то сказать, как земля под ним стала осыпаться. Холмик зашевелился, и чей-то глухой голос, словно из-под земли, проговорил:

— Осторожно, товарищ командир, вы мне оптический прицел сломаете.

Стоявший на бугре изумленно отскочил в сторону и с удивлением взглянул на степенно вылезавшего из искусно замаскированного блиндажа красноармейца.

— Лукин. Наш снайпер. Вы нечаянно встали на него, — представил стрелка командир взвода.

Красноармейцы обступили товарища. В третьем полку N-ской дивизии Лукина знали все. Отличный снайпер, мастер дальней дистанции, он не раз своей меткой стрельбой, блестящей маскировкой и железным хладнокровием приводил в восхищение всю дивизию.

В этом же полку есть не мало таких же сверхотличных стрелков, как и Лукин.

Лагерный день, полевые занятия лишней раз подтвердили никчемность старинной солдатской поговорки: „Пуля — дура, штык — молодец“.

У красных снайперов советская пуля — умница.

„Правда“

Нет такой крепости...

Свинцовые, цинковые, серебряные и золотые копи могучего комбината Риддера на Алтае разрослись в большой год. Его запросы не могла удовлетворить энергия двух небольших речек с капризным водным режимом.

Разведчики, забравшись на высоты Малой Ульбы нашли здесь ключ. Это разрешило сложную энергетическую проблему Риддеровских рудников и заводов.

Необычайно смелый проект новой гидростанции имел в виду замкнуть грандиозной плотиной реку Малую Ульбу, образуя искусственное озеро площадью в 15 квадратных километров.

Чтобы получить нужные десятки тысяч киловатт электроэнергии, надо было отсюда, из-под вечных снегов Южного Алтая, швырнуть талые воды Малой Ульбы, бросив их с бешеной скоростью вниз к деревянному трубопроводу длиной в тринадцать тысяч человеческих шагов. В жерле невиданной трубы могли бы разрезаться два автомобиля.

Но путь воды к трубе преграждала гора. Через нее, хочешь — не хочешь, приходилось прокладывать тоннель, крепостью и шириной почти не уступающий прославленному тоннелю московского метрополитена. И к этой горе, затерянной в хребтах Южного Алтая, начальник ударного строительства Спекторов привел своих людей.

С северо-востока каменные громады горы оцепил итальянец Марчелли. Он был иностранным специалистом, чистокровным южанином, вспыльчивым, как порох, человеком, в жилах которого бурлила горячая кровь.

На юго-западном склоне горы разбил шатры своих бригад прораб выходного портала Никитин, абсолютно хладнокровный человек. Через гору решили идти тоннелем с двух сторон, навстречу друг другу и, подписав договор на социалистическое соревнование, разошлись по своим местам.

Рычали перфораторные буры, вгрызаясь в суровый камень: запальщики, закладывая аммонал, поджигали фитили, отбегая от горы, обвешанной сигнальными красными флажками: „опасно“.

Навстречу грохоту взрывов двигались к горе разбойники и откатчики; наступая им на пятки, тащили леса крепильщики; монтеры, цепляясь за острые выступы рваного камня, тащили в тьму забоя провод, подвешивая электрические лампочки.

Отряды Марчелли и Никитина пробивали входной и выходной порталы тоннеля к сердцу горы, истекавшему каплями хрустальных рудниковых вод.

Люди уходили все дальше в глубь горы.

* * *

Катастрофа нагрянула неожиданно, глубокой ночью. На сто двадцатом метре тоннеля вода, хлынув из скрытого подземного ручья, размыва поро́ду, и гора села, обрушившись страшным обвалом, похоронив под собой инструмент, тачки и крепильный лес.

Прискакавший на рассвете начальник строительства установил, что обвал произошел на территории в 70 метров.

Над проходкой зияла громадная дыра, в которую зловеще просвечивало серое дождливое небо. Каждая минута проволоочки несла за собой до-

полнительные бедствия. Надо было немедленно подкрепить потолок и стены обвала, накрыв зияющее отверстие бетонной полушкой, и одновременно подвести шланги насосов внутрь для от качки воды.

Крепильщики хмуρο переминались с ноги на ногу, — не всякому хотелось лезть навстречу смерти в злое нутро горы, угрожавшей раздавить каждого тысячами тонн зловеще потрескивающей породы.

Андрей Иванович Бывалин, признанный вожак крепильщиков выходного портала, великан-старик с 35-летним стажем крепезных работ в шахтах и забоях Алтая, засунув за пояс громадный топор пошел, переваливаясь медвежьей походкой, к черному жерлу обвала, а за ним, весело галдя и перекликаясь, исчезли среди обломков скал остальные крепильщики.

Ни один человек из смен входного и выходного порталов, не вышел из тоннеля.

Жены рабочих с детьми, усеяв подножие, в напряженном молчании прислушивались к звукам, исходившим из самых недр горы.

А в глубине двух, шедших друг к другу навстречу, тоннелей, ползая на животе, перестукивались забойщики. Они стучали молотками по выступам скалы и замирали, затаив дыхание. Им казалось, что глухой ответный стук раздается над их головой, и они бледнели, обливаясь холодным потом при мысли, что произошла ошибка в расчетах, и тоннель, разойдясь, не встретится на высоте, намеченной проектом строительства Ульбы.

Но, когда часовая стрелка придвинулась к девяти, с грохотом отвалился кусок породы, в образовавшееся отверстие просунулась рука, и в эту руку вцепился сейчас же добрый десяток других, и руку трясли до тех пор, пока из-за каменной, стены не раздался отчаянный вопль:

— Руку отпустите, окаянные, плечо вывихнете!

Каменная стена раздалась, и перед восхищенными взорами людей предстал тоннель, и какой тоннель! Не верилось, что это — творение собственных рук, этот залитый бетоном широкий и просторный тоннель, убегающий вдаль.

Освещенный сиянием электрических лампочек, напизанных, подобно бриллиантам, на провода вделанные в гладкие и прочные стены хода, прорезавшего гору насковозь, — тоннель был готов хоть сию минуту принять бешеные воды Малой Ульбы и низвергнуть их в грандиозную деревянную трубу длиной в тринадцать тысяч шагов.

Наведя лоск и красоту на дело своих рук, Рокка Карлович и Семен Маркович увели свои бригады из чистенько подметенного каменно-бетонного тоннеля к снежным шапкам Малой Ульбы останавливать реки, создавать озера, воздвигать плотину.

„Известия“

Агролог Гутерман только что подсчитал высоту, которой достиг самый северный в мире радиозонд, пущенный им почти около 83-й параллели. На высоте 15 километров поднялся каучуковый баллон, наполненный водородом.

Биолог Горбунов вытащил из воды трал с первыми экземплярами животных, взятых в этой широте. Трал принес ему глубоководную рыбку и несколько ракообразных. Все это очень типично для Атлантики и чрезвычайно похоже на то, что можно наблюдать в Гренландском море.

До сих пор ученые предполагали, что „порог Нансена“ и ряд других причин преграждают доступ для атлантических животных к вершинной точке земного шара. Но оказалось, что здешние обитатели моря все же происходят из Атлантики.

В этом убедился и планктонолог Богров. Его последняя добыча отличалась от тех добыч, которые он получил южнее и западнее, разве только по своим размерам.

Все эти неожиданные результаты биологических наблюдений совершенно изменяют представление о жизни Ледовитого океана.

Из толстой чугунной трубы вылетает жирный, блестящий, толщиной в руку столбик грунта. Геолог Ермолаев уносит его к себе в лабораторию, бережно укладывает на длинные листы бумаги, а потом запаивает в стеклянные трубочки. В таком виде, свежий и влажный, он будет доставлен в Ленинград для изучения. Он поможет еще лучше понять историю и строение нашей планеты.

Химики Чигорин и Лактионов занимаются исследованием пробы воды, только что взятой гидрологами Березкиным и Балакшиным.

Березкин записывает карандашом глубины и температуры. На глубине в 150 метров оказалась теплая вода. Мощный Гольфштрем даже сюда донес

свою струю толщиной в 600 метров; именно она, эта струя, дает возможность существовать многочисленным представителям атлантической фауны.

Убита нерпа. Биологи чуть не пляшут от радости и жмут руку удачному стрелку, подстрелившему „самую северную“ нерпу. Внутри нее нашли животных, которыми она питается.

Березкин стоит на вышке с термометром в руках. Доктор Гагарин ищет в пробах воды бактерий. Жонголович вдруг радостно вскрикивает и хватается за приборы. Выглянуло солнце, а ведь только оно сможет сказать нам точно, где сейчас находится „Садко“.

Несколько минут внимательных подсчетов, и Евгений ставит точку на грязной от прикосновения пальцев карте. У Г. А. Ушакова в руках бумажка, на которой написано: 82° 40' 9".

Итак, астрономически установлена широта. Тросы определяют глубину в 23,5 метров. Начальник экспедиции Г. А. Ушаков, улыбается, улыбаются и все вокруг него.

На палубе прыгает крохотная серенькая пгичка — полярный воробей „пуночка“.

„Садко“ идет на юго запад, изучая изменения кромки и окончательно расшифровывая ряд неясностей. Кромка уводит нас на юг. Мы проходим мимо открытого нами острова, разрезая самую сердцевину белого пятна и этим окончательно стирая его с карты.

Вода покрыта блинчатым льдом — предвестником наступающей зимы. Он скоро превратится в тяжелый многометровый лед, который покроет весь путь, только-что пройденный кораблем. А пока он красиво лежит на гладкой, слоистой воде, делая ее похожей на змеиную кожу.

„Садко“ идет на запад. Снова Земля Франца-Иосифа. Направляясь по кромке льда, он двигается к Архангельску.

Воскрешение реки Яуза

Яуза — никудышная речонка, сток фабричных и канализационных вод в северо-восточной части Москвы — когда-то была хорошей судоходной рекой. По ней шел торговый путь из Москва-реки с переволокой у Мытищ в реку Клязьму, а потом в Волгу.

В XI веке на Яузе боярин Кучка брал дань с торговых караванов, а летопись 1156 года сообщает: „Князь Юрий Долгорукий заложил град Москву выше реки Яузы“.

О былой мнэгловодности Яузы можно судить и по тому, что Петр I ставил на ней пологняные фабрики, работавшие от водяных колес.

Ныне Яуза вошла в замечательный план большевистской перестройки Москвы. Года через два она снова превратится в судоходную реку, войдя в систему грандиозного канала Волга-Москва. Воду она получит из водохранилища в Химках по специальному каналу, который пересечет Останкино.

Уже сейчас на расстоянии от Устьинского моста до Земляного вала Яузы не узнать. Она стала шире почти вдвое. Шестиметровыми сваями укрепляют ее берега, одевают их в бетон и гранит. Пыхтят паровые копры, рокочут бетономешалки, сотни строителей день и ночь работают над превращением гнилой речушки в новую водную магистраль, которая своими широкими набережными, арками легких мостов и быстрыми катерами украсит пять районов красной столицы.

На вершину седовласого Казбека

Сводный батальон №-ской грузинской дивизии совершил в сентябре в полном боевом снаряжении беспримерный поход на вершину Казбека.

(Продолжение см. на 4 стр. обложки).

С высоты трех тысяч метров над уровнем моря началась полоса ледников. Путь преграждали ледяные трещины, образующие овраги глубиной от 100 до 400 метров. Шли медленно, вырубая ступеньки во льду.

Вдруг остановились перед огромной трещиной. Это был природный ледяной мост длиной в пять метров. По этому мосту, под которым зияла пропасть, должен был пройти весь батальон в полном снаряжении, нужно было пронести пушку. Это опасное место было пройдено благополучно.

На высоте 4 тысяч метров, у пункта Хмаура их ожидал камнепад. Решили до начала камнепада пройти его зону и шли по льду ускоренным маршем. Все же хвост колонны попал под каменный дождь и одному артиллеристу угодило камнем в бок.

К 3 часам дня 14 сентября батальон достиг седловины Казбека, до вершины оставалось 43 метра. Короткий привал, и с возгласом „ура!“ все, как один,

поднялись на последний, самый трудный переход и достигли вершины Казбека в полчаса.

Четырехлетний дрейф в Арктике

Начато проектирование деревянного полярного судна типа „Фрама“. Специальная конструкция судна будет приспособлена для многолетнего дрейфа во льдах высоких широт Арктики.

Это судно должно быть закончено постройкой в начале 1937 г. В том же году намечено начать на нем ледовой дрейф, который продолжится около 3—4 лет.

Главная задача такой экспедиции — всестороннее изучение глубоких частей полярного бассейна, в течение круглого года скованных мощным ледяным покровом. Пробыть этот покров не в состоянии даже самые сильные ледоколы.

Экспедиция сможет повторить в некоторой части работу экспедиции на „Фраме“, совершенной Нансеном в 1893—1896 гг.

В то время методика океанографического исследования была весьма несовершенна, и поэтому многие вопросы по океанографии Арктики остались тогда неразрешенными. Их должны разрешить советские ученые на дрейфующем судне.

Семивековой водопровод

Экспедиция Академии истории материальной культуры под руководством гидролога Данилевского произвела обследование древних водопроводов в районе Феодосии.

Некоторые из этих водопроводов частично действуют и сейчас, доставляя из неизвестных источников хорошую питьевую воду.

В Султанской долине, близ Феодосии, экспедиция обнаружила водосборное сооружение и магистрали водопровода, построенного, судя по найденным надписям на древнеармянском языке, в XIII веке.

Водопровод, насчитывающий семь веков, может быть легко восстановлен.

**1-го июля истек срок уплаты очередного III взноса
по подписке в рассрочку на журнал «30 дней»
== СПЕШИТЕ ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ! ==**

КНИГА ЗДОРОВЬЯ

ДОМАШНИЙ МЕДИЦИНСКИЙ СПРАВОЧНИК

Под ред. проф.: С. А. Бруштейна, Г. И. Дембо, С. Д. Каминского, Л. А. Кривского,
Г. П. Павлова и Л. С. Каминского.

Том I. Медицина прежде и теперь. Гигиена: список блюд диетического питания и др. Заразные болезни. Социальные болезни: туберкулез, сифилис и др. Болезни органов пищеварения. Болезни органов дыхания и кровообращения. Болезни глаз, уха, горла и носа.

2 тома
в колленкор. перепл. с золотым тиснен. в изящ. суперобложках,
1270стр., 167 рис.

Цена за оба тома
9 рублей
без пересылки

Том II. Гигиена женщины: женские болезни, противозачаточ. средства и др. Гигиена детского возраста. Полов. жизнь и здоровье. Нервно-психическ. здоровье человека. Физкультура. Физ. мет. лечен. Уход за телом и болезн. кожи. Первая помощь. Больной на дому. Что нужно знать застывавшему.

Высылает наложенным платежом по получении задатка в 1 рубль Кооп. Издательство «ОБРАЗОВАНИЕ», Ленинград, ул. Пестеля, 12д.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

«ГОНЕЦ»

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ в несчастных случаях

Руковод. для охотер милосердия, пожарных, туристов и кружков РОБК. Перевод с 49 нем. изд. книги Ф. Эсмарка. 300 рис.
Цена 1 р. 50 к.

КНИГИ ПО ДОМАШНЕМУ ХОЗЯЙСТВУ

Полная поваренная книга. 1001 рецепт кушаний. Ц. 2 р. 60 к. Самоучитель кройки и шитья. Мужское, женское и детское платье. Ц. 3 р. Домашний мастер. (Ремесла на дому.) Ц. 2 р. 50 к. Домашнее хозяйство. Уход за жилищем. Заготовки на зиму. Кулинария. Ц. 1 р. Домашний электротехник. Цена 2 р. 80 к.

НОВОЕ В НАУКЕ
Библиотека из 18 книг, включающих обзоры новых достижений физики, химии, биологии, геологии, медицины, астрономии и др. наук. Книги написаны популярным языком и составлены крупными научными работниками. Цена библиотечки 5 р. 80 к.

ШКОЛА ОРАТОРА В. Н. Серезникова.

Полный курс ораторского искусства. Пособие для ораторов, лекторов, чтецов, кружководов, школьных преподавателей, актеров. I ч. Техника речи. II ч. Музыка слова. III ч. Школа оратора. Все три части в 2-х томах—4 руб.

Все нужные вам книги выписывайте через «ГОНЕЦ». Высылаются наложен. платеж. Приставшие деньги вперед за пересылку не платят. ДЕНЬГИ и ЗАКАЗЫ адресуйте: Москва, «ГОНЕЦ», Москворецкая, 24/47.

**СВЫШЕ 1000 СТРАНИЦ
ЛУЧШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ОРИГИНАЛЬНЫХ РИСУНКОВ, ФОТОСНИМКОВ и пр. по знач. тельно удешевленной цене.

КОМПЛЕКТ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОГО и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЕЖЕМЕСЯЧНИКА в КРАСОЧНОЙ ОБЛОЖКЕ.

30 дней
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ежемесячник

12 книг журнала за 1929г. за 4 руб.

В журнале напечатаны произведения:

Г. Алексеева, Дж. Алтауэна, Э. Багрицкого, А. Безыменского, В. Бонч-Бруевича, С. Буданцева, И. Вольнова, Ф. Гладкова, В. Громова, Д. Бедного, А. Жарова, Еф. Зозули, И. Ильфа, В. Катаева, Б. Келлермана, Л. Леонова, Ю. Либединского, Н. Логинова-Лесняка, А. Луначарского, Н. Ляшко, М. Залка, П. Низового, Г. Никифорова, А. Новинова-Прибоя, Ю. Олеси, Н. Семашко, Г. Сокольников, Т. Белл, Т. Тэсс, Т. Хаяси, П. Ширяева, А. Яковлева и мн. др.

**КОЛИЧЕСТВО ПОЛНЫХ КОМПЛЕКТОВ
ОГРАНИЧЕНО**

Выписавшие комплект могут получить за доплату в 1 рубль для переплетения комплекта изящно выполненную гранитоловую крышку с золотым тиснением.

Высылка заказной бандеролью за счет издательства.

ЗАКАЗЫ ВЫПОЛН. ТОЛЬКО ПО ПОЛУЧ. ДЕНЕГ.
Изд-во „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“
МОСКВА, Никольская, 10/2.

**СОВЕТСКИЙ
Турист**

**ЭКСПУРС.
ГОСУД.
АКЦ.О.ВО**

ПРОВОДИТЕ ВАШ ОТДЫХ в экскурсиях и на базах «Советского Туриста»

ЭКСПУРСИИ: производственные, краеведческие, сельско-хозяйственные.
По всему СССР, продолжит. от 6 до 40 дней. Цены от 20 до 200 рублей.

В КРЫМУ: Алушка, Алушта, Балаклава, Евпатория, Судак, Ялта. НА КАВКАЗЕ: Аше, Зеленый мыс, Гагры, Магри, Синоп, Сочи, Бурон, Кисловодск, Красная Поляна, Цей, Шови. В СИБИРИ: Боровое. Стоимость пребывания на базах с полным содержанием: питание (3 раза в день), помещение в общежитии, местные экскурсии—4 рубля в сутки. Своевременно записавшиеся члены профсоюзов и учащиеся имеют право на 5% скидку с железнодорожного тарифа. Запись и справки в Правлении «Советского Туриста»—МОСКВА, Столешников пер., 16. Телеф.: 3-06-75 от 9 до 6 часов.

Используйте лучше время: НА ПОВЕРЖЬИ—весну и осень; В ГОР-Х—лето.

БАЗЫ ОТДЫХА
открыты с мая
по октябрь

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
«ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА»

Москва, Никольская, 10/2.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА II ПОЛУГОДИЕ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

30 Дней
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ежемесячник

«30 ДНЕЙ» ставит своей задачей давать разнообразный политический, литературно-художественный, культурно-экономический и бытовой материал в живой, увлекательной и популярной форме.

В журнале «30 ДНЕЙ» печатаются повести, рассказы, стихи лучших советских и иностранных писателей и поэтов, что дает возможность читателям ознакомиться с художественными произведениями социальной и литературной значимости.

Все рассказы, статьи и очерки сопровождаются иллюстрациями лучших художников и фотографов.

ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛА «30 ДНЕЙ» ПОЛУЧАЮТ

с июля до конца года

ПО I АБОНЕМЕНТУ: 6 книг «30 дней» 6 книг Биб-ки современных писателей: **Ф. Гладков**—Старая секретная, **Д. Фурманов**—Семь дней, **Б. Келлерман**—Братья Шелленберг, «Малый Тибет, Индия и Сиам», Событие в жизни Швеленкля и Ингеборг. На 6 месяцев **5 руб. 25 коп.**, на 3 месяца **2 руб. 75 коп.** Подписавшиеся с июля до конца года по I абон. и внесшие при подписке дополнительную плату **2 р. 25 к.** получают вышедшие в первом полугодии: 6 книг Биб-ки современных писателей: **Г. Никифоров**—Женщина, **А. Новиков-Прибой**—Женщина в море, **М. Громов**—За креслами, **Б. Горбатов**—Ячейка, **Б. Келлерман**—Туннель и По персидским караванным путям.

Подписчики **ПО II АБОНЕМЕНТУ** получают перечисленные в I абонемента 6 книг «30 дней», 6 книг Биб-ки современных писателей и 12 книг **В. Г. Короленко**. На 6 мес. **8 р.**, на 3 мес. **4 р. 25 к.** и кроме того за дополнительную плату при подписке в **4 р. 75 к.** подписчики могут получить вышедшие за 1-е полугодие: 6 книг Биб-ки современных писателей и 12 книг **В. Г. Короленко**.

ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:

МОСКВА, Никольская, 10/2. Изд-во «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».